

Министерство науки и высшего образования РФ

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

ВЕСТНИК

**НИЖЕГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО**

**Серия
СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ**

№ 1 (61)

Нижний Новгород
Издательство Нижегородского государственного университета
2021

В 38 **Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки.**
№ 1 (61). – Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2021. – 148 с.
Информационная продукция для детей старше 16 лет

Выходит 4 раза в год

Главный редактор

А.О. Грудзинский – д.соц.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

Редакционная коллегия:

Б.И. Бедный (*зам. главного редактора*) – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
В.Н. Бобков – д.э.н., проф. (ОАО «Всероссийский центр уровня жизни», г. Москва);
П.Б. Болдыревский – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Х.В. Боссонг –
PhD, Prof., Dr. (Университет Дуйсбург-Эссен, Германия); М.А. Вахрушина – д.э.н., проф.
(Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации); Ю.Р. Вишневецкий –
д.филол.н., проф. (УрФУ им. Б.Н. Ельцина); М.Л. Горбунова – д.э.н., проф. (ННГУ
им. Н.И. Лобачевского); И.В. Гребенев – д.пед.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
И.А. Григорьева – д.соц.н., проф. (СПБУ); Т. Зарицкий – Dr. Hab., Associate Prof.
(Варшавский университет, Польша); Л.Н. Захарова – д.психол.н., проф. (ННГУ им.
Н.И. Лобачевского); А.В. Золотов – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
Р.Г. Каспина – д.э.н., проф. (Казанский федеральный университет); А.В. Кузнецов –
д.э.н., чл.-корр. РАН (Институт мировой экономики и международных отношений
РАН); Ю.А. Кузнецов – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Д.Н. Лапаев –
д.э.н., проф. (ННГУ им. Р.Е. Алексеева); С.В. Ледеява – PhD, Assistant Prof. (Университет
Аалто, Финляндия); А.С. Макаров – д.э.н., проф. (ВШЭ, г. Нижний Новгород);
Н.В. Малиновская – д.э.н., доц. (РУДН); М.Ю. Малкина – д.э.н., проф. (ННГУ им.
Н.И. Лобачевского); И.Е. Мизиковский – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
М. Помпелла – PhD, Prof. (Университет г. Сиена, Италия); В.В. Николина – д.пед.н.,
проф. (НИРО); Г.И. Осадчая – д.соц.н., проф. (Институт социально-политических
исследований РАН); Л.М. Попов – д.психол.н., проф. (КФУ); Н.С. Пурышева – д.пед.н.,
проф. (МПГУ); З.Х. Саралиева – д.и.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Г. Стартиене –
к.э.н., проф. (Каунасский технологический университет, Литва); Ю.В. Трифонов – д.э.н.,
проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); О.В. Трофимов – д.э.н., проф. (ННГУ
им. Н.И. Лобачевского); А.Ю. Чепуренко – д.э.н., проф. (НИУ ВШЭ, г. Москва);
С.Н. Яшин – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

ББК С

Электронная версия журнала:
<http://www.vestnik-soc.unn.ru/>

© Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, 2021

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation
National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

VESTNIK
OF
LOBACHEVSKY STATE UNIVERSITY
OF NIZHNY NOVGOROD
SOCIAL SCIENCES

No. 1 (61)

Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod University Press
2021

Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Social Sciences. No. 1 (61). – Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod University Press, 2021. – 148 pp.

The journal appears four times a year

Editor-in-Chief

A.O. Grudzinskiy – D.Sc.(Sociology), Prof.

Editorial Board:

B.I. Bednyi (*Deputy Editor-in-Chief*) – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; P.B. Boldyrevskii – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; V.N. Bobkov – D.Sc. (Economics), Prof.; H.W. Bossong – PhD, Prof. Dr.; M.A. Vakhrushina – D.Sc. (Economics), Prof.; Yu.R. Vishnevsky – D.Sc. (Philosophy), Prof.; M.L. Gorbunova – D.Sc. (Economics), Prof.; I.V. Grebenev – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; I.A. Grigorieva – D.Sc. (Sociology), Prof.; T. Zarycki – Dr. Hab., Associate Prof.; L.N. Zakharova – D.Sc. (Psychology), Prof.; A.V. Zolotov – D.Sc. (Economics), Prof.; R.G. Kaspina – D.Sc. (Economics), Prof.; A.V. Kuznetsov – D.Sc. (Economics), Corresponding Member of the RAS; Yu.A. Kuznetsov – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; D.N. Lapaev – D.Sc. (Economics), Prof.; S.V. Ledyeva – PhD, Assistant Prof.; A.S. Makarov – D.Sc. (Economics), Prof.; N.V. Malinovskaya – D.Sc. (Economics), Assoc. Prof.; M.Yu. Malkina – D.Sc. (Economics), Prof.; I.E. Mizikovskiy – D.Sc. (Economics), Prof.; M. Pompella – PhD, Prof.; V.V. Nikolina – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; G.I. Osadchaya – D.Sc. (Sociology), Prof.; N.S. Puryшева – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; Z.H. Saralievа – D.Sc. (History), Prof.; G. Startienė – Prof., Dr. of Social Sciences (Economics); Yu. V. Trifonov – D.Sc. (Economics), Prof.; O.V. Trofimov – D.Sc. (Economics), Prof.; A.Yu. Chepureno – D.Sc. (Economics), Prof.; S.N. Yashin – D.Sc. (Economics), Prof.

Electronic version of the journal can be found at:

<http://www.vestnik-soc.unn.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

Экономические науки

<i>Мизиковский И.Е.</i> Распределение затрат на продажу продукции машиностроительного предприятия методом Activity Based Costing.....	7
<i>Оборин М.С.</i> Трансформация сельского хозяйства в условиях цифровой экономики	14
<i>Перова В.И., Корчемный П.В.</i> Анализ влияния сферы здравоохранения на развитие человеческого капитала как фактора экономического роста стран ЕАЭС.....	22
<i>Трофимов О.В., Фролов В.Г., Климова Е.З.</i> Анализ особенностей развития высокотехнологичных предприятий промышленности в экономике Нижегородской области	33
<i>Юрлов Ф.Ф., Яшин С.Н., Титов В.В.</i> Сравнительный анализ эффективности российских предприятий автокомпонентов по социальным показателям.....	39

Социологические науки

<i>Гурко Т.А.</i> Благополучие детей в различных семейных структурах: обзор результатов зарубежных исследований.....	45
<i>Костина Н.Б., Белозерова К.Р.</i> Влияние традиционных религий на жизнь студентов уральского мегаполиса: экспертные оценки	54
<i>Теодорович М.Л., Софронова Ю.Л.</i> Истоки формирования практик добросовестного конкурентного поведения в современной России: теоретический анализ социокультурных оснований.....	62
<i>Ильдарханова Ч.И., Ибраимова А.А.</i> Качество жизни многодетных семей (кейс Республики Татарстан)	73
<i>Савченко И.А., Горохова А.М.</i> Пандемия в фокусе мировосприятия современного студента.....	83
<i>Ермилова А.В., Исакова И.А.</i> Гендерно-территориальные и возрастные особенности реализации волонтерской деятельности: социологический аспект	90
<i>Заляев А.Р., Шаммазова Е.Ю.</i> Целевое обучение в оценках студентов-медиков: опыт эмпирического исследования.....	97
<i>Курникова М.В.</i> Физическая культура и спорт как социальное пространство формирования специфического габитуса	103
<i>Леонова И.С.</i> Социальный возраст персонала старшего хронологического возраста	110
<i>Нацун Л.Н.</i> Условия жизни домохозяйств инвалидов (по данным выборочного обследования Росстата).....	116
<i>Рогачев Д.Ю.</i> Риск как фактор экономического поведения людей в общественных науках	125

Педагогические науки

<i>Малинин В.А., Пугачев А.В.</i> Формирование предпринимательских способностей обучающихся в условиях основного общего образования	132
<i>Митрофанов В.В.</i> «...Я думала о лучшей постановке педагогического образования...»: Письма В. Волкович С. Платонову (1903–1909 гг.).....	137

CONTENTS

Economic sciences

<i>Mizikovsky I.E.</i> Distribution of costs for selling products produced at a machine-building enterprise by Activity Based Costing method.....	7
<i>Oborin M.S.</i> Transformation of agriculture in a digital economy.....	14
<i>Perova V.I., Korchemny P.V.</i> Analysis of the impact of the health sector on development human capital as an economic factor growth of the EAEU countries.....	22
<i>Trofimov O.V., Frolov V.G., Klimova E.Z.</i> Analysis of the features of development of high-technological enterprises of the industry in the economy of Nizhny Novgorod region	33
<i>Yurlov F.F., Yashin S.N., Titov V.V.</i> Comparative analysis of the efficiency of Russian enterprises of autocomponents by social indicators	39

Sociological sciences

<i>Gurko T.A.</i> Children's well-being in various family structures: a review of foreign research results	45
<i>Kostina N.B., Belozerova K.R.</i> The influence of traditional religions on the life of students in the Ural megapolis: expert evaluations	54
<i>Teodorovich M.L., Sofronova Y.L.</i> The origins of forming practices of fair competitive behavior in modern Russia: a theoretical analysis of socio-cultural bases	62
<i>Ildarhanova Ch.I., Ibragimova A.A.</i> Life quality of families with many children (case of the Republic of Tatarstan)	73
<i>Savchenko I.A., Gorokhova A.M.</i> Everyday life in focus of the pandemic	83
<i>Ermilova A.V., Isakova I.A.</i> Gender and age characteristics implementing of volunteer activities: sociological aspect	90
<i>Zalyaev A.R., Shammazova E.Yu.</i> Employer-financed education through feedbacks of medicine students: experience of empirical research	97
<i>Kurnikova M.V.</i> Physical culture and sports as a social space of specific habitus formation	103
<i>Leonova I.S.</i> Social age of the senior chronological age personnel	110
<i>Natsun L.N.</i> Living conditions of disabled households (according to a sample survey conducted by the Federal State Statistics Service).....	116
<i>Rogachev D.Yu.</i> Risk as a factor of the economic behavior of people in the social sciences	125

Pedagogical sciences

<i>Malinin V.A., Pugachev A.V.</i> Formation of entrepreneurial abilities of young students in the context of integration of school and university	132
<i>Mitrofanov V.V.</i> «... I thought about the best pedagogical education regulation ...»: V. Volkovich's letters to S.F. Platonov (1903–1909)	137

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 657

DOI 10.52452/18115942_2021_1_7

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЗАТРАТ НА ПРОДАЖУ ПРОДУКЦИИ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОГО ПРЕДПРИЯТИЯ МЕТОДОМ ACTIVITY BASED COSTING

© 2021 г.

И.Е. Мизиковский

Мизиковский Игорь Ефимович, д.э.н.; проф.; заведующий кафедрой бухгалтерского учета
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
core090913@gmail.com

*Статья поступила в редакцию 08.10.2020**Статья принята к публикации 15.01.2021*

Статья посвящена изучению проблемы распределения затрат на продажу продукции машиностроительного предприятия на основе применения метода Activity Based Costing. Исследуются теоретико-методологические подходы к инструментализации учетно-калькуляционной работы в целях структурирования совокупности приемов и способов отнесения затрат на продажу на полную себестоимость продукции в результате декомпозиции коммерческой деятельности на соответствующие процессы и подбора экономически адекватных им показателей базы распределения. Доказано, что применение Activity Based Costing соответствует целям и задачам эффективного управления хозяйствующим субъектом, способствует повышению качества калькулирования, обеспечивает информацией широкий диапазон принятия управленческих решений и разработки стратегий. Предлагаемая к широкому использованию модель Activity Based Costing, основанная на применении предложенных автором процессов и баз распределения на себестоимость продукции расходуемых на них затрат на продажу, позволит существенно повысить уровень точности калькуляционного результата; обеспечит релевантными данными процессы принятия как оперативных, так и стратегических решений, направленных на снижение уровня затрат.

Ключевые слова: калькулирование, Activity Based Costing, затраты на продажу, процессы, распределение, отнесение на себестоимость, полная себестоимость.

Введение

Сложность и динамичность экономики современного предприятия машиностроения предопределяют формирование запроса его руководства на системную структуризацию массива максимально достоверной, полной и своевременной информации об используемых ресурсах в потоке создания ценности. В этих условиях качество результатов учетно-калькуляционной работы, прежде всего себестоимость продукции (работ, услуг) (СП), становится одним из приоритетных факторов обеспечения продуктивности информационного пространства хозяйственной деятельности организации, необходимым условием повышения эффективности широкого диапазона текущих управленческих решений и выработки различного горизонта стратегий, в том числе в целях повышения доходности и конкурентоспособности бизнеса, экономии ресурсов, сокращения потерь и безвозвратных отходов, увеличения объемов производства и неукоснительного соблюдения стандартов качества продукции, мак-

симально полного удовлетворения потребностей клиентов и т.д.

По существу, сведения о СП становятся ядром сложноструктурированного сегмента информационного пространства управления машиностроительным предприятием, используемым при решении жизненно важных для организации производственно-коммерческих задач, образуют прочную «несущую конструкцию» всего «здания» данных о бизнес-процессах, что предполагает систематическое обновление инструментальных средств их генерирования. Парадигма структурирования полной себестоимости продукции (работ, услуг) (ПС) предполагает в ее составе две фундаментальные составляющие – производственные и внепроизводственные (затраты на продажу) затраты. Исследования, проведенные автором на ряде машиностроительных предприятий г. Нижнего Новгорода и Нижегородской области, позволили выявить негативную тенденцию, связанную с относительно низким уровнем результативности расчетов последней из перечисленных составляющих. Это объяснимо, к сожалению, устой-

чивым набором причин, главной из которых является технологическое отставание применяемых для их выполнения методик от современного уровня инструментальной базы учетно-калькуляционной работы, зачастую не ориентированных на обработку сложноструктурированной информации, каковыми являются сведения о затратах на продажу (ЗПП).

Наметившаяся «стагнация» в развитии средств калькулирования этих затрат объяснима вполне утилитарно: эти ресурсы имеют, в подавляющем большинстве случаев, относительно небольшой удельный вес в общем объеме расходов машиностроительного предприятия, напрямую не формируют потребительские свойства производимого продукта и лишь опосредованно влияют на получение экономической выгоды. Это, так или иначе, снижает мотивацию обновления применяемых учетно-калькуляционных инструментов, их совершенствование (конечно же, при отсутствии хорошо отлаженной технологии менеджмента организации) производится формально, откладывается «на потом» или просто выпадает из фокуса внимания методологов. В этих условиях забывается простая арифметическая истина: неточность одного слагаемого не может не повлиять на общий результат.

Вполне очевидно, инструментализация калькуляционного процесса ЗПП требует системной, кропотливой работы. Это связано, прежде всего, с тем, что ЗПП, как правило, представляют собой сложноструктурированную, информационно емкую, неоднородную систему, элементы которой связаны «со сбытом продукции: упаковкой, хранением, транспортировкой до пункта, обусловленного договором, погрузкой в транспортные средства (кроме тех случаев, когда они возмещаются покупателями сверх цены на продукцию), оплатой услуг банков по осуществлению в соответствии с заключенными договорами торгово-комиссионных (факторинговых) операций, рекламой, включая участие в выставках, ярмарках, стоимость образцов, переданных с контрактами, соглашениями и иными документами непосредственно покупателям или посредническим организациям бесплатно и не подлежащих возврату, и другие аналогичные затраты» [1, с. 211].

Состояние, структурные особенности данной системы, модели поведения ее, как правило, многочисленных и зачастую разнородных элементов зависят от содержания и направленности видов (процессов) коммерческой деятельности, имеющих динамичный и нередко стохастический характер. По мнению автора, эта зависимость является ключевым фактором влияния на объемы и интенсивность аккумуляции

ЗПП и, следовательно, на конечный результат калькулирования ПС. Как показали исследования, во многих бухгалтерских практиках изучаемых предприятий данный постулат полностью или частично игнорируется, что, к сожалению, приводит к заметному снижению качества экономических расчетов калькуляционного результата и противоречит самой концепции эффективного производственно-коммерческого менеджмента. Да и сама алгоритмизация экономических расчетов затрат данного вида практически не отражена во внутренних стандартах предприятий.

По существу, отнесение любого класса комплексных затрат «общей массой» на себестоимость, без учета индивидуальных организационных особенностей образующих их статей, приводит не только к снижению качества калькулирования, но и к потере важной информации, релевантной многим вариантам принятия управленческих решений, отбрасывает учетно-калькуляционные технологии к десятилетиями критикуемому и безнадежно устаревшему «котловому» методу. Поэтому целью научного исследования, представленного в данной статье, является повышение качества ПС в части отнесения на нее ЗПП; задачами – разработка модели инструментализации и распределения данного класса затрат исходя из особенностей видов (процессов) коммерческой деятельности, существенное обновление используемого учетно-калькуляционного инструментария, более глубокое интегрирование в информационное пространство корпоративного и финансового менеджмента предприятия.

Теоретико-методологические подходы

В ряде методических источников, предназначенных для промышленных предприятий, изложен подход, предполагающий прямое списание ЗПП, а при невозможности выполнения этой процедуры – распределение между себестоимостью отдельных видов продукции с помощью определенной базы распределения (веса, объема, производственной себестоимости или других кост-драйверов, предусмотренных отраслевыми инструкциями или стандартами предприятия) [1–6]. В основе данного способа лежит хорошо известный и многократно описанный в литературе метод Absorption Costing [7–14]. По мнению автора, при, несомненно, сильных сторонах его широкого применения он, по определению, не предполагает использования средств, учитывающих влияние коммерческих процессов на аккумуляцию и распределение ЗПП.

Рис. Укрупненная диаграмма информационно-технологических связей, возникающих в процессе распределения затрат на продажу продукции промышленного предприятия

Исходя из данного постулата, в качестве варианта решения проблемы распределения ЗПП, по мнению автора, необходимо рассмотреть метод Activity Based Costing [15–21], имманентно ориентированный на комплексную и всестороннюю реализацию процессного подхода в учетно-калькуляционной работе. Объективизация этого метода в бухгалтерские практики, применительно к рассматриваемому классу затрат, предполагает четкое следование принципу декомпозиции коммерческой деятельности на взаимосвязанные виды (процессы) и «привязки» к ним экономически соответствующих статей калькулирования, что позволит заметно повысить качество расчетов ПС.

В проведенном исследовании автором использованы как теоретические (системный, процессный, инструментализация, декомпозиция), так и эмпирические (наблюдение, визуализация, описание, измерение) методы. Проведенные автором исследования показали, что большинство изучаемых предприятий при распределении ЗПП используют способы, в основе которых лежит метод Absorption Costing. Обоснованием данного решения является достижение цели снижения трудоемкости расчетов, подготовки различных видов управленческой документации. Кроме того, в качестве аргументов в пользу применения данного метода называют относительно небольшой удельный вес ЗПП (1.5–7% на исследуемых предприятиях) в общем объеме затрат на обычные виды деятельности и очевидное сходство многих статей с косвенными затратами.

Вместе с тем для менеджмента предприятий, связанного с управлением себестоимостью, любая имплицитная неточность в расчете ПС, пусть даже на первый взгляд незначительная, позиционируемая в качестве аппроксимации, имеет кумулятивный эффект, негативно влияющий на конечные показатели. Исходя из данного постулата, вполне обоснованно применение метода Activity Based Costing, предполагающего:

- 1) декомпозицию пространства коммерческой деятельности, позволяющего выделить ключевые процессы;
- 2) выбор базы распределения для каждого из них;
- 3) распределение затрат процесса между видами продукции;
- 4) отнесение на ПС определенного вида продукции;
- 5) верификацию результатов.

Коммерческую деятельность машиностроительного предприятия можно укрупненно представить в виде следующего набора процессов:

- 1) транспортная работа;
- 2) погрузочно-разгрузочные операции;
- 3) маркетинг и рекламная деятельность;
- 4) содержание и эксплуатация складских помещений;
- 5) ремонт и эксплуатация погрузочно-разгрузочных и транспортных средств;
- 6) прочие процессы, связанные со сбытом и продвижением продукции.

Укрупненная диаграмма информационно-технологических связей, возникающих в процессе распределения ЗПП, представлена на рисунке.

Набор показателей, используемых в качестве базы распределения ЗПП на себестоимость процессов, должен быть сформирован следующим образом – см. табл. 1.

Для распределения затрат, израсходованных на процесс (вид) коммерческой деятельности, между ПС видов выпускаемой предприятием продукции рассчитываются следующие показатели:

- 1) коэффициент распределения K_i для i -процесса:

$$K_i = \text{П}/\text{Б}, \quad (1)$$

где П – себестоимость процесса, Б – база распределения;

- 2) сумма затрат C_j i -процесса, относимых на J -й вид продукции:

$$C_j = K_i \cdot \text{Б}_j, \quad (2)$$

где Б_j – значение показателя базы распределения для J -го вида продукции.

Процедура верификации может осуществляться различными способами, в результате должно соблюдаться равенство сумм затрат C_j и ЗПП $_T$, учтенных в календарном периоде T :

$$\text{ЗПП}_T = \sum C_j. \quad (3)$$

Рассмотрим предлагаемую методику на примере сведений о ЗПП, учтенных на одном из исследуемых предприятий за апрель 2019 года, исходные сведения для расчета представлены в табл. 2.

Распределение ЗПП на полную себестоимость выполненных за апрель 2019 г. работ между видами (наименованиями) продукции представлено в таблицах 3–7.

Таблица 1

**Основные виды (процессы) коммерческой деятельности
(продажа готовой продукции) машиностроительного предприятия**

Наименование процесса	База распределения	Ед. измерения
Транспортная работа	Объем доставки	Тонно-километр
Погрузочно-разгрузочные операции	Масса продукции	Тонна
Маркетинг и рекламная деятельность	Количество оформленных заказов (договоров поставки)	Руб.
Содержание и эксплуатация складских помещений	Общая площадь складских помещений	Кв. м
Ремонт и эксплуатация погрузочно-разгрузочных и транспортных средств	Средняя трудоемкость ремонтно-эксплуатационных работ	Чел.-час
Прочие процессы	Время работы персонала сбытового подразделения	Чел.-час

Таблица 2

**Исходные сведения для распределения затрат на продажу продукции
по предприятию за апрель 2019 г.**

Наименование процесса	Показатель базы распределения	Единица измерения	Количество	Себестоимость процесса, руб.	Коэффициент распределения $5=4/3$
А	1	2	3	4	5
Погрузочно-разгрузочные операции	Объем отгруженной продукции потребителю	Тонн	20	8000	400
Маркетинг и рекламная деятельность	Количество оформленных заказов на продажу	Шт.	27	6993	259
Содержание и эксплуатация складских помещений	Общая площадь складских помещений	Кв. м	14000	42980	3.07
Ремонт и эксплуатация погрузочно-разгрузочных и транспортных средств	Время работы по ремонту и эксплуатации погрузочно-разгрузочных и транспортных средств	Чел.-час	110	37995	345.41
Прочие коммерческие процессы	Время работы персонала сбытового подразделения	Чел.-час	1920	48000	25
Итого				143968	—

Таблица 3

**Распределение затрат на погрузочно-разгрузочные работы в апреле 2019 г.
между наименованиями продукции по предприятию**

Наименование продукции	Отгружено, тонн	Сумма отнесенных затрат, руб.
Вентиляционная установка НД-4060	3	1200
Автоматическая линия ТМ25-17	6	2400
Автоматическая линия Р16-22	11	4400
Итого	20	8000

Верификация полученных результатов, проведенная согласно (3), подтвердила правильность расчетов по распределению ЗПП между наименованиями продукции рассматриваемого предприятия.

Результаты внедрения в практики учета и в целом управления машиностроительными предприятиями метода Activity Based Costing применительно к ЗПП позволяют в значительной мере повысить эффективность учетно-

калькуляционной работы, обеспечить точность вычисления ПС выпускаемой продукции, сформировать массивы данных, релевантные запросам менеджмента на всех этапах потока создания ценности. Внедрение данного метода должно предваряться тщательной подготовкой управленческой среды к планируемым изменениям инструментария, согласовываться на всех уровнях системы управления хозяйствующим субъектом. Вполне очевидно, что в результате

Таблица 4

**Распределение затрат на маркетинг и рекламную деятельность в апреле 2019 г.
между наименованиями продукции по предприятию**

Наименование продукции	Количество оформленных заказов на продажу, шт.	Сумма отнесенных затрат, руб.
Вентиляционная установка НД-4060	16	4144
Автоматическая линия ТМ25-17	7	1813
Автоматическая линия Р16-22	4	1036
Итого	27	6993

Таблица 5

**Распределение затрат на содержание и эксплуатацию складских помещений в апреле 2019 г.
между наименованиями продукции по предприятию**

Наименование продукции	Площадь складских помещений для отдельных видов готовой продукции	Сумма отнесенных затрат, руб.
Вентиляционная установка НД-4060	4000	12280
Автоматическая линия ТМ25-17	7000	21490
Автоматическая линия Р16-22	3000	9210
Итого	14000	42980

Таблица 6

Распределение затрат на ремонт и эксплуатацию погрузочно-разгрузочных и транспортных средств в апреле 2019 г. между наименованиями продукции по предприятию

Наименование продукции	Время работы по ремонту и эксплуатации погрузочно-разгрузочных и транспортных средств	Сумма отнесенных затрат, руб.
Вентиляционная установка НД-4060	80	27636
Автоматическая линия ТМ25-17	20	6909
Автоматическая линия Р16-22	10	3454.5
Итого		37999.5

Таблица 7

**Распределение затрат на прочие коммерческие процессы в апреле 2019 г.
между наименованиями продукции по предприятию**

Наименование продукции	Время работы персонала сбытового подразделения	Сумма отнесенных затрат, руб.
Вентиляционная установка НД-4060	420	10500
Автоматическая линия ТМ25-17	380	9500
Автоматическая линия Р16-22	1120	28000
Итого	1920	48000

анализа пробного применения данного метода появится необходимость внесения определенных коррективов. Остается отдельной проблемой внедрения не только рассматриваемого метода, но и в целом управленческих инноваций недостаточная мотивация управленцев. Описание конечного варианта должно быть подробно представлено в соответствующих нормативно-регулирующих документах, в том числе в учетной политике организации, во внутренних стандартах и инструкциях по формированию себестоимости продукции.

Заключение

Усложнение условий реализации управления затратами на обычные виды деятельности со-

временного машиностроительного предприятия априори формирует особые условия структуризации массивов, релевантных процессам разработки стратегий и принятия оперативных решений, ориентированных на перманентное повышение доходности, конкурентоспособности и финансовой устойчивости хозяйствующего субъекта. Построение информационного пространства предприятия, максимально отвечающего высокому уровню требований эффективного менеджмента, сосредотачивает внимание управленцев на проблеме обеспечения качества учетно-калькуляционной работы, в том числе в той ее части, которая связана с распределением ЗПП.

Применение метода Activity Based Costing позволяет не только существенно повысить качество учетно-калькуляционных результатов и

методологический уровень экономических расчетов, но и сформировать объективные условия для заметного повышения эффективности управления ресурсами производства, информативности внутренней отчетности, открывает пути к совершенствованию конструкции информационного пространства хозяйствующего субъекта, максимально инкорпорированного в сложную ткань производственного менеджмента. Важным направлением дальнейших исследований в рассматриваемой предметной области является изучение возможностей оперативного формирования ПС в части отнесения ЗПП в условиях стохастической модели поведения этих затрат под воздействием негативного влияния внешней экономической среды (инфляции, повышения ставок по кредитам, сокращения государственной поддержки и инвестиций в основной капитал).

Список литературы

1. Касьянова Г.Ю. Себестоимость продукции, работ, услуг: бухгалтерская и налоговая. 3-изд., перераб. и доп. М.: АБАК, 2018. 424 с.
2. Методические рекомендации по учету затрат на производство и калькулированию себестоимости масложировой продукции. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_98331/ec4b3720506b3ecda046ee66f1c10e186d377501 (дата обращения: 20.07.2019).
3. Инструкция по планированию, учету и калькулированию себестоимости продукции на нефтеперерабатывающих и нефтехимических предприятиях. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21779/5a7d09dc50477bf034b3ec9903e2180302fbd52/ (дата обращения: 18.07.2019).
4. Методические рекомендации по планированию, учету и калькулированию себестоимости продукции (работ, услуг) на предприятиях мукомольно-крупяной и комбикормовой промышленности. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901855932>, (дата обращения: 19.08.2019).
5. Методические положения по планированию, учету затрат на производство и реализацию продукции (работ, услуг) и калькулированию себестоимости продукции (работ, услуг) на предприятиях химического комплекса. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901855932> (дата обращения: 22.08.2019).
6. Отраслевая инструкция по планированию, учету и калькулированию себестоимости продукции (работ, услуг) на промышленных предприятиях речного транспорта. URL: <https://mvf.klerk.ru/zakon/rech.htm> (дата обращения: 14.08.2019).
7. Absorption and marginal costing (Relevant to AAT Examination Paper 3: Management Accounting) Li Tak Ming, Andy Deputy Head, Department of Business Administration, Hong Kong Institute of Vocational Education (Kwai Chung).
8. Ивашкевич В.Б. Бухгалтерский управленческий учет: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Магистр, 2008. 574 с.
9. Управленческий учет: официальная терминология СИМА Словарь терминов / Пер. с англ. О.Е. Николаевой, Т.В. Шишковой. М.: ИД ФБК-ПРЕСС, 2004. 200 с.
10. Звягинцев В.В. Методы калькулирования затрат: Абсорпшен-костинг и директ-костинг // Планово-экономический отдел. 2013. № 13. С. 35–41.
11. Модели управления себестоимостью. URL: <https://loyp.ru/docs/pdf/models-of-cost-management.pdf> (дата обращения: 27.11.2018).
12. Николаева О.Е., Шишкова Т.В. Управленческий учет: Учебник. 6-е изд. М.: URSS: КомКнига, 2006. 320 с.: ил. (Базовый курс+).
13. Носова И.Л. Сравнительный анализ методов Direct Costing и Absorption Costing для принятия управленческих решений // Экономический анализ: теория и практика. 2013. № 29. С. 17–24.
14. Савчук В.И. Direct Costing или полная себестоимость? // Финансовый директор. 2012. № 15. С. 21–27.
15. Друри К. Управленческий и производственный учет. Вводный курс: Учеб. для студентов вузов. 5-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 735 с. (Серия «Зарубежный учебник»).
16. Апчерч А. Управленческий учёт: принципы и практика / Пер. с англ. И.А. Смирновой и Я.В. Соколова. М.: Финансы и статистика, 2002. 952 с.
17. Хорнгрен Ч., Фостер Дж., Датар Ш. Управленческий учет: Пер. с англ. 10-е изд. СПб.: Питер, 2007. 1008 с.: ил. (Серия «Бизнес-класс»).
18. Аткинсон Э.А., Банкер Р.Д., Каплан Р.С., Юнг М.С. Управленческий учет: Пер. с англ. М.: И.Д. Вильямс, 2016.
19. Вебер Ю., Шеффер У. Введение в контроллинг / Пер. с нем.; Под ред. и с предисл. проф., д.э.н. С.Г. Фалько. М.: Изд-во НП «Объединение контролеров», 2014.
20. Каплан Р.С., Нортон Д.П. Стратегические карты. Трансформация нематериальных активов в материальные результаты / Пер. с англ. М.: ЗАО «ОлимпБизнес», 2005. 512 с.: ил.
21. Семина И.В. Методы распределения косвенных расходов // Экономика железных дорог. 2018. № 9. С. 46–53.

DISTRIBUTION OF COSTS FOR SELLING PRODUCTS PRODUCED AT A MACHINE-BUILDING ENTERPRISE BY ACTIVITY BASED COSTING METHOD

I.E. Mizikovsky

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article is devoted to the study of the problem of distribution of costs for the sale of a machine-building enterprise based on the application of the Activity Based Costing method. Theoretical and methodological approaches to

the instrumentalization of accounting and calculation work are investigated in order to structure the set of techniques and methods of attributing sales costs to the full cost of production as a result of the decomposition of commercial activities into appropriate processes and the selection of economically adequate indicators of the distribution base. It is proved that the use of Activity Based Costing meets the goals and objectives of effective management of an economic entity, improves the quality of calculation, provides information to a wide range of management decisions and strategy development. We offer a model of Activity Based Costing, based on the use of the processes and allocation bases proposed by the author the cost of production spent on them costs to sell will significantly improve the accuracy of the calculation result; it will provide relevant data to the processes of making both operational and strategic decisions aimed at reducing costs.

Keywords: calculation, Activity Based Costing, sales costs, processes, distribution, attribution to cost, total cost.

УДК 338

DOI 10.52452/18115942_2021_1_14

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

© 2021 г.

М.С. Оборин

Оборин Матвей Сергеевич, д.э.н.; профессор кафедры экономического анализа и статистики Пермского института (филиала) Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова; профессор кафедры мировой и региональной экономики, экономической теории Пермского государственного национального исследовательского университета; профессор кафедры менеджмента Пермского государственного аграрно-технологического университета им. ак. Д.Н. Прянишникова
resreachin@rambler.ru

*Статья поступила в редакцию 14.01.2020**Статья принята к публикации 02.02.2021*

Современный этап развития сельского хозяйства характеризуется существенной трансформацией управленческих и производственных процессов вследствие внедрения цифровых технологий. Опыт регионов убедительно показал, что традиционные формы развития сельскохозяйственного производства практически исчерпали себя, в новых условиях финансово-хозяйственной деятельности определяющим становится научно-технический прогресс. В рассматриваемом виде деятельности цифровая трансформация оказывает значительное влияние на материальные и кадровые ресурсы, повышает производительность сельскохозяйственных культур, способствует улучшению качества продукции растениеводства и животноводства. Целью работы является исследование особенностей трансформации сельского хозяйства в регионах России в условиях цифровизации. Методы исследования: научно-теоретические подходы к оценке состояния сельского хозяйства и его потенциала в условиях цифровизации, такие как системный и ситуационный анализ. Научная новизна исследования заключается в адаптации научно-теоретических основ цифровой экономики к развитию технологически оснащенного и конкурентоспособного агропромышленного комплекса в регионах страны. Цифровые решения, направленные на улучшение функциональных направлений предприятий агробизнеса, окажут высокий эффект при оптимизации ключевых бизнес-процессов, интенсификации темпов производства, расширении его объемов в сложных природно-климатических условиях. Цифровая трансформация сельского хозяйства изменит подход к организации производства и структуру ресурсного потенциала, повлияет на специализацию в регионах, изменит кадровый состав субъектов агробизнеса.

Ключевые слова: цифровая экономика, сельскохозяйственные организации, цифровизация сельского хозяйства, цифровая трансформация, оптимизация производства, цифровые технологии, эффективное производство.

Введение

В период современного развития Российской Федерации на различных уровнях системы управления сельским хозяйством существует объективная потребность в технологическом перевооружении и модернизации отрасли. В 2017 году был разработан и реализован проект «Цифровое сельское хозяйство», направленный на достижение стратегических целей:

- введение цифровых технологий в сельскохозяйственный сектор;
- развитие цифровых платформ для развития агропромышленного комплекса.

Идея цифровизации сельского хозяйства достаточно новая, и, несмотря на высокий потенциальный положительный эффект, на территории России цифровизация применяется лишь на малой части сельскохозяйственных объектов (5–10%). И, следовательно, по-прежнему большая

часть АПК и предприятий работают неэффективно, в ущерб природным ресурсам, качеству почвы, с низкой производительностью труда.

С ростом населения предприятия вынуждены работать интенсивнее, что неблагоприятно сказывается на качестве земельных ресурсов. Изнашивается почва, истощаются и загрязняются водоёмы, страдает скот. Многочисленные проблемы и ограниченные возможности роста производства и качества продукции объективно способствуют внедрению цифровых технологий. Это позволит максимально эффективно использовать природные ресурсы, с высокой производительностью труда и оптимизацией использования персонала различных категорий, что, в свою очередь, положительно скажется на ликвидности предприятий. Проблемы социально-экономического и технологического развития сельского хозяйства страны занимали многие ученые.

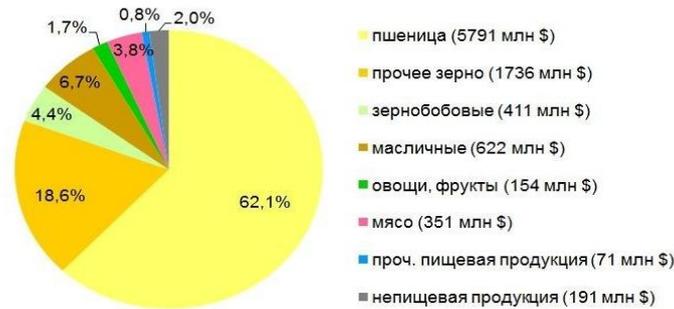

Рис. 1. Товарная структура российского экспорта сельскохозяйственной продукции за 2019 год (составлено по данным [1])

Теоретико-методологические подходы

Различные авторы в своих исследованиях используют следующую терминологию: «Земля знаний», цифровая экономика, цифровое сельское хозяйство, механизация, автоматизация, роботизация и так далее.

«Земля знаний» представляет собой отраслевою электронную образовательную среду для дистанционного обучения профессиональных кадров агропромышленных организаций.

Цифровая экономика – это экономическая деятельность, основанная на цифровых технологиях, связанных с электронной коммерцией, электронными товарами и услугами, которые производятся и продаются.

Цифровое сельское хозяйство – это сельское хозяйство, которое функционирует с помощью введенных цифровых технологий, использует более совершенные методы выпуска продукции.

Механизация – переоборудование производства с ручного на автоматизированное.

Автоматизация – полностью автоматизированное производство, при котором все работы выполняются машинами и механизмами под контролем человека.

Роботизация – развитие автоматизации производства на основе промышленных и иных роботов.

При оценке трансформационных процессов в сельском хозяйстве все большее значение начинает играть методика DIGITAL-анализа. DIGITAL-анализ необходим для того, чтобы определить, насколько организации сельскохозяйственной отрасли готовы к внедрению цифровых технологий.

Задачи DIGITAL-анализа:

- организация постепенного перехода сельскохозяйственных организаций на новый уровень посредством введения цифровых технологий;

- поиск информации для создания и реализации региональных программ для современного развития сельскохозяйственной отрасли;

- оперативная оценка проблемных участков в цифровизации сельскохозяйственного производства;

- количественная внутренняя оценка перспектив цифровизации сельского хозяйства;

- оценка состояния технологических процессов в отрасли и направлений развития;

- выявление технологических барьеров, препятствующих развитию аграрного сектора экономики.

Однако, несмотря на достаточное количество научных работ по проблемам цифровой трансформации сельскохозяйственного производства и систем управления, вопросы системного внедрения технологий не разработаны, внедрение цифровых решений существенно ограничено региональной инфраструктурой и уровнем развития производительных сил в субъектах страны.

Россия имеет значительный потенциал для внедрения цифровых технологий. Ключевым фактором решения о цифровой трансформации сельского хозяйства стал указ президента об увеличении экспорта в 2 раза, который должен вырасти за 7 лет до 40 млрд долларов США. Товарная структура экспорта сельхозпроизводства представлена на рис. 1.

Проектно-целевое финансирование отраслевых предприятий способствовало перераспределению инвестиций и перевооружению субъектов агробизнеса, имеющих значительные доли на региональных рынках. Вместе с тем большинство технологий только начинают внедряться в сельскохозяйственное производство, их потенциал используется крайне ограниченно.

По экспертным оценкам, в течение сезона фермер принимает огромное количество решений, напрямую связанных с экономикой производства. Текущий уровень цифровизации вызывает тревогу: ограниченная технологическая оснащенность, недостаточное количество специалистов, работающих с цифровым оборудованием, умеющих адаптировать его к конкретным производственным особенностям и потребностям, отсутствие системной ценовой по-

Рис. 2. Структурно-логическая модель внедрения цифровых технологий в сельское хозяйство регионов России (разработано автором)

литики и прогнозирования уровня цен на сельхозпродукцию в нестабильных макроэкономических условиях.

На основе имеющихся научно-теоретических подходов можно предложить определенную структурно-логическую модель внедрения цифровых технологий в сельское хозяйство (рис. 2).

Цифровизация сельского хозяйства может оцениваться следующими показателями:

1) доля ВВП, которая формируется в цифровой экономике (на данный момент она достаточно мала). Перспективы влияния цифровых технологий значительны в большинстве отраслей экономики, поэтому государство заинтересовано в исследовании, развитии и внедрении ИТ;

2) рентабельность производства на предприятиях, внедряющих цифровые технологии;

3) численность ИТ-специалистов в составе общего числа работников.

Информационные и коммуникационные технологии имеют большое значение в развитии аграрного сектора. Они охватывают деятельность субъектов региональных рынков сельскохозяйственной продукции, основные функциональные направления, включая отраслевое планирование и прогнозирование, контроль качества продукции, темпы инновационного процесса на различных уровнях управления.

Большие успехи в развитии сельского хозяйства в цифровом направлении были достигнуты

за счет использования высокотехнологичных методов контроля и регулирования различных этапов производственного цикла и подготовки к сельскохозяйственным работам. Новые высокотехнологичные методы улучшают качество сельскохозяйственных животных и растительных культур, используемых в пищевой промышленности, посевы и сырье, сохраняют плодородие почвы. Сельскохозяйственные инновации охватывают все этапы производственного цикла, могут существенно сократить потери, например в производстве зерна (рис. 3).

Помимо внедрения современных инновационных технологий, для эффективного развития сельского хозяйства также необходимы квалифицированные кадры, формирование учебных заведений по цифровым навыкам, специалисты нового поколения, имеющие цифровые компетенции и навыки работы в условиях автоматизированного производства.

Министерством сельского хозяйства России была предложена уникальная платформа – «Умная ферма», способствующая активному развитию сельскохозяйственного сектора. Суть данной платформы заключается в полностью автоматизированном производстве, требующем минимум человеческих ресурсов. Платформа «Умная ферма» самостоятельно оценивает и анализирует производственные данные, рассчитывает более эффективные методы работы с учетом экономической ситуации на рынке. Данная платформа повышает эффективность всех секто-

Рис. 3. Схема жизненного цикла продукции АПК [2]

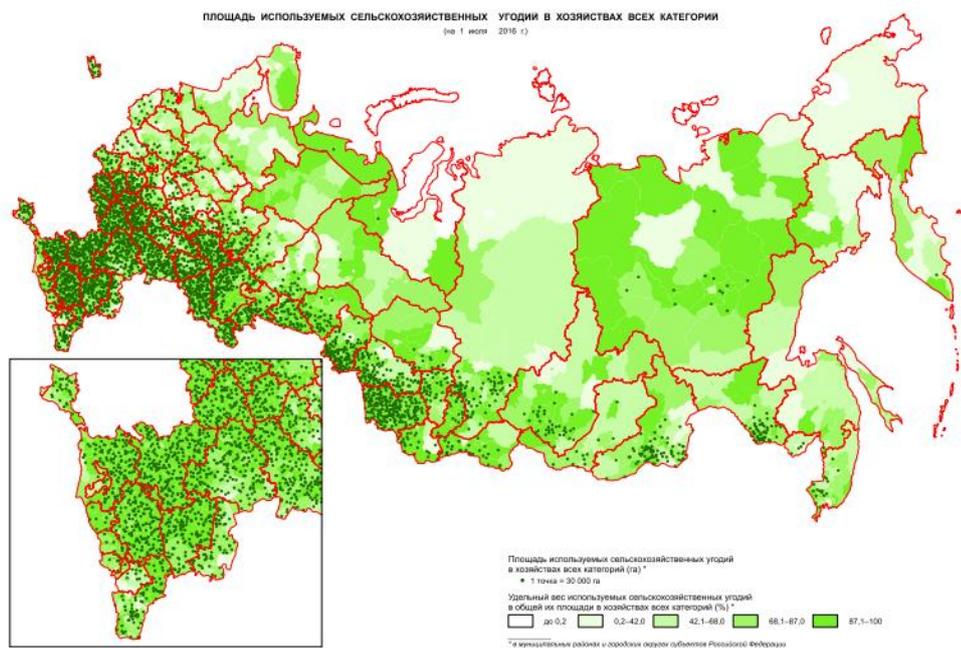

Рис. 4. Площадь используемых сельскохозяйственных земель [2]

ров сельского хозяйства, посредством искусственного интеллекта принимает административные решения, мгновенно вводит их в процесс работы с помощью технического оборудования, повышает плодородие почв, самостоятельно отбирает селективные культуры, удобрения, следит за переменной климата, создает оптимальные условия для эффективного производства, учитывая все факторы, влияющие на производительность.

Цифровое оборудование и технологии пользуются широким спросом на рынке продаж сельскохозяйственного оборудования и производственных комплексов. Доход от продаж цифровых технологий в настоящее время составляет около 400 миллиардов рублей и, по прогнозам экспертов, в ближайшем будущем будет стремительно расти, что отразится на себестоимости сельскохозяйственной продукции положительно, так как с ростом продаж цена на аграрную продукцию будет снижаться.

Введение технологий GPS-навигации позволяет сократить затраты на землеустройство примерно на 15 процентов, новые технологии по удобрениям сокращают затраты до 13 процентов. Данные по инвентаризации сельскохозяйственных земель представлены на рисунке 4.

Новые технологии позволяют определять систему землепользования и состояние земель. В отечественных вузах проводились исследования, непосредственно связанные с государственными информационными системами землеустройства. В результате исследования было выявлено, что нормативно-правовая база регулирования земельных отношений имеет множество недостатков и упущений и требует совершенствования законодательного регулирования государственных функций.

Получить более точные данные и оценить плодородие земель сельскохозяйственного назначения можно после проведения инвента-

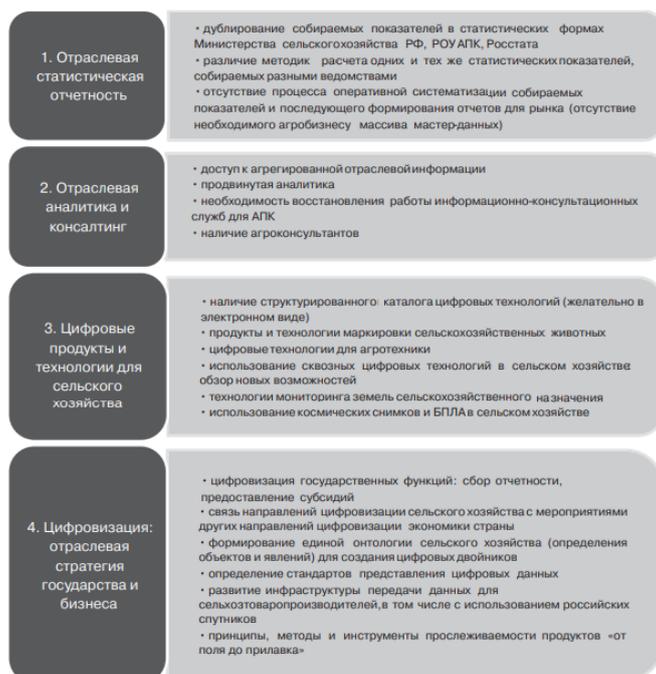

Рис. 5. Проблемы сельскохозяйственного комплекса в сфере цифровизации [2]

Показатели развития сельского хозяйства Алтайского края

Объем произведенной продукции сельского хозяйства за 2019 год составил 163,4 млрд. руб.

Доля прибыльных организаций в общем их числе, %

Рис. 6. Показатели развития сельского хозяйства Алтайского края [3]

ризации и паспортизации земельных участков, разработки государственной регистрации показателей плодородия почв. Также необходима генеральная инвентаризация земель, которую в России проводили довольно давно.

На рисунке 5 представлен ряд задач, которые необходимо решить на государственном уровне для эффективного развития аграрного сектора с внедрением цифровых технологий.

В последние годы отмечается рост цифровизации крупного агропромышленного бизнеса в регионах страны, особенно в субъектах, занимающих лидирующие позиции в силу сочетания нескольких преимуществ: природно-климатических, ресурсных, эффективной пространственной организации функционирования отраслевых предприятий. Лидирующую позицию по темпам развития сельского хозяйства занимает Алтайский край (рис. 6).

Регион участвует в ведомственном проекте по цифровизации отрасли, имеется уникальный опыт разработки и внедрения информационно-

аналитической системы поддержки управленческих решений в агробизнесе, получения доступа к государственной помощи. Реализация проекта по цифровизации в Алтайском крае направлена на достижение следующих целевых ориентиров:

- качественное улучшение финансово-экономических и производственных показателей, улучшение экономической стабильности и снижение последствий основных видов рисков для агробизнеса;

- рост количественных показателей производства в целях выхода на новые рынки сбыта, расширение ассортимента готовой продукции;

- развитие кадровой политики в аграрной сфере для улучшения ситуации на региональном рынке труда и устранения кадрового дефицита;

- организация эффективного мониторинга сельскохозяйственных земель, включая их правовой статус и смену собственника;

- внедрение цифровых решений для контроля производственного процесса и прогнозирования основных показателей предприятий.

В Алтайском крае в 2019 году собрано 4.9 млн т зерна, что на 7% меньше, чем в 2018 году (ниже везде приведены данные за 2019 г.; сравнение – с 2018 г.). Всего в прошлом году было собрано 5.3 млн т культуры. По данным минсельхоза, на урожайность в этом году негативно повлияла засуха в 15 районах региона, из-за чего с 1 га в среднем собирали от 5.7 до 10 центнеров зерна, тогда как в прошлом году – 16 центнеров.

В области животноводства отмечена стабильная положительная динамика: за девять месяцев этого года производство молока выросло на 1%, мяса – на 2%, яиц – на 1%. Во всех категориях хозяйств за три квартала этого года индекс производства продукции животноводства увеличился на 7% к уровню 2018 года.

В этот же период выручка в крупных и средних сельхозорганизациях региона составила 51 млрд руб., что почти на 31% больше уровня прошлого года. Из общего количества этой категории хозяйств 86% – прибыльные (за девять месяцев 2018 года показатель был около 80%). Объем чистой прибыли с начала года составил 11 млрд руб., что в два раза больше аналогичного показателя прошлого года.

Налоговые отчисления и иные платежи сельхозорганизаций выросли на 21% в сравнении с прошлым годом и приблизились к 5 млрд руб.

Среднемесячная заработная плата во всех категориях хозяйств с января по октябрь также выросла и составила 22 606 руб. (+13.7% к девяти месяцам прошлого года), в крупных и средних сельхозорганизациях – 24 700 руб. (+14.6%).

Индекс инвестиций в основной капитал по виду деятельности «Сельское хозяйство» за девять месяцев вырос на 7%, инвестиции по крупным сельхозорганизациям оцениваются в 4.2 млрд руб.

Несмотря на положительную динамику производства, есть и существенные недостатки. Работники сельскохозяйственных предприятий в первую очередь нуждаются в простоте нововведений, они не намерены вкладываться в то, что для них непонятно. И, конечно, необходима устойчивость – производителям важно, чтобы система работала сама по себе и ей не требовалась сложная наладка и обслуживание.

Сбор информации является самым дорогостоящим этапом в процессе цифровизации. Для организации масштабных систем управления необходим доступ к различным массивам данных, их должны быть готовы предоставить как госорганы, так и частные компании, вплоть до каждого небольшого фермера. Вопрос о том, как мотивировать фермеров на предоставление данных о сельхоздеятельности, остается открытым.

Несмотря на то что власти заявляют о готовности сотрудничать с ИТ-компаниями в процессе оцифровки сельского хозяйства, непонятно, как это реализовать на практике. На каких условиях бизнес будет разрабатывать сервисы для единой платформы, будут ли у маленьких компаний авторские права на свои решения, чтобы они могли на них зарабатывать? В крае работают предприятия, которые успешно делают и продают «умные решения» для сельского хозяйства. Например, «СиСорт» и «Эра новых технологий», однако сейчас эти компании взаимодействуют с заказчиками напрямую, без посредников в виде цифровых платформ.

Заключение

На сегодня главной проблемой, замедляющей процесс развития цифрового сельского хозяйства, являются низкие темпы внедрения достижений научно-технического прогресса, поскольку это требует значительной структурной, производственной и кадровой трансформации на уровне регионов. Данное ограничение осложняется низким ресурсным потенциалом, отсутствием инвестиционной привлекательности даже крупного аграрного бизнеса в силу высоких рисков.

Для решения данной проблемы государство должно взять на себя роль инвестора. Внедрение ИТ должно пройти повсеместно, это будет способствовать длительному положительному эффекту в социальной и экономической сферах, изменит ситуацию на региональных рынках труда, привлечет новые источники инвестиций.

В регионах страны существует положительный опыт реализации проектного подхода к цифровому развитию сельского хозяйства, который требует инвестиций и координации усилий органов власти, бизнес-среды и населения.

Список литературы

1. Топ 10 самых дорогих компаний мира в 2017 году. URL: <http://bs-life.ru/rejting/samie-dorogie-kompanii2018.html> (дата обращения: 11.04.2020).
2. Цифровое сельское хозяйство. Ведомственный проект Министерства сельского хозяйства РФ [Электронный ресурс]. 2020. URL: <https://mcx.gov.ru/upload/iblock/900/900863fae06c026826a9ee43e124d058.pdf> (дата обращения: 10.12.2020).
3. Официальный сайт Алтайского края. Показатели развития сельского хозяйства [Электронный ресурс]. 2020. URL: <https://www.altairegion22.ru/territory/agriculture/shAk/> (дата обращения: 15.12.2020).
4. Бухт Р., Хикс Р. Определение, концепция и измерение цифровой экономики // Вестник международных организаций. 2018. Т. 13. № 2. С. 143–172.

5. Вартанова М.Л., Дробот Е.В. Перспективы цифровизации сельского хозяйства как приоритетного направления импортозамещения // Экономические отношения. 2018. Т. 8. № 1. С. 1–18.
6. Володин В., Надькина Н. Технологии blockchain на предприятиях сельского хозяйства: новый этап развития АПК России // Инновации в науке, образовании и бизнесе. 2019. URL: <http://for-tus-science.ru/index.php/rgu1/article/view/211>.
7. Всемирный банк. 2016 год. Доклад о мировом развитии 2016 «Цифровые дивиденды». URL: <https://data.gov.ru/doklad-o-mirovom-razviti-i-cifrovye-dividendy-2016-obzor-vsemirnogo-banka-2016-god> (дата обращения: 11.04.2020).
8. Давлетшин И., Трофимов А. Цифровой передел. Преимущества и риски цифровизации сельского хозяйства [Электронный ресурс]. 2019. URL: <https://www.agroinvestor.ru/technologies/article/30405-tsifrovo-yu-peredel/> (дата обращения: 11.04.2020).
9. Кирилова О.В. Инновационные рычаги стратегического управления прецизионными технологиями в условиях цифровой экономики // Евразийский юридический журнал. 2018. № 2 (117). С. 332–334.
10. Усенко Л.Н., Холодов О.А. Цифровая трансформация сельского хозяйства // Учет и статистика. 2019. № 1 (53). С. 87–102.
11. Фомин А.А., Шаповалов Д.А., Лепехин П.П. Формирование общедоступной информации системы землеустройства в сельском хозяйстве // Московский экономический журнал. 2019. № 1. С. 41–57.
12. Цифровизация в сельском хозяйстве: технологические и экономические барьеры в России // J'son&PartnersConsulting [Электронный ресурс]. 2019. URL: <https://www.crn.ru/news/detail.php?ID=121765>. (дата обращения: 11.04.2020).
13. Чуба А.Ю., Чуба Ан.Ю. Использование беспилотных авиационных систем в сельском хозяйстве // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2019. № 3 (77). С. 161–163.
14. Шаповалов Д.А., Фомин А.А. Социально-правовые аспекты устойчивого развития сельских территорий // Международный сельскохозяйственный журнал. 2019. Т. 62. № 1. С. 2.
15. Boden M., Cagnin C., Carabias V., Haegeman K. Facing the future: time for the EU to meet global challenges // European Commission Joint Research Centre Institute for Prospective Technological Studies European Union, 2010, p. 44. URL: http://www.et2050.eu/docs/2010_IPTS_Facing_the_future.pdf (дата обращения: 11.04.2020).
16. Bartels A.H. Smart computing drives: The new era of IT growth. Cambridge, MA: Forrester Research, Inc. 2009. URL: http://www07.ibm.com/ph/ssmeconference/pives_the_new_era_of_it_growth_forrester.pdf (дата обращения: 11.04.2020).
17. Cagnin C., Havas A., Saritas O. Future-oriented technology analysis: Its potential to address disruptive transformations // Technological Forecasting and Social Change. 2013. Vol. 80. P. 379–385. URL: <http://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/handle/JRC77930>. (дата обращения: 11.04.2020).
18. Estes V. How big data is disrupting agriculture from biological discovery to farming practices [Electronic resource]. 2018. URL: <https://agfundernews.com/how-big-data-is-disrupting-agriculture-from-biological-discovery-to-farming-practices5973.html> (дата обращения: 17.05.2019).
19. Forecasting the world in 2018 December 29, 2017. The Financial Times. URL: <https://www.ft.com/content/d18f4518-eca7-11e7-bd17-521324c81e23> (дата обращения: 11.04.2020).
20. OECD Digital Economy Outlook 2015. URL: http://www.oecd-ilibrary.org/science-and-technology/oecd-digital-economy-outlook-2015_9789264232440-en (дата обращения: 11.04.2020).

TRANSFORMATION OF AGRICULTURE IN A DIGITAL ECONOMY

M.S. Oborin

Plekhanov Russian University of Economics, Perm branch;
Perm State National Research University;
State Agro-Technological University named after Academician D.N. Pryanishnikov

The current stage of agricultural development is characterized by a significant transformation of management and production processes due to the introduction of digital technologies. Regional experience has convincingly shown that traditional forms of agricultural production are almost exhausted, in the conditions of financial-economic activity becomes crucial scientific and technical progress. In this type of activity, digital transformation has a significant impact on material and human resources, increases the productivity of agricultural crops, and contributes to improving the quality of crop and livestock production.

The aim of the work is to study the features of the transformation of agriculture in the regions of Russia in the context of digitalization.

Research methods: scientific and theoretical approaches to assessing the state of agriculture and its potential in the context of digitalization, such as system and situation analysis.

The scientific novelty of the study lies in the adaptation of the scientific and theoretical foundations of the digital economy to the development of a technologically equipped and competitive agro-industrial complex in the regions of the country.

The main results of the study. Digital solutions aimed at improving the functional areas of agribusiness enterprises will have a high effect in optimizing key business processes, intensifying production rates, and expanding its volumes in difficult natural and climatic conditions.

Conclusions. Digital transformation of agriculture will change the approach to the organization of production and the structure of resource potential, affect the specialization in the regions, change the personnel composition of agribusiness entities.

Keywords: digital economy, agricultural organizations, digitalization of agriculture, digital transformation, production optimization, digital technologies, efficient production.

УДК [339.9+61]: 330.35

DOI 10.52452/18115942_2021_1_22

АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ СФЕРЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ НА РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА КАК ФАКТОРА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА СТРАН ЕАЭС

© 2021 г.

В.И. Перова, П.В. Корчемный

Перова Валентина Ивановна, к.ф.-м.н., доц.; доцент кафедры математического моделирования экономических процессов Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
perova_vi@mail.ru

Корчемный Павел Витальевич, аспирант Института информационных технологий, математики и механики Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
p.korchemnyi@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 18.12.2020

Статья принята к публикации 30.01.2021

Цель исследования состоит в обосновании значимости влияния фактора здоровья на рост человеческого капитала и необходимости проведения интеграционной политики в сфере здравоохранения для обеспечения стабильного экономического роста стран, входящих в Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Предметом исследования настоящей работы является связь между уровнем здоровья и накоплением человеческого капитала – одного из факторов инновационного развития и обеспечения национальной безопасности стран ЕАЭС. Объектами исследования выступали государства-участники Евразийского экономического союза: Российская Федерация, Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Киргизская Республика. Построена производственная функция для сферы здравоохранения в странах Евразийского экономического союза и проведено эконометрическое моделирование развития человеческого капитала как фактора экономического роста стран ЕАЭС на основе пространственных данных за 2000–2017 гг. В качестве инструментов проведения исследований применены модель с фиксированными эффектами, взвешенный метод наименьших квадратов, метод наименьших квадратов на базе эконометрического пакета Gretl и MS Excel. Показано, что показатели в экономико-математической модели являются статистически значимыми. Это подчеркивает важность проведения интеграционной политики в сфере здравоохранения на пространстве ЕАЭС с целью повышения экономического потенциала этого интеграционного образования. Полученные результаты могут оказать помощь при разработке стратегии развития здравоохранения в странах Евразийского экономического союза.

Ключевые слова: здравоохранение, человеческий капитал, экономический рост, эконометрическое моделирование, ЕАЭС.

Введение

В современных условиях глобального развития государств на мировом уровне в социально-экономической сфере большое значение придается вопросам накопления и развития человеческого капитала [1–7]. При этом наибольшее внимание уделяется исследованию влияния развития человеческого капитала на экономический рост государств [8–18]. В рамках концепции человеческого развития, разработанной Программой развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) [19], в качестве ключевого фактора, оценивающего человеческий капитал, выступает индекс человеческого развития (ИЧР или HDI). Данный интегральный показатель объединяет информацию об уровне образования, доходах и здоровье населения [20].

Устойчивое развитие стран на период до 2030 года [21], по признанию ПРООН, обуславливается наличием непрерывной связи между

уровнем здоровья населения и устойчивым развитием государств [22]. Взаимозависимость общественного здоровья и экономики государства выражается в том, что здоровье населения и здравоохранение в целом оказывают существенное влияние на экономические показатели страны и, в свою очередь, состояние различных видов экономической деятельности может влиять на здоровье общества [23, 24]. Растущее экономическое и социальное неравенство, высокие темпы урбанизации, растущие угрозы климату и окружающей среде, увеличение масштабов распространения различных инфекционных и неинфекционных заболеваний будут способствовать возрастанию спроса на медицинские услуги. Среди целей ООН в рамках концепции устойчивого развития выделяются следующие цели [25]:

– привлечение инвестиций в сферу здравоохранения как интенсивного фактора, усиливающего социально-экономический рост стран;

- искоренение бедности и сокращение неравенства доходов населения;
- увеличение общего уровня здоровья граждан;
- поддержка стран в достижении всеобщего охвата и доступности услуг здравоохранения;
- обеспечение лекарственными препаратами и вакцинами и др.

Для прогнозирования дальнейшего уровня развития здравоохранения как одного из значимых факторов, влияющих на развитие человеческого капитала, необходимо проведение научного исследования с целью поддержки принятия управленческих решений на государственном уровне в области социально-экономической политики, образования, здравоохранения, распределения инвестиций. В связи с этим с позиции социально-экономического развития является актуальным исследование развития сферы здравоохранения, ее влияния на рост человеческого капитала и необходимости проведения интеграционной политики в сфере здравоохранения для обеспечения стабильного экономического роста государств.

В качестве объектов исследования взяты государства-участники Евразийского экономического союза (ЕАЭС) [26]: Российская Федерация, Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Киргизская Республика.

Следует отметить, что до момента создания ЕАЭС существовала международная экономическая организация «Евразийское экономическое сообщество» (ЕврАзЭС) с аналогичным ЕАЭС составом стран-участниц, за исключением Республики Армения. ЕврАзЭС, являясь предшественницей ЕАЭС интеграционной организацией, была упразднена в связи с подписанием договора о создании ЕАЭС от 29.05.2014 г. [26]. Поэтому при проведении исследований нами рассматривается статистическая выборка показателей с 2000 по 2017 г.

Базой исследования являются следующие показатели [27, 28]: ожидаемая продолжительность жизни при рождении (лет); валовой национальный доход на душу населения по ППС в постоянных ценах 2011 г. (international \$); коэффициент Джини (%); текущие расходы на здравоохранение на душу населения по ППС в постоянных ценах 2011 г. (international \$); средняя продолжительность обучения (лет).

В качестве инструментов проведения исследований применены модель с фиксированными эффектами [29], взвешенный метод наименьших квадратов (WLS) [30; 31], метод наименьших квадратов (МНК) [32; 33] на базе эконометрического пакета Gretl [34] и MS Excel [35].

Итогом проведенного анализа является построение функции для расчета ожидаемой продолжительности жизни граждан стран ЕАЭС.

Следующим этапом проведения исследований в работе было моделирование развития человеческого капитала стран ЕАЭС. На основе панельных данных с 2000 по 2017 г. построена эконометрическая модель на базе следующих показателей: индекс человеческого развития (ИЧР); ожидаемая продолжительность жизни при рождении (лет); валовой национальный доход (ВНД) на душу населения (в долл. США 2011 г. по ППС); средняя продолжительность обучения (лет); ожидаемая продолжительность обучения (лет).

В работе получена зависимость индекса человеческого развития от уровня здоровья, образования и благосостояния населения исследуемых стран ЕАЭС.

I. Экономико-математическая модель сферы здравоохранения стран ЕАЭС как фактора накопления человеческого капитала

В представленной работе на основе статистических данных Всемирного банка [27], Всемирной организации здравоохранения [28] и Программы развития ООН [19] с применением эконометрического пакета Gretl [34] проведен эконометрический анализ [29; 32; 33; 36–39] сферы здравоохранения как фактора накопления человеческого капитала. Итоговая выборка имеет панельную структуру данных [30] и включает в себя 90 наблюдений за период с 2000 по 2017 г. для пяти стран-участниц Евразийского экономического союза [26].

В качестве зависимой переменной Y в модели рассматривается ожидаемая продолжительность жизни при рождении (лет). Экзогенными переменными являются следующие показатели:

- X_1 – валовой национальный доход на душу населения по ППС в постоянных ценах 2011 г. (international \$);
- X_2 – коэффициент Джини (%);
- X_3 – текущие расходы на здравоохранение на душу населения по ППС в постоянных ценах 2011 г. (international \$);
- X_4 – средняя продолжительность обучения (лет).

Рассмотрим более подробно каждый из исследуемых показателей, влияющих на итоговое значение эффективности здравоохранения.

На рис. 1 приведен график показателя ожидаемой продолжительности жизни при рождении (Y), являющегося эндогенной переменной в модели. Данный показатель будем рассматри-

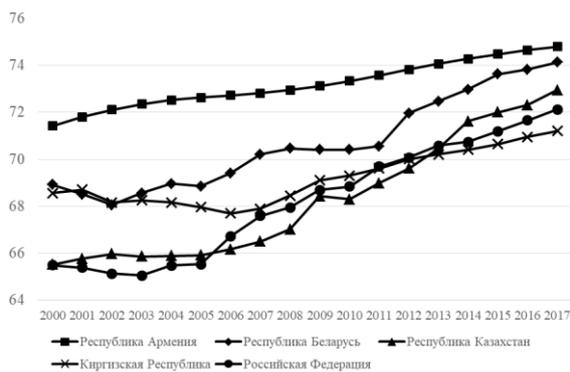

Рис. 1. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (лет) в странах ЕАЭС за период 2000 – 2017 гг.

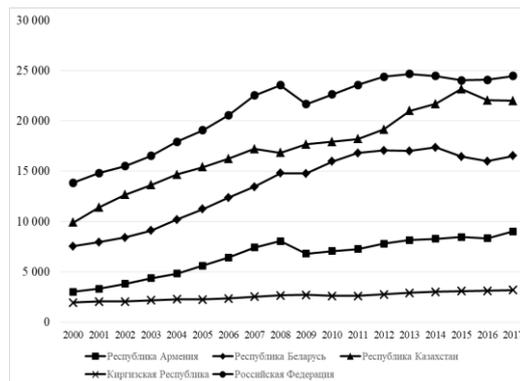

Рис. 2. Валовой национальный доход на душу населения по ППС в постоянных ценах 2011 г. (international \$) в странах ЕАЭС в 2000–2017 гг.

вать в качестве оценки эффективности системы здравоохранения в странах ЕАЭС.

Рисунок 1 отражает положительную динамику ожидаемой продолжительности жизни при рождении. Лидером среди стран ЕАЭС по величине данного показателя является Республика Армения со значением, равным 74.8 лет. При этом в исследуемый период наибольший среднегодовой темп прироста на уровне 0.6% наблюдается в Республике Казахстан и Российской Федерации. Следует отметить, что разница значения данного показателя между странами с максимальной и минимальной ожидаемой продолжительностью жизни с 2003 до 2017 г. сократилась с 7.3 до 3.6 лет, что свидетельствует об эффективной интеграционной политике на пространстве ЕАЭС.

В рамках данного анализа была выдвинута гипотеза о влиянии национального дохода на душу населения (X_1) на ожидаемую продолжительность жизни. Предполагалось, что увеличение уровня дохода граждан будет способствовать повышению доступности медицинских услуг, росту их качества, а также возрастанию общего уровня и качества жизни граждан.

На рис. 2 представлена динамика валового национального дохода на душу населения по ППС в постоянных ценах 2011 г. (international \$) за период 2000 – 2017 гг.

Как видно из данных, показанных на рис. 2, до 2008 г. наблюдалось увеличение валового национального дохода на душу населения. В связи с последствиями мирового финансового кризиса 2008 г., в 2009 г. в ряде стран наблюдается резкий спад данного показателя. В среднем в странах ЕАЭС в 2017 г. по сравнению с 2000 г. значение валового национального дохода на душу населения по ППС увеличилось на 108%, что, в конечном счете, могло повлиять и на положительную тенденцию ожидаемой продолжительности жизни в рассматриваемых странах.

Доступность и качество оказываемых медицинских услуг также связаны и с уровнем дифференциации доходов населения. Равномерность получаемых доходов обуславливает повышение спроса на высококвалифицированную медицинскую помощь наибольшей доли населения. В странах с высокой степенью дифференциации доходов возможность на предоставление качественных медицинских услуг имеют только наиболее обеспеченные граждане, которые составляют меньшую долю от общего населения страны.

Рисунок 3 демонстрирует изменения во времени значений коэффициента Джини, отражающего уровень дифференциации доходов населения в странах ЕАЭС в исследуемый период.

Из данных, приведенных на рис. 3, следует, что наименьший уровень дифференциации доходов населения наблюдается в Республике Беларусь со значением коэффициента Джини, равным 25.4 % в 2017 г. В свою очередь, положительный тренд данного показателя в Республике Армения может являться одним из сдерживающих факторов темпа прироста ожидаемой продолжительности жизни в данной стране. Следует отметить высокое значение коэффициента Джини в Российской Федерации в сравнении с другими странами ЕАЭС. При этом с 2013 г. наблюдается снижение уровня дифференциации доходов среди российских граждан. В 2017 г. данный показатель достиг уровня 2002 г.

Одним из значимых факторов, способствующих поддержке развития системы здравоохранения, является уровень инвестиций и финансовых затрат в данной отрасли. В связи с этим в модель была включена переменная – текущие расходы на здравоохранение на душу населения по ППС в постоянных ценах 2011 г. (рис. 4).

Рисунок 4 демонстрирует положительную динамику уровня расходов на здравоохранение

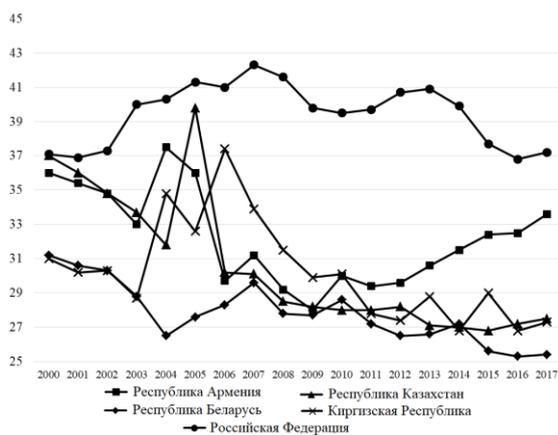

Рис. 3. Коэффициент Джини (%) в странах ЕАЭС в 2000 – 2017 гг.

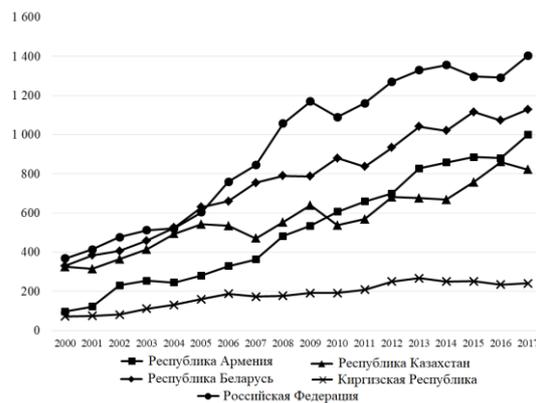

Рис. 4. Текущие расходы на здравоохранение на душу населения по ППС в постоянных ценах 2011 г. (international \$) в странах ЕАЭС в 2000 – 2017 гг.

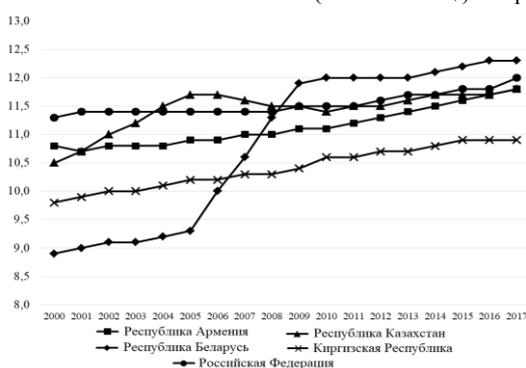

Рис. 5. Средняя продолжительность обучения (в годах) в странах ЕАЭС в 2000–2017 гг.

в странах интеграционного союза. Наименьший прирост данного показателя прослеживается в Киргизской Республике, в 2017 г. его значение остановилось на уровне 241.1 \$, что составило 17% от значения данного показателя в Российской Федерации за тот же период. Объем денежных затрат на здравоохранение является важнейшим показателем для повышения общего уровня здоровья граждан. При проводимой на государственном уровне политике, а также в результате интеграционных процессов в ЕАЭС Российская Федерация, Республика Беларусь и Республика Армения достигли максимального значения данного показателя в рассматриваемом периоде.

На рис. 5 приведен временной ряд переменной «Средняя продолжительность обучения (лет)» (X4).

Анализ взаимосвязи продолжительности обучения и уровня здоровья граждан является предметом многих научных исследований [40]. На основе эмпирических наблюдений можно выдвинуть гипотезу о влиянии средней продолжительности обучения на рост качества жизни граждан, что в будущем дает положительный эффект для повышения ожидаемой продолжительности жизни. В период с 2006 по

2009 г. для Республики Беларусь характерен значительный рост средней продолжительности обучения. При этом темп прироста ожидаемой продолжительности жизни при рождении в данный период имеет максимальное значение на уровне 1%, что подтверждает гипотезу. Следует также отметить хороший результат – сокращение разницы значений показателя в исследуемых странах при его общей положительной динамике.

Основой для эконометрического моделирования послужила степенная производственная функция [41]. Производственная функция является экономико-математической моделью, с помощью которой можно отразить зависимость результатов производственной деятельности от факторов, оказывающих на них наибольшее влияние [41; 42]. Использование производственных функций способствует совершенствованию механизма управления развитием экономики, поскольку в этом случае экономическая система рассматривается сквозь призму внутренних проблем и факторов [43].

С целью линеаризации выбранной спецификации при помощи встроенного инструмента эконометрического пакета Gretl произведено логарифмирование параметров в модели:

Модель 1: Фиксированные эффекты, использовано наблюдений - 90				
Включено 5 пространственных объектов				
Длина временного ряда = 18				
Зависимая переменная: LnY				
	Коэффициент	Ст. ошибка	t-статистика	P-значение
const	3,71569	0,128960	28,81	2,49e-044 ***
LnX1	0,0171651	0,0249695	0,6874	0,4938
LnX2	-0,0830263	0,0278654	-2,980	0,0038 ***
LnX3	0,0233618	0,0109803	2,128	0,0364 **
LnX4	0,0560342	0,0440477	1,272	0,2070
Среднее зав. перемен	4,246487	Ст. откл. зав. перемен	0,038512	
Сумма кв. остатков	0,025703	Ст. ошибка модели	0,017813	
LSDV R-squared	0,805283	В пределах R-квадрат	0,624779	
LSDV F(8, 81)	41,87349	P-значение (F)	1,13e-25	
Лог. правдоподобие	239,5386	Крит. Акаике	-461,0773	
Крит. Шварца	-438,5790	Крит. Хеннана-Куинна	-452,0047	
Параметр rho	0,902214	Стат. Дарбина-Вотсона	0,190815	
Joint test on named regressors -				
Тестовая статистика: F(4, 81) = 33,7182				
p-значение = P(F(4, 81) > 33,7182) = 1,50887e-016				
Тест на различие констант в группах -				
Нулевая гипотеза: Группы имеют общие константы				
Тестовая статистика: F(4, 81) = 2,1252				
p-значение = P(F(4, 81) > 2,1252) = 0,051235				

Рис. 6. Модель с фиксированными эффектами

Рис. 7. Критическое значение статистики Фишера

$$\ln Y = \ln A + \beta_1 \ln X_1 + \beta_2 \ln X_2 + \beta_3 \ln X_3 + \beta_4 \ln X_4 + \varepsilon. \quad (1)$$

В процессе моделирования были рассмотрены две конкурирующие гипотезы:

– H_0 : существуют систематические фиксированные страновые различия во взаимосвязи ожидаемой продолжительности жизни (Y) и рассматриваемых в модели экзогенных факторов;

– H_1 : не существует систематических фиксированных страновых различий во взаимосвязях исследуемых переменных и зависимого показателя Y .

Для проверки выдвинутой гипотезы H_0 на базе эконометрического пакета Gretl было проведено построение модели с фиксированными эффектами [29] на основе панельных данных за период 2000–2017 гг. Результаты конструирования модели с фиксированными эффектами представлены на рис. 6.

Значение коэффициента детерминации (R^2) является высоким на уровне 80.5%; P -значение (F) = $1.13e-25 < 0.05 = \alpha$, что говорит о статистической значимости регрессионной модели в целом. Кроме статистической значимости моде-

ли (1) в целом важно определить индивидуальную статистическую значимость факторов. Основываясь на значениях t -статистики, можно сделать вывод о статистической значимости объясняющих факторов в модели (1): X_2 (коэффициент Джини), X_3 (текущие расходы на здравоохранение на душу населения по ППС) и переменной A .

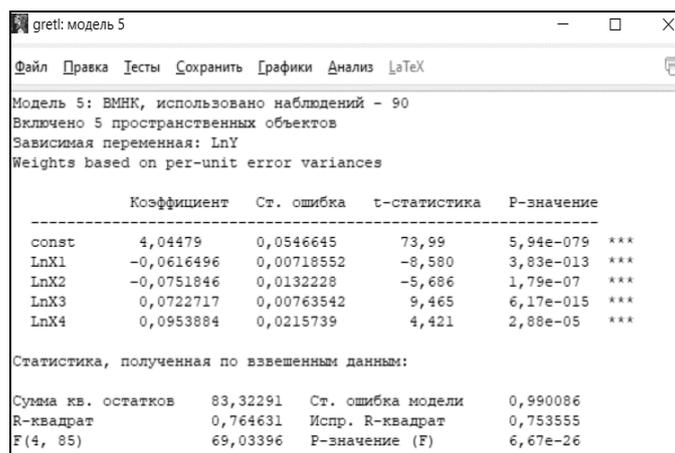
Рассматривая вопрос наличия в модели фиксированных страновых различий, обратимся к результатам теста на различные константы в группах (рис. 6). В качестве нулевой гипотезы выдвинуто следующее предположение: группы имеют общие константы. На рис. 7 представлено критическое значение статистики Фишера, равное 2.48444. Это значение является более высоким по сравнению с расчетным значением в модели, равным 2.1252 (рис. 6). При этом расчетное p -значение находится на уровне значимости α (0.05) (рис. 6). На основании приведенных расчетов следует сделать вывод о подтверждении нулевой гипотезы о наличии общих констант для исследуемой группы.

В результате оценки качества полученной модели с фиксированными эффектами была отклонена гипотеза H_0 о существовании систематических фиксированных страновых различий. Данный факт может быть объяснен вхождением исследуемых стран в единое интеграционное образование.

Далее при проведении исследования выполнен эконометрический анализ сферы здравоохранения стран ЕАЭС, базирующийся на гипотезе H_1 об отсутствии систематических фиксированных страновых различий.

На основе панельных данных за 2000–2017 гг. была построена множественная регрессия при помощи взвешенного метода наименьших квадратов (WLS) [30; 31] с применением эконометрического пакета Gretl (рис. 8).

Отметим, что взвешенный метод наименьших квадратов представляет собой эффективный инструмент построения моделей на базе панельных данных. Данный метод также имеет возможность предоставлять различные типы легко интерпретируемых статистических интервалов для оценки, прогнозирования, калибровки и оптимизации. Основное преимущество взвешенного метода наименьших квадратов заключается в возможности обрабатывания ситуаций регрессии, в которых точки данных имеют различное качество. В случае когда стандартное отклонение случайных ошибок в данных не является постоянным для всех уровней объясняющих переменных, использование взвешенных наименьших квадратов с весами, обратно пропорциональными дисперсии на каж-

	Коэффициент	Ст. ошибка	t-статистика	P-значение
const	4,04479	0,0546645	73,99	5,94e-079 ***
LnX1	-0,0616496	0,00718552	-8,580	3,83e-013 ***
LnX2	-0,0751846	0,0132228	-5,686	1,79e-07 ***
LnX3	0,0722717	0,00763542	9,465	6,17e-015 ***
LnX4	0,0953884	0,0215739	4,421	2,88e-05 ***

Статистика, полученная по взвешенным данным:			
Сумма кв. остатков	83,32291	Ст. ошибка модели	0,990086
R-квадрат	0,764631	Испр. R-квадрат	0,753555
F(4, 85)	69,03396	P-значение (F)	6,67e-26

Рис. 8. Модель множественной регрессии. Взвешенный метод наименьших квадратов

Таблица 1

Критерии значимости в модели WLS

Критерий	Модельное значение	Критическое значение
R^2	76.5 %	—
F-статистика	69.03396	2.47902
P-значение (F)	6.67e-26	0.05
t-статистика	const = 73.99 LnX1 = -8.58 LnX2 = -5.686 LnX3 = 9.465 LnX4 = 4.421	± 1.66298

дом уровне объясняющих переменных, дает наиболее точные возможные оценки параметров.

Результаты регрессионного анализа на основе взвешенного метода наименьших квадратов и оценки ряда остатков, показанные на рис. 8, демонстрируют высокое на уровне значимости 1% (по данным) качество построенной модели.

Анализ качества полученной модели был также проведен с помощью значения ключевых метрик, представленных в табл. 1.

Из данных, приведенных в табл. 1, следует, что в согласии с критерием Фишера значение модельной F-статистики превышает ее критическое значение, следовательно, модель в целом является статистически значимой. Это подтверждает и P-значение (F). Кроме того, в соответствии с критерием Стьюдента факторы, включенные в модель, также статистически значимы.

Уравнение линейной модели множественной регрессии приведено на рис. 9.

По итогам эконометрического моделирования в соответствии с данными рис. 9 построена производственная функция для сферы здравоохранения как фактора роста человеческого капитала стран Евразийского экономического союза в следующей спецификации:

$$Y = 57,09919 \cdot X_1^{-0,0616} \cdot X_2^{-0,0752} \cdot X_3^{0,0723} \cdot X_4^{0,0954} \quad (2)$$

Экономико-математическая модель (2) имеет ряд следующих особенностей:

– модель имеет свойство убывающей отдачи от масштаба;

– факторы «Текущие расходы на здравоохранение на душу населения по ППС» (X3) и «Средняя продолжительность обучения» (X4) оказывают положительный эффект на ожидаемую продолжительность жизни (Y);

– отрицательное значение в модели коэффициента при факторе «Коэффициент Джини» (X2) подтверждает наличие обратной зависимости между уровнем дифференциации доходов населения и ожидаемой продолжительностью жизни граждан;

– уровень валового национального дохода на душу населения в созданной модели оказывает отрицательное влияние на зависимый фактор Y, что может быть связано с погрешностью в исходной выборке либо с наличием поведенческих особенностей населения в странах ЕАЭС.

II. Эконометрическое моделирование развития человеческого капитала в странах ЕАЭС

В настоящей работе на основе данных Программы развития Организации Объединенных Наций [19] и Всемирного банка [27] был также

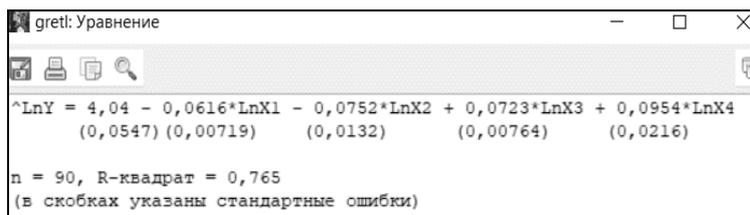

Рис. 9. Уравнение линейной регрессии

	Коэффициент	Ст. ошибка	t-статистика	P-значение
LnLEI	0,337719	0,0119729	28,21	5,69e-044 ***
LnEI	0,381619	0,0126754	30,11	4,32e-046 ***
LnII	0,326331	0,0113438	28,77	1,31e-044 ***
du_1	0,0138066	0,00273007	5,057	2,55e-06 ***
du_2	0,00891178	0,00219540	4,059	0,0001 ***
du_3	0,00468112	0,00253860	1,844	0,0688 *
du_4	0,00845118	0,00480951	1,757	0,0826 *
du_5	0,0108401	0,00261191	4,150	8,07e-05 ***
Среднее зав. перемен	-0,320781	Ст. откл. зав. перемен	0,088563	
Сумма кв. остатков	0,000718	Ст. ошибка модели	0,002959	
R-квадрат	0,998972	Испр. R-квадрат	0,998884	
F(7, 82)	11381,46	P-значение (F)	1,1e-119	

Рис. 10. Модель множественной регрессии. Метод наименьших квадратов

проведен анализ развития человеческого капитала и оценка влияния его составных факторов на ИЧР в странах Евразийского экономического союза [26] за период 2000–2017 гг. на основе следующих показателей:

- HDI – индекс человеческого развития;
- LE – ожидаемая продолжительность жизни при рождении (лет);
- GNIPc – валовой национальный доход (ВНД) на душу населения (в долл. США 2011 г. по ППС);
- MYS – средняя продолжительность обучения (лет);
- EYS – ожидаемая продолжительность обучения (лет).

В качестве инструмента проведения исследований использовался эконометрический пакет Gretl [34] и MS Excel [35].

На основе статистических данных были рассчитаны значения составных индексов, входящих в индекс человеческого развития:

1) индекс ожидаемой продолжительности жизни (LEI):

$$LEI = \frac{LE - 20}{85 - 20}; \quad (3)$$

2) индекс средней продолжительности обучения (MYSI):

$$MYSI = \frac{MYS}{15}; \quad (4)$$

3) индекс ожидаемой продолжительности обучения (EYSI):

$$EYSI = \frac{EYS}{18}; \quad (5)$$

4) индекс образования (EI):

$$EI = \frac{MYSI + EYSI}{2}; \quad (6)$$

5) индекс дохода (II):

$$II = \frac{\ln(GNIPc) - \ln(100)}{\ln(75000) - \ln(100)}. \quad (7)$$

Индекс человеческого развития рассчитывается как среднее геометрическое индексов ожидаемой продолжительности жизни (3), образования (6) и дохода (7):

$$HDI = \sqrt[3]{LEI * EI * II}. \quad (8)$$

В целях повышения качества модели через расширение выборки был произведен переход к панельным данным [30]. Для применения классических инструментов статистики проведена линейаризация исходной функции посредством логарифмирования. При исследовании рассматривалась модель вида:

$$\ln HDI_t = \frac{1}{3}(\beta_1 \ln LEI_t + \beta_2 \ln EI_t + \beta_3 \ln II_t). \quad (9)$$

С помощью фиктивных переменных были введены фиксированные структурные сдвиги для отражения страновых отличий в динамике развития человеческого капитала стран ЕАЭС:

$$\begin{aligned} \ln HDI_t = & \frac{1}{3}(\beta_1 \ln LEI_t + \beta_2 \ln EI_t + \beta_3 \ln II_t) + \\ & + q_1 D_1 + q_2 D_2 + q_3 D_3 + q_4 D_4 + q_5 D_5. \end{aligned} \quad (10)$$

На рис. 10 приведены результаты регрессионного анализа, проведенного с применением МНК.

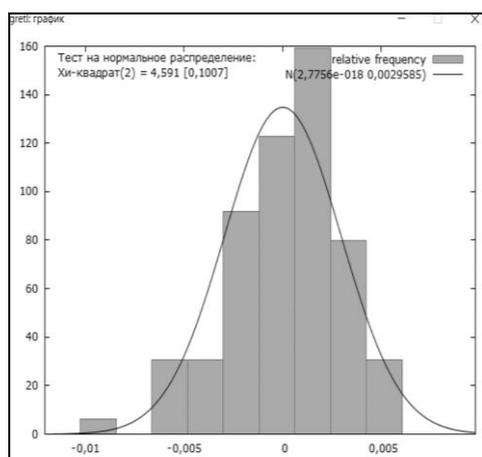

Рис. 11. График плотности распределения остатков

Таблица 2

Критерий Дарбина–Уотсона

Статистические показатели	Значения
n – кол-во наблюдений	90
m – кол-во экзогенных переменных	8
d_l	1.4695
d_u	1.8541
$4-d_u$	2.1459
$4-d_l$	2.5305
Статистика Дарбина–Уотсона модели	1.9156

Исходя из высокого значения коэффициента детерминации (99.8%), F-статистики (11381.46) и статистик Стьюдента, построенная модель является значимой и может быть использована для дальнейшего анализа. Необходимо отметить, что в полученной модели остатки распределены нормально (рис. 11), так как, согласно закону нормального распределения остатков, $\chi^2_{\text{расчетное}}(4,591) < \chi^2_{\text{табличное}}(5,99146)$.

Учитывая тот факт, что в итоговой модели использовались робастные стандартные ошибки, можно утверждать о гомоскедастичности исследуемой модели.

Отметим, что даже наличие мультиколлинеарности не повлияет на ухудшение качества модели, так как все статистики значимы. Наличие мультиколлинеарности может свидетельствовать о наличии ложной связи. Для доказательства отсутствия в модели мультиколлинеарности рассмотрим статистику Дарбина–Уотсона (табл. 2) и покажем, что автокорреляции первого порядка отсутствуют.

Согласно критерию Дарбина–Уотсона, если значение статистики входит в промежуток от d_u до $4-d_u$, то автокорреляция отсутствует. В нашем случае полученное значение принадлежит данному промежутку. Соответственно, можно сделать вывод об отсутствии автокорреляции первого порядка в рассматриваемой модели.

В модели (10) с введенными фиктивными переменными не оценивался параметр «константа», который отражает дифференциацию индекса человеческого развития между разными странами. При этом фиктивные переменные D_i , $i = 1, 2, 3, 4, 5$, выполняют две функции: выступают в качестве константы; отражают страновые отличия.

Поскольку коэффициенты перед параметрами D_i статистически значимы (высокое значение t-статистики), то фиксированные сдвиги существенны, что подтверждает гипотезу о наличии страновых особенностей.

По итогам эконометрического анализа модель развития человеческого капитала стран ЕАЭС имеет вид:

$$\begin{aligned} \ln HDI_t = & \frac{1}{3}(0,337719 \ln LEI_t + 0,381619 \ln EI_t + (11) \\ & + 0,326331 \ln II_t) + 0,0138066 D_1 + \\ & + 0,00891178 D_2 + 0,00468112 D_3 + \\ & + 0,00845118 D_4 + 0,0108401 D_5. \end{aligned}$$

Следует отметить высокое на уровне значимости 10% (по данным регрессионного анализа и оценки ряда остатков) качество построенной модели.

Заключение

В работе предложена и исследована экономико-математическая модель сферы здравоохранения в странах Евразийского экономического союза и проведено эконометрическое моделирование развития человеческого капитала как фактора экономического роста стран ЕАЭС. В условиях глобальных вызовов, в том числе в виде пандемии, здоровье граждан государств ЕАЭС и стран всего мира является одним из наиболее существенных вопросов, который определяет мировую экономику. Вектор направленности экономики на интенсивный путь ее развития подразумевает устойчивое развитие цифровой экономики. Цифровая экономика неразрывно связана с существованием нормально и эффективно функционирующей здравоохранительной системы. Эффективность работы здравоохранения обуславливается персонализированной медициной, широким применением информационных технологий и методов анализа больших данных [44–46].

По итогам проведенных исследований с целью дальнейшего развития сферы здравоохранения в странах ЕАЭС и увеличения человеческого капитала как фактора экономического роста предлагается реализация следующих мер:

– усиление санитарно-просветительской работы среди населения стран интеграционного объединения;

– систематическая профилактика хронических заболеваний и заболеваний инфекционного характера;

– увеличение размера инвестиций в сферу здравоохранения с целью увеличения качества здоровья граждан и роста продолжительности жизни;

– финансирование научных исследований в области биомедицины и внедрение в здравоохранение передовых медицинских технологий;

– развитие массовой физической культуры и спорта, с приобщением всех возрастных групп населения стран ЕАЭС;

– сокращение дифференциации доходов среди групп населения и обеспечение финансовой стабильности граждан;

– развитие сферы образования и поддержка научно-исследовательской деятельности.

Предложенные меры окажут положительный эффект на развитие человеческого капитала и будут способствовать наращиванию экономического потенциала стран-участниц ЕАЭС. Результаты исследований, проведенных в данной работе, могут оказать помощь для корректировки управленческих решений в сфере здравоохранения и стратегического планирования развития человеческого капитала как фактора интенсивного инновационного экономического роста стран ЕАЭС на последующие периоды.

Список литературы

1. Аганбегян А.Г. Человеческий капитал и его главная составляющая – сфера «экономики знаний» как основной источник социально-экономического роста // *Экономические стратегии*. 2017. № 3. С. 66–79; № 4. С. 6–21. URL: <http://stolypinsky.club/wpcontent/uploads/2017/08/CHelovecheskij-kapital-i-ego-glavnaya-sostavlyayushhaya-sferaekonomiki-znanij-kak-osnovnoj-istochnik-sotsialno-ekonomicheskogo-rosta.pdf>
2. Макаров В.Л. Экономика знаний: уроки для России // *Вестник Российской академии наук*. 2003. Т. 73. № 5. С. 450–456. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/VRAN/SESSION/VRAN5.HTM10>.
3. Макаров В.Л., Клейнер Г.Б. Микроэкономика знаний. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2007. 204 с.
4. Перова В.И., Мамаева Н.А., Захаренко Е.С. Нейросетевое моделирование динамики развития высшего образования Российской Федерации в контексте формирования человеческого капитала // *Экономический анализ: теория и практика*. 2019. Т. 18. № 4. С. 642–662. URL: <https://doi.org/10.24891/ea.18.4.642>
5. Соболева И.В. Человеческий потенциал российской экономики: проблемы сохранения и развития. М.: Наука, 2007. 201 с.
6. Сухарев М.В. Человеческий капитал в общей системе знаний // *Креативная экономика*. 2017. Т. 11. № 9. С. 915–930. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/chelovecheskiy-kapital-v-obscheysteme-znaniy>
7. Леягина Е.Н., Перова В.И., Кутасин А.Н. Инновационный подход к исследованию развития человеческого капитала средствами физической культуры и спорта с использованием научного инструментария нейронных сетей // *Креативная экономика*. 2020. Т. 14. № 8. URL: <https://doi.org/10.18334/ce.14.8.110698>
8. Кузнецов Ю.А. Человеческий капитал, производительность труда и экономический рост // *Экономический анализ: теория и практика*. 2012. № 43 (298). С. 2–14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovecheskiy-kapital-proizvoditelnost-truda-iekonomicheskiy-rost-okonchanie>
9. Кузнецов Ю.А., Мичасова О.В. Формализация задачи выявления и анализа основных факторов, определяющих экономический рост в РФ // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2015. № 3. С. 9–19.
10. Кильдиярова Г.Р. Влияние человеческого капитала на инновационные процессы и ВВП государства // *Креативная экономика*. 2015. Т. 9. № 12. С. 1647–1656. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/vliyanie-chelovecheskogo-kapitala-na-innovatsionnyeprotsessy-i-vvp-gosudarstva>
11. Лавров Е.И., Лаврова Л.А. Человеческий капитал как фактор экономического роста // *Вестник Омского университета*. Серия: Экономика. 2006. № 2. С. 63–69. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovecheskiy-kapital-kak-faktor-ekonomicheskogo-rosta-3>
12. Barro R. J. Economic Growth in a Cross Section of Countries // *Quarterly Journal of Economics*. 1991. No. 106. P. 407–433.
13. Becker G. S. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education. New York: Columbia University Press, 1964. 412 p.
14. Benhabib J., Spiegel M.M. The Role of Human Capital in Economic Development: Evidence from Aggregate Cross-Country Data // *Journal of Monetary Economics*. 1994. No. 34. P. 143–173.
15. Kuznets S. Economic Growth and Income Inequality // *American Economic Review*. 1955. Vol. 45. No. 1. P. 1–28.
16. Lucas R. On the Mechanics of Economic Development // *Journal of Monetary Economics*. 1988. No. 22. P. 3–42.
17. Savvides A., Zachariadis M. International Technology Diffusion and the Growth of TFP in the Manufacturing Sector of Developing Economies // *Review of Development Economics*. 2005. No. 9. P. 482–501.
18. Mankiw N. G., Romer D., Weil D. N. A Contribution to the Empirics of Economic Growth // *Quarterly Journal of Economics*. 1992. No. 107. P. 407–437.
19. Программа развития ООН. URL: <https://www.undp.org/> (дата обращения 03.11.2020).
20. Ионцев В.А. и др. Введение в демографию: Учебное пособие / Под ред. В.А. Ионцева, А.А. Саградова. М.: Изд-во МГУ, ТЭИС, 2003. 636 с.
21. 2030 Agenda for Sustainable Development. URL: <https://www.undp.org/content/undp/en/home/2030-agenda-for-sustainable-development.html/> (дата обращения: 03.11.2020).

22. Дуганов М.Д. Оценка эффективности расходов на здравоохранение на региональном и муниципальном уровнях. М.: ИЭПП, 2007. 112 с.
23. Калашников К.Н., Шабунова А.А., Дуганов М.Д. Организационно-экономические факторы управления региональной системой здравоохранения: Монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. 153 с.
24. Баранов А.О., Слепенкова Ю.М. Методологические проблемы анализа воспроизводства человеческого капитала в России // ЭКО. 2018. № 2. С. 5–17. URL: <https://ecotrends.ru/index.php/eco/article/view/1155>
25. United Nations. URL: <https://www.un.org/en/> (дата обращения: 03.11.2020).
26. Евразийская экономическая комиссия. URL: <http://www.eurasiancommission.org/> (дата обращения: 03.11.2020).
27. Всемирный банк. URL: <https://www.worldbank.org/> (дата обращения: 03.11.2020).
28. Всемирная организация здравоохранения. URL: <https://www.who.int/home/> (дата обращения: 03.11.2020).
29. Доугерти К. Введение в эконометрику: Пер. с англ. 3-е изд. М.: ИНФРА-М, 2009. XIV, 465 с.
30. Chamberlain G. Multivariate Regression Models for Panel Data // Journal of Econometrics. 1982. No. 18. P. 5–46.
31. Carroll R.J., Ruppert D. Transformation and Weighting in Regression. New York: Chapman and Hall, 1988. 264 p.
32. Айвазян С.А., Мхитарян В.С. Прикладная статистика и основы эконометрики: Учебник для вузов. М.: ЮНИТИ, 1998. 1000 с.
33. Буреева Н.Н., Петрова О.В. Эконометрика. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета, 2006. 144 с.
34. Библиотека GNU для регрессии, эконометрики и временных рядов. URL: <http://gretl.sourceforge.net/> (дата обращения: 03.11.2020).
35. Microsoft Excel. URL: <https://products.office.com/ru-ru/excel/> (дата обращения: 20.02.2020).
36. Дубров А.М., Мхитарян В.С., Трошин Л.И. Многомерные статистические методы. М.: Финансы и статистика, 2003. 352 с.
37. Стронгина Н.Р., Марчева И.А. Регрессионный анализ в экономических приложениях. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета, 2003. 214 с.
38. Болдыревский П.Б., Игошев А.К., Кистанова Л.А. Моделирование процессов формирования механизмов устойчивого развития субъектов хозяйствования в условиях экономического кризиса. М.: ООО «РУСАЙНС», 2019. 102 с.
39. Болдыревский П.Б., Игошев А.К., Кистанова Л.А. Влияние экономических циклов и кризисов на индекс промышленного производства в России // Экономический анализ: теория и практика. 2019. Т. 18. № 2 (485). С. 384–396.
40. Назарова В.В., Борисенкова К.А. Оценка эффективности системы здравоохранения в России // Народонаселение. 2017. № 4. С. 119–134.
41. Кузнецов Ю.А. Оптимальное управление экономическими системами. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета, 2008. 449 с.
42. Любушин Н.П. Комплексный экономический анализ хозяйственной деятельности. М.: ЮНИТИ, 2006. 445 с.
43. Макаров В.Л. Обзор математических моделей экономики с инновациями // Экономика и математические методы. 2009. Т. 45. № 1. С. 3–14.
44. Турлапов В.Е., Белокаменская А.А., Сапрыкин В.А., Гергель В.П. Принцип организации и архитектура информационной телемедицинской системы нового поколения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 5-2. С. 432–437. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18983196>
45. Федоткин М.А., Пройдакова Е.В., Эделева А.Н. Математические и инструментальные методы построения модели экономики функционирования больницы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2019. № 4 (56). С. 56–66.
46. Федоткин М.А., Пройдакова Е.В., Эделева А.Н. Аналитические и численные методы анализа функционирования больницы с учетом ошибок результатов наблюдений // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2020. № 2 (58). С. 55–65.

ANALYSIS OF THE IMPACT OF THE HEALTH SECTOR ON DEVELOPMENT HUMAN CAPITAL AS AN ECONOMIC FACTOR GROWTH OF THE EAEU COUNTRIES

V.I. Perova, P.V. Korchemny

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The purpose of the study is to substantiate the importance of the health factor for the growth of human capital and the need for an integration policy in the field of health to ensure stable economic growth of the countries that are members of the Eurasian Economic Union (EAEU). The subject of this study is the relationship between the level of health and the accumulation of human capital – one of the factors of innovative development and national security of the EAEU countries. The objects of the study were the member states of the Eurasian Economic Union: Russian Federation, Republic of Armenia, Republic of Belarus, Republic of Kazakhstan, Kyrgyz Republic. The production function for health care in the countries of the Eurasian Economic Union is constructed and econometric modeling of human capital development as a factor of economic growth in the EAEU countries is carried out. Based on spatial data for the period 2000–2017. The research tools used are a fixed-effect model, a weighted least-squares method, and a least-squares method based on the Gretl and MS Excel econometric package. It is shown that the indicators in the economic and mathematical model are statistically significant. This underlines the importance of implementing an integration policy in the field of healthcare in the EAEU space in

order to increase the economic potential of this integration education. The results obtained can help in developing a strategy for health development in the countries of the Eurasian Economic Union.

Keywords: healthcare, human capital, economic growth, economic modeling, EAEU.

УДК 338.1
DOI 10.52452/18115942_2021_1_33

АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ РАЗВИТИЯ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ЭКОНОМИКЕ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2021 г.

О.В. Трофимов, В.Г. Фролов, Е.З. Климова

Трофимов Олег Владимирович, д.э.н.; проф.; заведующий кафедрой экономики предприятий и организаций Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
ovt@iee.unn.ru

Фролов Владислав Генрихович, к.э.н.; доц.; доцент кафедры экономики предприятий и организаций Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
frolov.unn@gmail.com

Климова Елена Зуферовна, к.э.н.; доц.; доцент кафедры экономики предприятий и организаций Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
mikhe-elena@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 11.01.2021

Статья принята к публикации 02.02.2021

Цель статьи – выявление особенностей развития высокотехнологичных производств Нижегородской области. В рамках исследования применялись такие методы, как анализ, синтез и статистические методы. На основе регрессионной модели подтверждено наличие тесной взаимосвязи между затратами на технологические инновации и величиной валового регионального продукта, представлены результаты анализа показателей инновационной деятельности промышленности Нижегородской области.

Ключевые слова: высокотехнологичные предприятия, инновации, инвестиции, региональное развитие, промышленное производство.

Введение

Высокотехнологичные отрасли промышленности играют ведущую роль в национальной экономике, способствуя ее преобразованию из «инвестиционной» в «высокотехнологичную». Высокотехнологичные отрасли представляют собой будущее направление промышленного развития и играют позитивную роль в трансформации традиционных отраслей промышленности. Ученые разных стран уделяют пристальное внимание развитию высокотехнологичных отраслей промышленности, так как поддержка организаций-«локомотивов» является ключевым направлением государственной экономической политики в сфере формирования инновационной экономики [1–7].

Развитие технологического сектора во время пандемии в РФ происходило ускоренными темпами, доход индустрии высоких технологий в 2020 году составил 4,8 трлн долларов, прогноз на 2021 год составляет 5 трлн долларов с темпами прироста 5% до 2024 года.

В Китае развитие высокотехнологичных производств является драйвером развития экономической системы в целом [6]. Крупнейшим технологическим рынком являются США, на его долю приходится 33% общего объема (в стоимостном выражении 1,6 трлн долларов в

2020 году). Вклад технологического сектора в формирование ВВП больше других отраслей, включая розничную торговлю, строительство и транспорт. Ведущим участником рынка технологий является Китай, развивая сегменты разработки программного обеспечения, робототехники, 5G. Региональное экономическое развитие Китая и направление научно-технических инноваций в будущем обеспечивают определенное эталонное значение для различных уровней научно-технических инноваций в различных отраслях промышленности.

Весь отраслевой рынок можно разделить на следующие сегменты: традиционные категории оборудования, программного обеспечения, приборостроение и инфраструктура, бизнес-решения (их доля составляет 56% от общемирового объема), телекоммуникационные услуги (доля 26%), оставшиеся 18% охватывают различные новые технологии, которые не вошли в другие группы или используют решения типа as-a-service, включающие в себя элементы аппаратного обеспечения, программного обеспечения и сервиса, такие как IoT, беспилотные летательные аппараты и многие автоматизирующие технологии (рис. 1).

Направления субсидирования высокотехнологичных отраслей различаются в разных странах в зависимости от экономической системы.

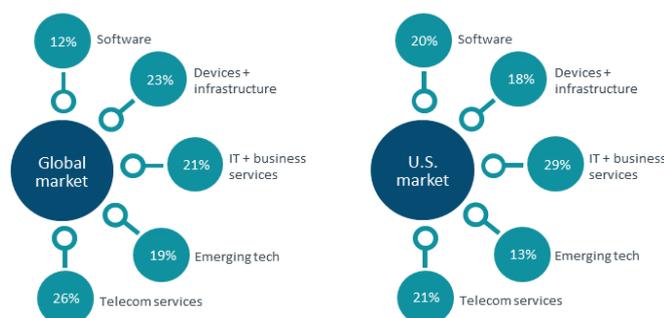

Рис. 1. Ключевые направления развития индустрии высоких технологий [8]

Развитый американский рынок обладает хорошей инфраструктурой со значительной долей подключенных к различным устройствам пользователей. Это является основой для инвестиций в программное обеспечение и сопутствующие услуги, именно в эти направления осуществляется около половины расходов на американском рынке технологий. Этот показатель выше, чем в других странах мира. Государства, отстающие в технологическом развитии, инвестируют в основном в традиционное оборудование и телекоммуникационные услуги [8].

Высокие технологии являются наиболее активным фактором развития современных производительных сил страны, поднимают уровень инноваций и предпринимательства, помогают странам повысить свою инновационную активность. Промышленный инновационный потенциал представляет собой динамический потенциал научно-технической инновационной деятельности отрасли, который влияет на смежные отрасли через волновой эффект, приводя всю промышленную систему к устойчивому развитию науки и техники [9].

Исследование взаимосвязи между экономическим ростом Китая и инновациями в высокотехнологичных отраслях промышленности представлено в работах Чжу Юн, который с помощью регрессионного анализа коинтеграции показал существование высокой связи между инновациями в финансовой высокотехнологичной промышленности и экономическим ростом [10]. Другими учеными, изучающими экономический рост в Китае и инновации высокотехнологичной промышленности с помощью модели VAR, теста коинтеграции, теста причинности Грейнджера и других аналитических инструментов, являются Ван Кай и др., Чжан Ючжи [11], Лин Цзянхуай [12], Гуань Синь и др. В данных работах равновесное соотношение и краткосрочное динамическое соотношение анализировались с помощью дисперсионной декомпозиции и функций импульсного отклика. Была выявлена зависимость между экономическим ростом Китая и инновациями в высоко-

технологичной промышленности, которая сопровождалась определенным эффектом запаздывания. Кроме того, результаты исследований также дают некоторое представление о новых изменениях и новых корректировках нынешней экономической структуры Китая.

В настоящее время нет единого определения показателей инновационной деятельности высокотехнологичной отрасли. Большинство литературных источников содержат различные показатели, которые определяются отдельными целями исследований. Рассмотрим развитие высокотехнологичных производств Нижегородской области и их вклад в формирование валового регионального продукта.

Теоретико-методологические подходы

В рамках нашего исследования в работе [13] была разработана системная модель организационно-экономического механизма развития приоритетных высокотехнологичных отраслей промышленности, а также проведена апробация данной модели на примере автомобилестроения и металлургии в рамках исследования [14]. Поиск точек роста несырьевых отраслей экономики региона и формирование благоприятных условий для развития высокотехнологичных организаций остается актуальным направлением исследования. В рамках представленной модели, на начальных этапах ее реализации необходимо выбрать приоритетные высокотехнологичные отрасли промышленности региона, проанализировать особенности их развития, выделить оптимальную структуру и элементы модели, включая наиболее востребованные инструменты цифровизации и направления развития в условиях нестабильности внешней среды.

Нижегородская область обладает необходимой диверсифицированной производственной базой и высокой концентрацией ресурсов для развития высокотехнологичных производств. По данным доклада «Высокотехнологичный бизнес в регионах России 2020», Нижегородская область относится к региональным цен-

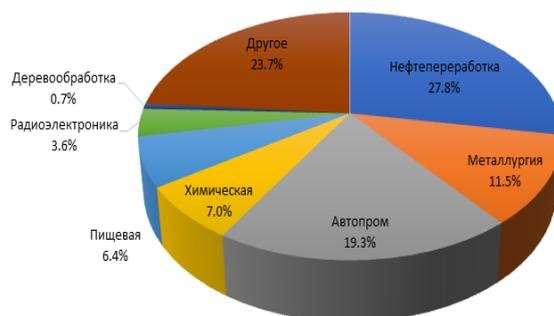

Рис. 2. Распределение отдельных отраслей в промышленном производстве Нижегородской области [15]

Рис. 3. Тренды развития высокотехнологичных производств Нижегородской области [16]

трам несырьевого роста, где складываются благоприятные условия для развития высокотехнологичных отраслей. Вклад в регионах подобного типа в производство, налоги высокотехнологичного сектора России выше 2% [1].

В соответствии с данными инвестиционного портала Нижегородской области, к приоритетным отраслям промышленности региона отнесены автомобилестроение (доля в промышленном производстве региона 19.3%), металлургия (11.5%), нефтехимический комплекс (более 30%) и оборонно-промышленный комплекс (рис. 2).

Эти отрасли определяют ситуацию в промышленности региона и задают ему вектор развития. Автомобильная промышленность является стратегической отраслью Нижегородской области, дающей мультипликативный эффект и определяющей потребность в результатах работы металлургии, химической, электротехнической отрасли.

В экономике Нижегородской области значительный удельный вес высокотехнологичных и наукоемких производств в валовом региональном продукте (31.3% ВРП – 4-е место среди регионов РФ; в России – 20.7% ВВП). В структуре производства на 85% преобладают отрасли III и IV технологических укладов, 10% можно отнести к V укладу (это прежде всего электроника) и около 1% к VI технологическому укладу (это организации наноиндустрии и биотехнологий).

В соответствии со Стратегией социально-экономического развития Нижегородской области до 2035 года выделяются следующие глобальные тренды развития высокотехнологичных производств при переходе на V и VI технологические уклады: ускоренная цифровизация, усиление роли конвергенции знаний, снижение инновационного цикла и другие [16] (рис. 3).

Создание и выпуск высокотехнологичных товаров требуют повышения качества основных производственных фондов региона и напрямую зависят от их состояния. К особенностям развития высокотехнологичных производств региона относят высокий уровень износа основных фондов (в целом по организациям области этот показатель более 50%). Но, несмотря на это, объем отгруженной инновационной продукции выше, чем по отдельным регионам России, выше также показатель отгруженной инновационной продукции предприятиями Нижегородской области (26.6% организаций Нижегородской области и 21.6% организаций в России в 2019 году).

Для оценки эффективности развития высокотехнологичных производств Нижегородской области ключевым показателем является вклад данных производств в экономику региона, обеспечение рабочими местами, экспортный потенциал высокотехнологичных производств и структура затрат на инновации. В рамках данного исследования рассмотрим затраты на ин-

Таблица

Показатели инновационной деятельности промышленности Нижегородской области [17]				
Год	Валовый региональный продукт Нижегородской области, млн руб.	Затраты на технологические инновации, млн руб.	Объем инновационных товаров, млн руб.	Доля инновационных товаров в ВРП, %
2010	652805	18750.2	76467.5	11.7
2011	770774	30333.3	153221.8	19.9
2012	842195	59006.7	152018.4	18.1
2013	925182	60847.9	172670.5	18.7
2014	1009460	45827.4	215681.7	21.4
2015	1104643	55695.4	185763.7	16.8
2016	1160782	53418.5	223517.3	19.3
2017	1261939	94979.1	218802.1	17.3
2018	1367544	95618.1	246042.6	18.0
2019	1476158	155191.2	266444.5	18.0

Рис. 4. Структура затрат на технологические инновации организаций Нижегородской области в 2019 году [17]

новационную деятельность и создание и выпуск инновационных товаров организациями региона. Проанализируем динамику валового регионального продукта Нижегородской области и затраты на технологические инновации в 2010–2019 годах (табл.).

Представленные данные говорят о том, что объем инновационных товаров, производимых в Нижегородской области, имеет тенденцию к росту, в 2018 году объем инновационных товаров увеличился на 12% по сравнению с 2017 годом и составил 246 042.6 млн рублей. Рост за 2019 год составляет 8%. Доля инновационной продукции в валовом региональном продукте находится на уровне в среднем 17.9% – этот показатель выше общероссийского, который в 2019 году составил 5.27% [8].

Затраты на технологические инновации увеличились в 2019 году на 62% и составили 155 191.2 млн рублей. В общей структуре затрат на технологические инновации преобладают затраты на исследование и разработку новых продуктов и методов производства (58.9%) (рис. 4).

Структура затрат на технологические инновации в Нижегородской области в целом соответствует российской. Для российской структуры показатель затрат на инжиниринг выше и находится на уровне 9.2%, а в Нижегородской

области он составляет 3%. На разработку и внедрение программ для ЭВМ и баз данных в России приходится 3.6%, для Нижегородской области эти затраты незначительны и составляют 0.4% (рис. 5).

Проанализируем наличие зависимости между затратами на технологические инновации и валовым региональным продуктом Нижегородской области с использованием регрессии. На основе таблицы была построена регрессионная модель, в которой в качестве независимой переменной (X) выступают затраты на технологические инновации, а в качестве результирующего фактора (Y) валовый региональный продукт Нижегородской области. Общий вид линейной регрессии в этом случае имеет вид $Y=a+bX$. Результаты регрессионного анализа приведены на рисунке 6. В полученной модели R-квадрат является основным показателем, характеризующим качество модели, в данном случае он равен 0.778 или 77.8%.

То есть можно сказать, что валовый региональный продукт Нижегородской области на 77.8% зависит от величины затрат на инновационную деятельность. Далее проанализируем показатель Y -пересечение, он равен 656861.94, данный коэффициент показывает, какое будет значение валового регионального продукта, ес-

Рис. 5. Структура затрат на технологические инновации организаций России в 2019 году [8]

Регрессионная статистика								
Множественный R	0,882566146							
R-квадрат	0,778923002							
Нормированный R-квадрат	0,751288377							
Стандартная ошибка	132807,0165							
Наблюдения	10							
Дисперсионный анализ								
	df	SS	MS	F	Значимость F			
Регрессия	1	4,97145E+11	4,97145E+11	28,18648742	0,000720441			
Остаток	8	1,41102E+11	17637703645					
Итого	9	6,38247E+11						
	Коэффициенты	Стандартная ошибка	t-статистика	P-Значение	Нижние 95%	Верхние 95%	Нижние 95,0%	Верхние 95,0%
Y-пересечение	656861,947	86304,00137	7,611025405	6,24019E-05	457844,563	855879,3311	457844,563	855879,3311
Переменная X 1	5,977386507	1,125876774	5,309094783	0,000720441	3,381110011	8,573663004	3,381110011	8,573663004

Рис. 6. Результаты регрессионного анализа зависимости затрат на инновационную деятельность и валового регионального продукта Нижегородской области (авторские расчеты)

ли другие показатели модели будут равны 0, то есть при влиянии других факторов, не упомянутых в модели. Значение переменной X1 равно 5.977, что говорит о наличии прямой зависимости между затратами на инновации и валовым региональным продуктом, а уравнение регрессии будет иметь вид: $Y=5.977X+656861.94$.

Заключение

На основе проведенного анализа можно сделать вывод, что Нижегородская область обладает необходимой диверсифицированной производственной базой и высокой концентрацией ресурсов для развития высокотехнологичных производств. Создание и выпуск высокотехнологичных товаров требует повышения качества основных производственных фондов региона и напрямую зависит от их состояния. К особенностям развития высокотехнологичных производств региона относят высокий уровень износа основных фондов (в целом по организациям области этот показатель более 50%), структура затрат на технологические инновации по направлениям разработок в Нижегородской области в целом соответствует российской, однако доля исследований и разработок новых това-

ров в России меньше. На основе проведенного регрессионного анализа подтверждена тесная взаимосвязь между затратами на инновации в Нижегородской области и формированием валового регионального продукта. Развитие высокотехнологичных производств региона дает возможность сформировать конкурентоспособную и высокопроизводительную промышленность и обеспечить стратегическое развитие Нижегородской области.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Нижегородской области в рамках научного проекта № 18-410-520009.

Список литературы

1. Адамайтис С.А., Барина В.А., Земцов С.П. и др. Национальный доклад «Высокотехнологичный бизнес в регионах России 2020». Вып. 3. М.: РАНХиГС; АИРР, 2020.
2. Земцов С., Барина В., Панкратов А., Куценко Е. Потенциальные высокотехнологичные кластеры в российских регионах: от текущей политики к новым точкам роста // Форсайт. 2016. № 3. С. 34–52.
3. Веко Р. В. Повышение эффективности работы промышленных организаций путем создания инновационных альянсов // Наука XXI века: проблемы и перспективы: Материалы IV Междунар. науч.-практ.

конф., Уфа, 29–30 мая 2016 г. / Исслед. центр информ.-правовых технологий. Уфа, 2016. С. 82–85.

4. Мьлыхина И.О. Стимулирование высокотехнологичных производств как императив технологического развития отечественной экономики // Вопросы инновационной экономики. 2019. Т. 9. № 4. С. 1469–1478.

5. Щекотурова С.Д., Яшин С.Н. Анализ и оценка уровня инновационного развития промышленного предприятия: Монография. Калининград: Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 2018. 223 с.

6. Спицын В.В. Источники роста и территориальное размещение высокотехнологичных отраслей в России // Вестник НГУЭУ. 2019. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istochniki-rosta-i-territorialnoe-razmeshenie-vysokotekhnologichnyh-otrasley-v-rossii> (дата обращения: 16.01.2021).

7. Wang L., Wang B. Пространственный статистический анализ и комплексная оценка развития высокотехнологичной промышленности // Открытый статистический журнал. 2020. 10. С. 431–452.

8. Инновационное развитие Российской Федерации в 2019 году [Электронный ресурс]. URL: http://www.mii.ru/digest/analitika_RF.pdf (дата обращения: 16.01.2021).

9. Liu Guoxin, Feng Dexiong, Yao Hanjun, et al. Comprehensive evaluation of regional innovation and entrepreneurial ability // Journal of Wuhan University of Technology (Information & Management Engineering). 2003. 25 (1). P. 84–88.

10. Zhu Yun, Bi Zhengcao. The co-integration relationship between China's financial investment in science and technology and economic growth // J. Finance & Economics. 2007. 7. P. 53–59.

11. Zhang Youzhi. Co-integration test between financial science and technology input and economic growth // J. Science & Technology Progress and Policy. 2012. 29 (7) P. 11–16.

12. Ng Jianghuai, Li Cheng, Li Xi. Research on the dynamic equilibrium relationship between financial science and technology input and economic growth // J. Macroeconomics. 2012. (6). P. 62–68.

13. Фролов В.Г., Трофимов О.В., Климова Е.З. Разработка системной модели организационно-экономического механизма развития приоритетных высокотехнологичных отраслей промышленного производства в соответствии с концепцией Индустрия 4.0 // Вопросы инновационной экономики. 2020. Т. 10. № 1. С. 71–84.

14. Фролов В.Г., Климова Е.З., Трофимов О.В. Апробация системной модели организационно-экономического механизма развития приоритетных высокотехнологичных отраслей промышленного производства Нижегородской области // Вопросы инновационной экономики. 2020. Т. 10. № 4. С. 2115–2128.

15. Инвестиционный портал Нижегородской области [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nn-invest.ru/ru/region/major-industries> (дата обращения: 10.01.2021).

16. Стратегия социально-экономического развития Нижегородской области до 2035 года [Электронный ресурс]. URL: https://strategy.government-nnov.ru/static/new_design/files/Proyekt_Strategii_Nizhegorods_koy_oblasti_2035.pdf (дата обращения: 10.01.2021).

17. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/14477> (дата обращения: 16.01.2021).

18. Михеева Е.З. Реинжиниринг бизнес-процессов как метод управления предприятием на базе информационных технологий // Российское предпринимательство. 2007. Т. 8. № 11. С. 62–66.

19. Официальный сайт CompTIA [Электронный ресурс]. URL: <https://www.comptia.org/content/research/it-industry-trends-analysis> (дата обращения: 16.01.2021).

ANALYSIS OF THE FEATURES OF DEVELOPMENT OF HIGH-TECHNOLOGICAL ENTERPRISES OF THE INDUSTRY IN THE ECONOMY OF NIZHNY NOVGOROD REGION

O.V. Trofimov, V.G. Frolov, E.Z. Klimova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The purpose of the article is to identify the features of the development of high-tech industries in Nizhny Novgorod region. The research used research methods such as analysis, synthesis and statistical methods. Based on the construction of a regression model, the existence of a close relationship between the cost of technological innovation and the value of the gross regional product is confirmed, the results of the analysis of indicators of innovative activity of the industry of Nizhny Novgorod region are presented.

Keywords: high-tech enterprises, innovations, investments, regional development, industrial production.

УДК 338.28

DOI 10.52452/18115942_2021_1_39

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ РОССИЙСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ АВТОКОМПОНЕНТОВ ПО СОЦИАЛЬНЫМ ПОКАЗАТЕЛЯМ

© 2021 г.

Ф.Ф. Юрлов, С.Н. Яшин, В.В. Титов

Юрлов Феликс Федорович, д.т.н.; заслуженный деятель науки РФ;
профессор кафедры цифровой экономики
Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева
ffyurlov@gmail.com

Яшин Сергей Николаевич, д.э.н.; проф.; заведующий кафедрой менеджмента
и государственного управления Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
jashinsn@yandex.ru

Титов Виктор Владимирович, аспирант кафедры цифровой экономики
Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева
tvik@list.ru

Статья поступила в редакцию 15.01.2021

Статья принята к публикации 02.02.2021

Ускоренное развитие сегмента производителей автомобильных компонентов необходимо для создания в Российской Федерации полноценного автомобилестроительного комплекса, с высокой степенью локализации и добавленной стоимости. Сильная автомобильная промышленность несет в себе мультипликативный эффект для других высокотехнологичных производств, дает рабочие места с высококвалифицированным трудом, обеспечивает страну доступными, современными и надежными транспортными средствами. Тем не менее именно сектор автокомпонентов тормозит как развитие национальной автопромышленности, так и локализацию производства иностранных компаний. На современном этапе развития отечественной автокомпонентной промышленности актуальной задачей является оценка эффективности предприятий сегмента на основе многокритериального и многоуровневого подходов, с учетом иерархической системы поставок компонентов, свойственной автомобильной промышленности. В статье осуществлен отбор конкурирующих предприятий по производству автокомпонентов автомобильной отрасли; определены социальные показатели эффективности анализируемых предприятий; произведена сравнительная оценка эффективности конкурирующих предприятий по производству автокомпонентов по абсолютным значениям социальных показателей, осуществлена оценка эффективности анализируемых предприятий по удельным социальным показателям с учетом численности сотрудников, сравниваемые предприятия проранжированы по абсолютным и удельным социальным показателям.

Ключевые слова: оценка эффективности, принципы многокритериальности, отрасль автомобилестроения, предприятия по производству автокомпонентов, принципы выбора эффективных решений, абсолютные социальные показатели, удельные социальные показатели, ранжирование предприятий по социальным показателям.

Введение

Отрасль предприятий автокомпонентов имеет исключительно важное значение для автомобилестроения. Анализ состояния указанной отрасли показывает необходимость решения ряда характерных для нее проблем. К этим проблемам относятся: проблема финансирования и необходимость инвестиционных вложений, технологическая отсталость от развитых зарубежных стран, недостаточное кооперирование с целью повышения конкурентоспособности предприятий и др. Острота этих проблем влияет не только на экономическое состояние предприятий, но и на их социальные показатели, что непосредственно сказывается на уровне жизни работников. Экономическому анализу указан-

ных предприятий, наряду с другими авторами, посвящены работы заслуженного деятеля науки, профессора Ф.Ф. Юрлова и его учеников [1, 2]. Вопросы локализации производства автомобильных компонентов подробно разобраны в работах профессора М.А. Шушкина [3–5], а также в работах А.А. Степанова, Е.В. Купцовой, А.Е. Кондратьева и профессора А.В. Дрыночкина [6, 7].

Полноценная автомобильная промышленность является одним из главных локомотивов экономики и определяет технологический уровень развития страны. Условием полноценности выступает наличие единого комплекса автосборочных заводов и предприятий по производству комплектующих. В России сегодня работают 25 крупных сборочных предприятий, на кото-

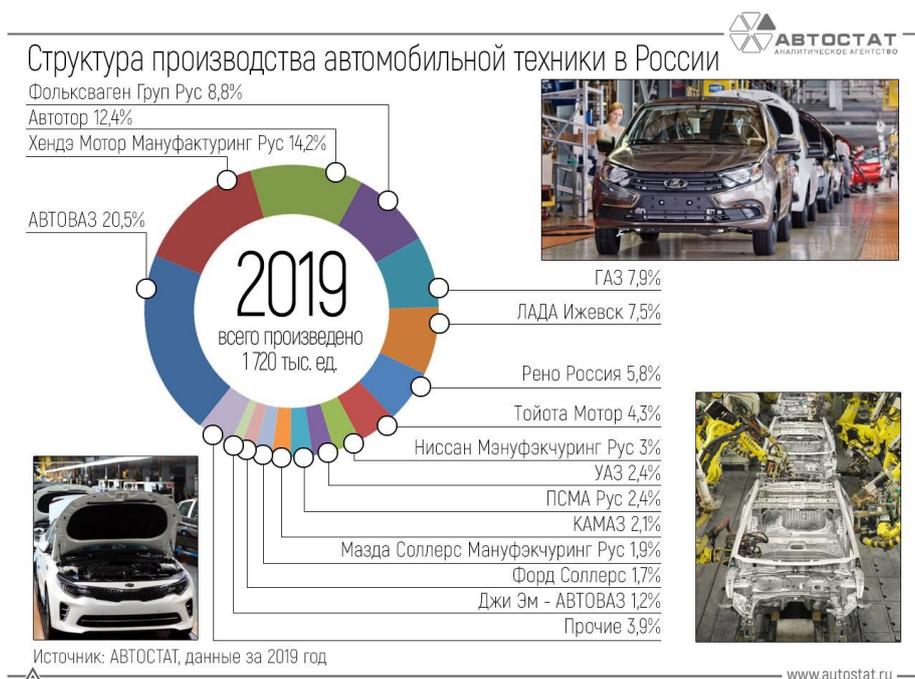

Рис. 1. Структура производства автомобильной техники в России (по данным аналитического агентства «Автостат»)

рых производят порядка 1.5 млн автомобилей в год (по итогам 2020 года), большая часть из которых – это иностранные бренды. Структура производства автотехники в России показана на рис. 1.

Степень локализации производства иностранных автомобилей в России крайне низка. Из того, что локализовано, в основном компоненты, не требующие какой-либо квалификации в производстве: шины, стекла, штампованные пластиковые детали, крепеж; из операций: крупноузловая сборка, сварка и окраска. К примеру, если рассматривать тройку лидеров отечественного рынка легковых автомобилей, то из возможных 8800 баллов (т.е. когда все используемые компоненты и сырье российские) [8] у Lada Vesta (АвтоВАЗ) набирается 3300 баллов, Hyundai Solaris/KIA Rio (корейский концерн Hyundai) лишь 1400 – 1500. Таким образом, импорт автомобилей практически был замещен импортом комплектующих, что, по мнению экспертов, явилось причиной деградации отечественного сегмента автокомпонентной промышленности. Ежегодно 55–60 млрд долларов утекают из страны в качестве оплаты импортных комплектующих [9]. Здесь уместно сказать и о социальном факторе. Известно, что одно рабочее место на автосборочном заводе дает еще 7–8 мест на производствах компонентов. Получается, что с момента создания сборочных производств в России мы создавали рабочие места в Германии, Франции, Японии и т.д.

В настоящий момент развития сегмент автокомпонентной промышленности отрасли авто-

мобилестроения сталкивается с целым рядом вызовов и рисков.

Так, по данным аналитически-консалтинговой компании «АСМ-Холдинг», за последние 15 лет удельный вклад автомобильной отрасли в ВВП страны уменьшился на 47%. За последние 9 лет в автомобильной промышленности произошло сокращение рабочих мест на 113 тыс. человек, а в автокомпонентном секторе – на 500 тысяч, в основном это инженерный персонал. В связи с тем, что практически не осуществляется разработка новой продукции, а сборочное производство не нуждается в квалифицированных кадрах, происходит потеря квалификации, отрасль перестает быть привлекательной для талантливой молодежи. При этом объем государственной поддержки постоянно увеличивается. К примеру, в 2017 году каждый рубль добавленной стоимости включал в себя 56 копеек государственной поддержки [10].

Результаты инвестиционных режимов «Промсборка-1» и «Промсборка-2» не дали положительных результатов с точки зрения локализации. Целевой показатель в 30% за семь лет так и не был достигнут. К примеру, в Индии и Китае удалось увеличить локализацию своей автомобильной промышленности на 75%.

Ослабление отечественного сегмента происходит также из-за давления со стороны новых игроков рынка, которых приводят иностранные автопроизводители. Организация совместных предприятий проблематична из-за большого разнообразия брендов и небольшого объема производства большинства из них, так как такое разно-

образе автомобильных платформ (компоновочная схема автотранспортного средства, объединяющая конструкторско-технологические решения и агрегатную часть, используемая как основа для создания моделей или модельных рядов) не дает возможности развернуть полноценное производство компонентов.

Кроме вышесказанного, на предприятиях сегмента автокомпонентов действуют негативные факторы, общие для российской промышленности: высокие тарифы естественных монополий, дороговизна кредита, отсутствие в достаточной степени развитого станкостроения и приборостроения, кадровая проблема. Предприятиям приходится конкурировать за счет низкой заработной платы и экономии на НИОКР.

На проводившейся в 2019 году конференции «Автопром-2019» обсуждалось текущее состояние отрасли, а также предложен ряд мер для решения накопившихся проблем, важнейшие из которых касаются изменений в структуре автомобильной промышленности [11]:

1) для концентрации ресурсов и синхронизации управления предлагается создать автомобильный концерн. В его компетенции должны войти наука, распоряжение госфинансированием, обеспечение локализации. Базовые предприятия концерна: Sollers, КамАЗ и «Группа ГАЗ»;

2) создание совместных предприятий по производству компонентов на условиях 50/50. Предусмотреть отмену всех налогов, кроме социальных, на 5 лет;

3) для совместных предприятий по производству автотранспортных средств – снижение на 5 лет всех федеральных налогов. При этом начальная локализация должна составить не менее 40%, а конечная – 90%.

Одним из инструментов по оценке предприятий сегмента автокомпонентов и последующего выбора эффективных решений является предложенная авторами методика.

Методика сравнительной оценки эффективности предприятий автокомпонентов по социальным показателям и ее применение

Особенностью методики является сравнительная оценка эффективности предприятий автокомпонентов по социальным показателям и ее применение к реально действующим отечественным предприятиям, производящим автокомпоненты. Анализируемые в данной работе ведущие предприятия занимают лидирующее положение в сегменте автокомпонентов отрасли автомобилестроения. Методика базируется на использовании значительного объема информации, относящейся к деятельности анализируе-

мых предприятий. Для выбора эффективных решений используется комплексное поэтапное применение принципов многокритериальной оптимизации.

Основные этапы предлагаемой методики

Этап 1. Формулирование целей исследования. Целью исследования является анализ и оценка социальной эффективности функционирования предприятий по производству автокомпонентов с целью повышения их конкурентоспособности и общественной эффективности.

Этап 2. Выбор конкурирующих предприятий, занимающихся производством автокомпонентов. В качестве указанных предприятий выступают: АО «САПТ», ЗАО «ПК Автокомпонент Нижний Новгород», ООО «СосновскАвтоКомплект», ООО «ЛАДА-ЛИСТ», ООО «Фабрика композитов». Базовым предприятием, занимающим лидирующее положение в отрасли автокомпонентов, является предприятие АО «САПТ».

Этап 3. Краткая характеристика анализируемых предприятий по производству автокомпонентов

АО «САПТ»

На сегодняшний день АО «САПТ» – промышленное предприятие по производству автокомпонентов, ведет свою производственную и экономическую деятельность в российском автомобилестроении. Анализ деятельности предприятия показывает, что оно занимает лидирующие позиции среди аналогичных отечественных предприятий.

Компания «Сосновскагропромтехника» (АО «САПТ») производит листы и другие изделия из полимеров, цветных металлов, резины, стеклопластика, а также предоставляет услуги, связанные с литьем и формованием пластмасс [12].

ЗАО «ПК Автокомпонент Нижний Новгород»

Группа компаний «Автокомпонент» является российским лидером в области производства изделий из пластмасс и полимерных композитов. В современных инжиниринговых центрах компании одновременно ведутся разработки по более 30 проектам, как автомобильной, так и неавтомобильной направленности. Занимается производством электрического и электронного оборудования для автотранспортных средств [13].

ООО «СосновскАвтоКомплект»

Основные направления деятельности ООО «СосновскАвтоКомплект»: производство пассажирских сидений; производство бортов для коммерческих и грузовых автомобилей; выпуск стального холоднокатаного профиля; изготовление деталей внутренней обивки интерьера автомобилей «ГАЗель»; производство ремней безопасности. В настоящее время на предприя-

Таблица 1

Социальные показатели, тыс. руб.				
№	Предприятие	ПФ РФ	ФФОМС	Прочие соц. взносы
1	САПТ	55500.00	12200.00	6860.00
2	ООО «Автодеталь-Н»	1060.00	247.00	0.00
3	ЗАО «Автокомпонент Нижний Новгород»	171.00	39.70	22.60
4	«СосновскАвтоКомплект»	9460.00	211.00	0.00
5	«ЛАДА-ЛИСТ»	30200.00	711.00	388.00
6	«Фабрика композитов»	28300.00	753.00	3330.00

тии общей площадью 28000 кв. м расположены 3 цеха порошковой окраски, прессовый цех, прокатный цех (3 прокатных стана), участок электродуговой и контактной сварки, участок термопластавтоматов, участок машин ТВЧ, участок сборки сидений, а также участок изготовления ремней безопасности [14].

ООО «ЛАДА-ЛИСТ»

Компания «ЛАДА-ЛИСТ» производит и реализует высококачественный листовой пластик ZUROPLAST по России и СНГ. Работает уже более 25 лет и использует современные линии KAUFMAN, KUHNE (двухслойные листы) и BANDERA (трехслойные листы). ООО «ЛАДА-ЛИСТ» первым из предприятий Восточной Европы стало членом EPDA (Европейской ассоциации дистрибьюторов пластика) и IAPD (Международной ассоциации дистрибьюторов пластика) [15].

ООО «Фабрика композитов»

ООО «Фабрика композитов» – российская инжиниринговая компания полного цикла по разработке, конструированию и производству изделий из композиционных материалов. Собственные производственные мощности позволяют создавать изделия любой сложности с точным соблюдением геометрических, физико-механических параметров и цветовых решений. Компания осуществляет производство изделий из композиционных материалов для их применения в самых разнообразных сферах: машиностроении, дорожном строительстве, для инженерной инфраструктуры, городского хозяйства и многих других [16].

Этап 4. **Определение основных социальных показателей предприятий по производству автокомпонентов.** В качестве указанных показателей выступают: страховые и другие взносы на обязательное пенсионное страхование, зачисляемые в Пенсионный фонд Российской Федерации (ПФ РФ), страховые взносы на обязательное медицинское страхование работающего населения, зачисляемые в бюджет Федерального фонда обязательного медицинского страхования (ФФОМС), страховые взносы на обязательное социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством (прочие соц. взносы).

Этап 5. **Формирование матрицы социальных показателей анализируемых предприя-**

тий. Указанная матрица представлена в виде таблицы 1.

Этап 6. **Определение эффективности предприятий по абсолютным значениям социальных показателей анализируемых предприятий с помощью принципов: доминирования, Парето, выделение главного показателя и перевод остальных в разряд ограничений.**

Применение принципа доминирования для определения эффективности предприятий.

Применение принципа доминирования позволяет выделить предприятие «САПТ», которое занимает первое место среди остальных предприятий (значения показателей выделены желтым цветом).

Применение принципа Парето для выбора эффективного множества компаний после исключения доминирующего предприятия «САПТ».

На первом этапе в множество эффективных решений входят предприятия «ЛАДА-ЛИСТ» и «Фабрика композитов» (значения показателей выделены красным цветом).

На втором этапе определяется множество эффективных систем, включающее предприятия: ЗАО «Автокомпонент Нижний Новгород» и «СосновскАвтоКомплект» (значения показателей выделены серым цветом).

На третьем этапе определяется предприятие ООО «Автодеталь-Н», занимающее последнее место по социальным показателям.

Применение принципа выделения главного показателя и перевод остальных в разряд ограничений.

На первом этапе данный принцип применяется к множествам предприятий, полученным при использовании принципа Парето. В качестве главного показателя принимается показатель ПФ РФ.

На втором этапе анализа по принципу Парето сравниваются предприятия «ЛАДА-ЛИСТ» и «Фабрика композитов». Среди этих предприятий первое место занимает предприятие «ЛАДА-ЛИСТ».

На третьем этапе сравниваются предприятия, входящие в множество Парето: ЗАО «Автокомпонент Нижний Новгород» и «СосновскАвтоКомплект». Лучшим здесь является предприятие «СосновскАвтоКомплект».

Таблица 2

Социальные удельные показатели					
№	Предприятие	ПФ РФ, тыс. руб./чел.	ФФОМС, тыс. руб./чел.	Прочие соц. взносы, тыс. руб./чел.	Численность, чел.
1	САПТ	63.14	13.88	7.80	879
2	ООО «Автодеталь-Н»	58.89	13.72	0.00	18
3	ЗАО «Автокомпонент Нижний Новгород»	1.02	0.24	0.13	168
4	«СосновскАвтоКомплект»	48.02	10.71	0.00	197
5	«ЛАДА-ЛИСТ»	90.15	21.22	11.58	335

Этап 7. Ранжирование сравниваемых предприятий по производству автокомпонентов по набору абсолютных социальных показателей: «САПТ» > «ЛАДА-ЛИСТ» > «Фабрика композитов» > «СосновскАвтоКомплект» > ЗАО «Автокомпонент Нижний Новгород».

Этап 8. Формирование матрицы предприятий по производству автокомпонентов по набору удельных социальных показателей. Указанная матрица представлена в виде таблицы 2.

Этап 9. Определение эффективности предприятий по удельным значениям социальных показателей анализируемых предприятий с помощью принципов: доминирования, Парето, выделение главного показателя и перевод остальных в разряд ограничений.

Применение принципа доминирования

Из таблицы 2 следует, что по удельным социальным показателям доминирует предприятие «ЛАДА-ЛИСТ» (значения показателей выделены желтым цветом).

Применение принципа Парето

На первом этапе анализа по принципу Парето по удельным социальным показателям определяются предприятия «САПТ» и «Фабрика композитов» (значения показателей выделены красным цветом).

На втором этапе анализа в множество Парето попадают предприятия ООО «Автодеталь-Н» и ЗАО «Автокомпонент Нижний Новгород» (значения показателей выделены серым цветом). Последнее место занимает «СосновскАвтоКомплект».

Заключение

Результаты, изложенные в настоящей статье, представляют интерес для широкого круга читателей, которые имеют отношение к предприятиям как сектора автокомпонентов автомобилестроения, так и других отраслей экономики. Они являются инновационными и могут найти применение при определении эффективности отечественных предприятий по производству автокомпонентов при использовании социальных показателей, при сравнительной оценке эффективности отечественных и зарубежных

компаний данного сектора экономики, в научных исследованиях при выборе эффективных решений при анализе предприятий, производящих автокомпоненты автомобильной промышленности.

Данная работа представляет практический инструмент как для руководителей предприятий (методика может быть использована для оценки и выработки эффективных решений для подразделений компаний), так и для лиц, принимающих решение на уровне холдингов и государственных структур, в целях оценки предприятий как потенциальных участников государственных программ поддержки сегмента производителей автокомпонентов [17].

С точки зрения дальнейшего изучения вопросов выработки эффективных решений в сегменте автокомпонентов, авторы продолжают исследовать возможность использования дополнительных критериев, связанных с такими показателями, как энергоёмкость, фондоемкость и инновационность производства.

С точки зрения цепочки создания стоимости в автомобильной промышленности производители автокомпонентов представляют иерархическую структуру, где все уровни взаимосвязаны между собой. Стратегия развития предприятия определенного уровня должна быть взаимосвязана со всеми уровнями иерархии (поставщики сырья, производители конструктивных элементов, разработчики и производители узлов и агрегатов). Таким образом, многоуровневый подход к оценке эффективности предприятий представляет научный интерес для дальнейшего исследования и разработки соответствующих методик.

Список литературы

1. Леонтьев Н.Я., Юрлов Ф.Ф. Классификация задач многокритериальной оценки эффективности производственных систем // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2017. № 127. С. 969–979.
2. Юрлов Ф.Ф., Андрианова И.Д., Галкин К.Б. Сравнительный анализ стратегических бизнес-единиц промышленных предприятий в условиях неопределённости и многокритериальности. Н. Новгород: НГТУ им. Р.Е. Алексеева, 2018.

3. Шушкин М.А. Проблемы локализации производства автокомпонентов в России // Вестник Казанского технологического университета. 2012. Том 15. № 14. С. 255–256.
4. Тимофеев А.Д., Шушкин М.А. Исследование рынка автокомпонентов в России с целью определения направлений их импортозамещения // Вестник Казанского технологического университета. 2015. № 18. С. 208–214.
5. Пальцев В.В., Шушкин М.А. Создание автомобильных инжиниринговых центров в России: путь преодоления технологической зависимости // Вестник Казанского технологического университета. 2014. № 17. С. 454–461.
6. Степанов А.А., Купцова Е.В., Кондратьев А.Е. Проблемы развития российской промышленности автокомпонентов // Вестник Государственного Университета Управления. 2012. № 2. С. 184–193.
7. Дрыночкин А.В., Гонтарь М.М. Формирование рынка автомобильных компонентов и меры, необходимые для создания конкурентоспособных поставщиков // Известия МГТУ «МАМИ». 2012. № 1 (13). С. 284–293.
8. Зарубежная родословная: Минпромторг раскрыл степень локализации иномарок в России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://yandex.ru/turbo/autostat.ru/s/articles/46286/> (дата обращения: 12.12.2020).
9. Как возродить российскую автокомпонентную отрасль [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://zen.yandex.ru/media/st_kt_ru/kak-vozrodit-rossiiskuiu-avtokomponentnuiu-otrasl-5e77c921765edb010f1ef54f (дата обращения: 12.12.2020).
10. Ключевые инструменты автопрома. proАвтобизнес [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://automediapro.ru/klyuchevye-instrumenty-dlya-avtoproma/> (дата обращения: 15.12.2020).
11. «АСМ Холдинг»: конференция «Автопром-2019». АБС Авто [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://abs-magazine.ru/article/%C2%ABasm-holding%C2%BB-konferentsija-%C2%ABavtoprom-2019%C2%BB> (дата обращения: 07.01.2021).
12. <http://www.sapt.ru/production.html> (дата обращения: 19.09.2020).
13. АО «САПТ»: официальный сайт [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sapt.ru/production.html> (дата обращения: 19.09.2020).
14. ЗАО «ПК Автокомпонент Нижний Новгород»: официальный сайт [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.autocomponent.info/> (дата обращения: 19.09.2020).
15. ООО «СосновскАвтоКомплект»: официальный сайт [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sak.nnov.ru/> (дата обращения: 19.09.2020).
16. ООО «ЛАДА-ЛИСТ»: официальный сайт [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.zuroplast.ru/> (дата обращения: 19.09.2020).
17. ООО «Фабрика композитов»: официальный сайт [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.fc52.ru/izdeliya-iz-stekloplastika> (дата обращения: 19.09.2020).
18. Новая реальность рынка автокомпонентов. Международный автомобильный форум MIMS Automechanika [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://automediapro.ru/novaya-realnost-rynka-avtokomponentov/> (дата обращения: 19.09.2020).

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE EFFICIENCY OF RUSSIAN ENTERPRISES OF AUTOCOMPONENTS BY SOCIAL INDICATORS

F.F. Yurlov,¹ S.N. Yashin,² V.V. Titov¹

¹Alexeyev State Technical University of Nizhny Novgorod

²Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Accelerated development of the segment of manufacturers of automotive components is necessary to create a full-fledged automotive complex in the Russian Federation, with a high degree of localization and added value. A strong automotive industry has a multiplier effect for other high-tech industries, provides jobs with highly skilled labor, and provides the country with affordable, modern and reliable vehicles. Nevertheless, it is the auto components sector that impedes both the development of the national auto industry and the localization of production of foreign companies. At the present stage of development of the domestic auto component industry, an urgent task is to assess the efficiency of enterprises in the segment on the basis of multi-criteria and multi-level approaches, taking into account the hierarchical system of supply of components inherent in the automotive industry. In this article, the selection of competing enterprises for the production of auto components in the automotive industry is carried out, social indicators of the efficiency of the analyzed enterprises are determined, a comparative assessment of the efficiency of competing enterprises for the production of auto components is made according to the absolute values of social indicators, the efficiency of the analyzed enterprises is assessed by specific social indicators, taking into account the number of employees, compared enterprises are ranked according to absolute and specific social indicators.

Keywords: efficiency assessment, principles of multicriteria, the automotive industry, enterprises for the production of auto components, principles for choosing effective solutions, absolute social indicators, specific social indicators, ranking of enterprises by social indicators.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 316

DOI 10.52452/18115942_2021_1_45

БЛАГОПОЛУЧИЕ ДЕТЕЙ В РАЗЛИЧНЫХ СЕМЕЙНЫХ СТРУКТУРАХ: ОБЗОР РЕЗУЛЬТАТОВ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

© 2021 г.

Т.А. Гурко

Гурко Татьяна Александровна, д.соц.н.; главный научный сотрудник Института социологии
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва
tgurko@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 03.11.2020**Статья принята к публикации 19.01.2021*

В контексте диверсификации института семьи анализируются результаты зарубежных исследований о влиянии на благополучие детей различных семейных структур – нормативных, с одним родителем, хрупких, семей сожителей, сводных, усыновителей, опекунских и однополых. Сделан вывод о незначительном влиянии семейной структуры по критерию комплектности родителей и их пола на благополучие детей по разным зависимым переменным (психологическое благополучие, успехи в учебе, противоправное поведение). Есть основания предположить, что не только благополучие, но и число детей в семьях практически не зависит от семейной структуры. Но для подтверждения этого факта нужен специальный анализ.

Данные исследователей за разные временные периоды различаются. Поэтому особое значение в обзоре придается промежуточным переменным, которые классифицированы на основные четыре группы. Показано, что на индивидуальном уровне изучаются личностные особенности родителей; на групповом – наличие в домохозяйстве прародителей, братьев/сестер, включая сводных; на мезоуровне – влияние территориального сообщества и социальная сеть друзей и родственников. Основные факторы макроуровня – социальный режим, стереотипное отношение социального окружения к таким семьям. В обзоре зависимые и промежуточные переменные представлены выборочно. Необходимо дальнейшее изучение благополучия и числа детей в различных семейных структурах и, что особенно важно, в разных социальных группах.

В XXI веке консервативные брачно-семейные нормы вряд ли может реализовать основная часть граждан, поэтому и семейную политику необходимо корректировать в соответствии с тенденциями эволюции и трансформации института брака.

Ключевые слова: диверсификация, семейные структуры, дети, индикаторы благополучия, промежуточные переменные.

Введение

Следствием эволюции и трансформации института брака является распространение новых семейных форм [1, с. 103–104]. По мере диверсификации семейных структур, в которых воспитываются дети, у исследователей возникает вопрос, каково благополучие детей в различных структурах – в нормативных, с одним родителем (материнских и отцовских), в хрупких семьях (биологическое родительство без брака), сожителей (один из родителей – небологический)¹, в сводных (с отчимом/мачехой), усыновителей, опекунских (без родителей) и однополых семьях. В данном случае под *семьей* подразумевается семейная ячейка/группа с несовершеннолетним ребенком. На благополучие детей гипотетически влияют и такие структурные характеристики, как наличие в домохозяйстве брать-

ев/сестер, в том числе сводных, бабушек/дедушек и других родственников.

Цель статьи – очертить основные направления анализа благополучия детей в различных семейных структурах на основе зарубежных работ², что могло бы послужить ориентиром для российских исследователей. Метаанализ исследований влияния семейной структуры на благополучие детей проводился периодически путем обобщения данных репрезентативных и выборочных исследований, выполненных преимущественно в США в разные годы, на разных выборках и с помощью различных методов (см. напр.: [4; 5]).

Обычная аналитическая стратегия – сравнение детей, растущих в нормативной семье, с детьми из других типов семей по различным переменным и показателям. Частичный обзор зарубежных и российских работ представлен ранее [6, с. 60–64]. Распространение новых

Таблица 1

Индикаторы и показатели благополучия детей

Индикаторы, показатели	Источник
Материальная обеспеченность	[20, 35]
Здоровье	[18, 34]
Избыточный вес	[6, 26]
Успеваемость, успешное окончание школы	[8, 13, 14, 21, 22, 27, 33, 36, 37, 38]
Удовлетворённость жизнью	[12]
Психологическое благополучие (локус контроля, самооценка, депрессии)	[8, 13, 14, 21, 22, 24, 25]
Отношения со сверстниками и внешкольная активность (спорт, занятия музыкой и т.д.)	[13]
Психологическое неблагополучие (замкнутость, страх, зависимость, виктимность, трудности во взаимодействии с людьми)	[8, 23]
Проблемы поведения (Behavior Problems Index), познавательные способности (Peabody Individual Achievement Test)	[14, 17, 38]
Противоправное поведение, склонность к насилию	[11, 21]
Употребление наркотиков подростками	[5, 32]
Возраст первого сексуального контакта	[30]
Материальное благополучие во взрослом возрасте	[7]

семейных форм порождает и новые стратегии исследования.

Благополучие ребенка определенного возраста – это комплексный показатель, который включает психологическое, социальное благополучие, физическое здоровье и умственное развитие согласно возрасту. Благополучие ребенка исключает его противоправное, антисоциальное поведение, практики насилия и оскорбляющего отношения со стороны взрослых и сверстников.

Информацию о ребенке можно получить у окружающих ребенка людей (оценки родителей, психологов, сверстников, воспитателей, нянь, учителей), а также с помощью различных методик, например тестирования ребенка. Основные эмпирические индикаторы и показатели благополучия детей как в детском, так и во взрослом возрасте, используемые зарубежными исследователями, обобщены в таблице (см. табл. 1).

Результаты

Семьи с одним родителем, 1960–1990-е гг.

Чтобы подтвердить или опровергнуть тезис о дисфункциональности ненормативных семейных структур, учёные начиная со второй половины прошлого века, по мере распространения разводов, внебрачной рождаемости и семей с одним родителем сравнивали в основном индикаторы благополучия детей из «полных» (имелись в виду домохозяйства с нормативными ячейками) и «неполных» семей, то есть домохозяйств с ячейкой с одним родителем.

Метаанализ данных девяноста трех исследований, проведенных в 1960–1980-е гг., выявил, что дети разведенных родителей были менее

благополучны по индикаторам успехов школе (оценки, результаты тестов), психологическому благополучию (агрессия, депрессия, симптомы дистресса, самооценка), характера отношений со сверстниками (число близких друзей, социальная поддержка с их стороны) и противоправного поведения. Однако выводы были неоднозначны.

С одной стороны, дети в нормативных семьях часто страдали от бедности, конфликтов и насилия между родителями, некачественного родительства, от психически больных родителей. С другой стороны, было показано, что дети в конфликтных семьях страдают больше, нежели после развода родителей, на детей влиял не сам развод, а предшествующая конфликтная обстановка. Дети разведенных родителей были вполне благополучны в случае сородительства разведенных супругов [4, p. 76].

На основе метаанализа данных шестидесяти семи исследований, выполненных в 1990-е гг., тоже был сделан вывод о более низких познавательных, социальных и эмоциональных индикаторах благополучия детей разведенных родителей в сравнении с детьми из нормативных семей. Разводы родителей в детском возрасте влияют на их благополучие и после совершеннолетия, то есть уже взрослых людей. У них ниже профессиональный статус, уровень психологического благополучия, качество брака, высока вероятность развода, а девушки склонны к внебрачным рождениям [4, p. 77].

В ходе метаанализа шестидесяти трех исследований отдельно проживающих отцов в 1990-х гг. установлено, что дети хорошо успевают и редко имеют эмоциональные и поведенческие проблемы, если отдельно проживающие

отцы активно вовлечены в их жизнь и у отдельно проживающих родителей кооперативные отношения. Потеря контакта с отцами является одним из самых болезненных последствий развода, но по крайней мере выплаты алиментов отцами, проживающими отдельно, улучшают благополучие детей [2, p. 83].

Дети внебрачных матерей в сравнении с детьми из нормативных семей во взрослом состоянии чаще разводятся, менее образованны, чаще безработные, имеют более низкий профессиональный статус, высокий уровень депрессии, девушки склонны к внебрачным рождениям [4, p. 78]. Неблагополучие детей в семьях с одним родителем обычно объяснялось экономическими трудностями и, кроме того, личностными, генетическими особенностями женщин [4, p. 83].

К началу XXI века споры ученых о «неполноценности» семей с одним родителем несколько утихли. Лишь несколько аргументов.

Так, например, было показано, что в афроамериканских материнских семьях риск употребления марихуаны есть только у юношей-подростков, девочки же пробуют наркотик не чаще, чем живущие с обоими родителями. Авторы исследования объяснили эту закономерность особенностями афроамериканских девушек – высокой самооценкой, уверенностью в себе и занятостью домашними делами [7, p. 565].

В тех случаях когда матери работали на двух работах, риск ожирения у детей ниже в материнских семьях в сравнении с детьми из нормативных и хрупких семей. Режим занятости отца не связан с лишним весом детей [8, p. 1278].

Анализ влияния семейной структуры на материальное благосостояние во взрослой жизни не выявил значительного разрыва между теми, кто вырос в семье с одним родителем и в других структурах [9, p. 245].

Отсутствие различий по отдельным переменным благополучия детей в семьях с двумя родителями и одним родителем демонстрируют и российские данные КОУЖ-2018 (выборка 60 тыс. домохозяйств)³. По данным таблиц, опубликованных Росстатом, проанализированы такие показатели благополучия детей, как состояние здоровья, занятия спортом, намерения родителей по продолжению обучения детей, навыки владения персональным компьютером. Согласно рис. 1–4, структура семейной ячейки не связана с характеристиками развития детей. Исключение составляет разница в доходах домохозяйств. Низкие доходы и, соответственно, возможности посещать ребенком культурно-развлекательные мероприятия несколько чаще зафиксированы в домохозяйствах с одним родителем.

Лишь не намного больше родителей, проживающих без партнера, ориентированы на продолжение обучения ребенка в организациях начального или среднего профессионального образования в сравнении с родителями, проживающими с партнером (рис. 2).

Исследователи стали больше внимания уделять промежуточным переменным и благополучию детей в новых структурах: хрупких и семьях сожителей, в сводных семьях, усыновителей, опекунов и однополых.

Хрупкие семьи и семьи сожителей

Больше детей в хрупких семьях испытывали психологические проблемы в сравнении с детьми из нормативных семей [10, p. 364]. Но если родители-сожители заключают брак, благополучие детей было таким, как и детей в нормативных семьях [4, p. 80]. К этому же выводу ученые пришли и десять лет спустя, анализируя здоровье детей, избыточный вес [2, p. 57].

В то же время если дети были рождены в период сожительства и длительное время проживали в хрупких семьях, то в сравнении с детьми, рожденными в браке, больше их имели проблемы со сверстниками и учителями, вели себя агрессивно и испытывали психологические проблемы [2, p. 65]. В сравнении с подростками из нормативных семей больше детей в таких семьях совершали противоправные поступки, употребляли наркотики, страдали депрессией, рано имели первый сексуальный контакт, плохо успевали, не завершали обучение в школе, девочки рано становились матерями [2, p. 67].

На данных репрезентативного исследования (National Health Interview Survey, $N=65038$, 2009–2011 гг.) было показано, что больше детей проживают с родителями, не имеющими медицинской страховки, в хрупких семьях в сравнении с нормативными и семьями с одним родителем. Отсутствие страховки у родителей связано с переживаниями ими депрессии, что, в свою очередь, негативно влияет на их детей [11, p. 1209].

Риск неблагополучия детей в хрупких семьях связан в первую очередь с тем, что сожительство родители обычно необразованны, имеют низкий социальный статус, и семьи чаще распадаются.

В хрупких семьях, то есть с сожительствоющими биологическими родителями, по крайней мере в США, воспитываются маленькие дети. С сожителями, чаще с матерью и ее партнером, обычно проживают подростки [2, p. 52].

Проживание детей с сожителями матерей повышало риск противоправного поведения детей в Чикаго (Project on Human Development in Chicago Neighborhoods ($N=2201$) в сравнении

Рис. 1. Занятия спортом детей в возрасте от 3 до 15 лет, 2018, %

Рис. 2. Намерения родителей по продолжению обучения детей в возрасте до 15 лет, 2018, %

Рис. 3. Оценка родителями здоровья детей в возрасте до 15 лет, 2018, %

Рис. 4. Навыки практической работы с персональным компьютером детей в возрасте до 15 лет, 2018, %

с детьми, живущими с биологическими отцами. Особо высокой была эта связь в криминогенных сообществах [3, p. 934].

Сводные и смешанные структуры

Рост повторных браков в 1990-е гг. стимулировал исследования влияния сводных семейных структур на благополучие детей. Результаты свидетельствовали, что благополучие детей в сводных семьях было таким же, как и в семейных ячейках с одним родителем, но ниже, нежели в нормативных семьях.

Сводная семья создает такие проблемы для детей, как переезд, адаптация к новым членам домохозяйства, освоение новых правил и ритуалов. Дети, особенно подростки, недовольны меньшей степенью автономии в сравнении с их проживанием с одним родителем. Некоторые опасаются, что эмоциональная близость с приемным отцом/отчимом является предательством по отношению к биологическому родителю, ревнуют мать к новым членам семьи. Именно дети из сводных семей, обычно дочери, чаще представлены в статистике по насилию над детьми. В то же время в сводных семьях часто преодолевается первоначальный кризис и новые близкие, поддерживающие отношения позитив-

но сказываются на развитии детей и их эмоциональном благополучии [4, p. 81].

Международное исследование⁴ детей в возрасте 11–15 лет в 36 западных странах (включая Россию) выявило, что больше детей удовлетворены жизнью в нормативных семьях и при совместной физической опеке после развода. Меньше всего детей – в семьях с одним родителем, особенно в отцовских и в сводных семьях с отчимом [12, p. 51].

Семьи усыновителей

Дети, усыновленные во младенчестве, более благополучны, нежели усыновленные в более позднем возрасте [13, p. 841]. На данных репрезентативного исследования семей и домохозяйств в США (National Survey of Families and Households) усыновленных детей сравнивали с детьми из четырех семейных структур: нормативных, материнских, сводных с отчимом, сводных с мачехой и семей с одним родителем. Усыновленные дети той же возрастной группы не отличались по таким индикаторам, как самооценка, учеба и поведение в школе, отношения со сверстниками и внешкольная активность (спорт, занятия музыкой) [13, p. 849–850].

Таблица 2

Промежуточные индикаторы и показатели

Этническая и религиозная принадлежность родителей, уровень образования. Личностные особенности родителей, их физическое и психическое здоровье, генетические особенности, злоупотребление психоактивными веществами	[2, 3, 6, 17, 18, 19, 27]
Материальная обеспеченность семьи/домохозяйства: режим занятости членов домохозяйства, доход домохозяйства, наличие собственности (например, жилье может быть арендуемое/собственное/собственность прародителей); денежные накопления, наличие медицинской страховки у членов семьи	[3, 10, 17]
Структура домохозяйства: наличие в домохозяйстве братьев/сестер, в том числе сводных, нуклеарное или расширенное (наличие прародителей)	[20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27],
Качество родительства: стили дисциплинирования; наказания и поощрения; время матерей и отцов, уделяемое детям; постразводное сородительство	[3, 28, 29, 30]
Семейные процессы	[31]
Мезоуровень: тип территориального сообщества (например, элитный район, криминогенный), социальная сеть друзей и родственников (широкая–ограниченная)	[3, 32]
Макроуровень: социальный режим, стереотипы и нормы в отношении новых семейных структур	[12, 33, 34, 35]

Опекунские семьи без родителей

На базе репрезентативного исследования (National Education Longitudinal Study) анализировались особенности развития детей (учеба, локус контроля, самооценка, курение, проблемы поведения) в опекунских семьях без родителей в сравнении с другими структурами. Установлено, что различия в целом несущественны, не выявлено специфики воспитания в родственных и неродственных опекунских семьях. Причинами неблагоприятия выступили события до помещения детей в опекунские семьи, а не сама структура [14, p. 905–908].

Однополые семьи

В США от 2 до 3.7 миллионов детей в возрасте до 18 лет имеют одного родителя-лесбиянку, гея, бисексуала или трансгендера, и около 200 000 из них воспитываются однополыми парами. Поскольку браки между такими парами были узаконены относительно недавно, большая часть результатов основана на изучении детей, рожденных гетеросексуальными парами, которые впоследствии разошлись. На небольших выборках не доказано, что дети, которые после развода биологических родителей проживают в однополых парах, менее благополучны [15, p. 76]. Помимо детей от предыдущих отношений, однополые пары имеют детей в результате усыновления, использования репродуктивных технологий, то есть искусственного оплодотворения и суррогатного материнства [15, p. 67]. На данных репрезентативной выборки было показано, что дети, которые растут в однополых парах, сходны с детьми из разнополых пар по показателям здоровья, успехов в учебе и социально одобряемого поведения [16, p. 311].

Обсуждение

Независимые переменные

Промежуточные переменные между семейной структурой (ячейкой) и благополучием детей используются для интерпретации полученных количественных данных (см. табл. 2).

На индивидуальном уровне анализируются личностные особенности родителей и детей, их физическое и психическое здоровье, генетические особенности родителей, а также демографические переменные – этническая и религиозная принадлежность, уровень образования.

Так, например, при анализе данных лонгитюдного исследования молодежи в США⁵ по индикаторам проблем в поведении и познавательным способностям дети различались в разных семейных структурах. Но при использовании в качестве промежуточных переменных психического здоровья матери и дохода домохозяйства обнаружилась незначимость этих различий [17, p. 790].

Индикаторы здоровья детей не зависят от семейной структуры (нормативной, с одним родителем и др.). Определяющими факторами выступили промежуточные переменные – этническая принадлежность, доходы родителей и нестабильность их отношений [18, p. 213]. При анализе факторов плохого обращения с детьми в Австралии установлено, что семейная структура – нормативная, хрупкая/сожителей, сводная/смешанная, с одним родителем – имеет менее важное значение, нежели промежуточные переменные: социально-экономическое неблагополучие, домашнее насилие, злоупотребление родителями психоактивными веществами [19].

На групповом уровне семьи/домохозяйства анализируется благополучие детей в зависимо-

сти от материальной обеспеченности домохозяйства, наличия братьев/сестер, в том числе сводных. На данных репрезентативного исследования в США было, например, показано, что число детей в домохозяйствах влияет на уровень их материального благополучия и вероятность использования родителями социальной помощи [20, р. 188].

Особые проблемы возникают у общих детей в сводных, конкретнее – в смешанных (blended) семьях, то есть у тех, которые проживают со сводным братом или сестрой (наполовину родным). Согласно данным лонгитюдного исследования здоровья подростков (National Longitudinal Study of Adolescent Health) общие дети хуже учатся, чаще совершают противоправные действия и переживают депрессию в сравнении с детьми из нормативных семей [21, р. 435].

В сравнении с другими детьми общие дети хуже учатся и проявляют депрессивные симптомы [22, р. 616]. В процессе интервью с двадцатью людьми в возрасте 19–30 лет изучалось благополучие общих детей в детском возрасте. Эти дети чувствовали вину за то, что они находятся в привилегированном положении, о котором им постоянно напоминали сводные старшие брат/сестра. Проблемы возникали в ситуациях, когда родители скрывали их родство со старшими братьями/сестрами для поддержания имиджа нормативной семьи [22, р. 615].

Анализ данных британского когортного исследования⁶ выявил незначительное отрицательное влияние наличия полукровных братьев и сестер на психологическое благополучие детей в возрасте от 3 до 5 лет, более важным фактором оказалось психическое здоровье матери [23, р. 915].

Проживание детей в расширенных домохозяйствах с бабушками/дедушками компенсирует недостаточное время родителей на уход и занятия с детьми в нуклеарных семьях, что, в свою очередь, позитивно влияет на психологическое благополучие [24; 25], успехи детей в школе [27], но чревато избыточным весом [26].

Влияние переменных качества родительства на благополучие детей, например стилей дисциплинирования, видов наказаний и поощрений, времени матерей и отцов, уделяемого детям, изучают представители разных дисциплин. В частности, было установлено, что материальное и психологическое участие отцов после развода, кооперация разведенных родителей, включая совместную физическую опеку, важны с точки зрения благополучия детей [28, с. 221–248]. В конце XX века исследования переориентировались от стратегии анализа негативных последствий отсутствия отцов к детальному изучению их вовлеченности [29, с. 52–53].

Важны отношения с родителями. Например, возраст первого сексуального контакта подростков и число партнеров не зависят от семейной структуры. Для девочек определяющим фактором является степень доверия в отношениях с матерями [30, р. 679].

Семейные процессы, в том числе дисфункциональные, высокий уровень супружеских и семейных конфликтов влияют на благополучие детей [31].

На *мезоуровне* для благополучия детей важно территориальное сообщество, в котором они воспитываются. В свою очередь, такие сообщества различаются долей семей определенных структур. В США в криминогенных районах с низким уровнем образовательных учреждений и социальных служб проживает много семей с одним родителем (диспропорционально представлены афроамериканцами). Так, например, было показано, что чаще употребляют наркотики подростки, которые проживают в семьях с одним родителем, особенно с отцами, и в сводных семьях, в сравнении с подростками из нормативных семей. Однако и при контроле промежуточной переменной типа территориального сообщества, в частности сообщества с большей долей безработных мужчин, различия были незначительны [32, р. 314].

Социальная сеть друзей и родственников различна у родителей из разных семейных структур, и значимость этой сети возрастает при изменении семейной структуры, например, в результате развода [5, р. 27].

На *макроуровне* промежуточными переменными могут выступать социальный режим, социальные нормы и стереотипы в отношении новых семейных структур в стране проживания. Так, в одиннадцати странах – Австралии, Австрии, Канаде, Англии, Ирландии, Исландии, Нидерландах, Новой Зеландии, Норвегии, Шотландии и США анализировались особенности успеваемости детей в нормативных семьях и с одним родителем. Эти различия по-разному представлены в этих странах в зависимости от уровня поддержки семей с одним родителем (пособия, продолжительность родительского отпуска и т.д.). Наименьшие различия успеваемости детей в этих типах семей в Австрии и Ирландии, а наибольшие в США и Новой Зеландии [33, р. 695].

В Западной и Восточной Германии взросление в определенной семейной структуре по-разному влияет на формирование собственной семьи [34, р. 110]. Международное исследование детей в 36 западных странах выявило, что система социального обеспечения в Скандинавских странах положительно влияет на уровень удовле-

творённости жизнью детей из ненормативных семей [12, р. 51]. В странах с либеральными режимами – Австралии, Канаде, Ирландии, Соединенном Королевстве и США в период экономического кризиса 2008 г. риск бедности детей был выше у сожительствующих пар в сравнении с детьми из нормативных семей. В то же время риск бедности детей в семьях с одним родителем компенсировался в этих странах государственной поддержкой, хотя и в разной мере [35, р. 1235].

Брачно-родительские нормы различаются в разных странах, и, очевидно, отношение ближайшего социального окружения к различным семейным структурам и детям, проживающим в них, различно.

И, наконец, для благополучия детей важна не столько структура семейной ячейки, сколько число изменений семейной структуры на протяжении взросления. Согласно системной теории, изменения провоцируют стрессы. Этот вывод, например, доказан на анализе данных лонгитюдного исследования успеваемости детей в трех типах (нормативной, с одним родителем, сводной) семей, структура которых, в свою очередь, менялась или не менялась в дошкольный и школьный периоды взросления детей [36, р. 552]. Установлено, что отметки детей по математике ниже у живущих с однополыми родителями, нежели с разнополыми. Однако при учете числа изменений семейной структуры эти различия нивелируются [37, р. 567]. На данных репрезентативного исследования в США (Maternal and Child Supplement of the National Longitudinal Survey of Youth) было показано, что изменения семейной структуры по-разному влияют на благополучие детей. Переход к проживанию с матерью после развода был связан с проблемами поведения, а появление в семье «социального отца» – с проблемами в учебе, в частности навыках чтения [38, р. 575].

Выводы

По мере диверсификации семейных структур, в которых воспитываются дети, исследователи все чаще фиксируют отсутствие прямых зависимостей между зависимыми переменными, то есть индикатором детского благополучия и семейной структурой. Новые семейные структуры с несовершеннолетними детьми в какой-то период воспринимаются социальным окружением как неблагоприятные, с точки зрения развития детей, поэтому и данные исследователей о неблагополучии детей из тех или иных структур за разные временные периоды в разных странах различаются. Влияние на родителей и ребенка, проживающих в ненормативных

структурах, оказывает и социальный режим страны проживания, а также стигма, стереотипное отношение ближайшего социального окружения к таким семьям.

Исследовательский интерес должен сместиться к анализу специфики влияния семейных структур на благополучие детей в различных социальных группах, поскольку по крайней мере брачное поведение определяется уровнем образования и профессиональным статусом партнеров. В условиях постиндустриального общества пары с высокими доходами и высоким уровнем образования имеют наибольшие стимулы для поддержания долгосрочных отношений с целью материальных и нематериальных инвестиций в детей [39, р. 30]. Более того, не только благополучие, но и число детей в семьях, похоже, все в меньшей мере зависит от семейной структуры. Но для подтверждения этого факта нужен специальный анализ.

Зарубежные ученые пришли к выводу, что политика улучшения благосостояния детей не может быть направлена исключительно на поощрение брака и укрепление семейной стабильности. Необходимы программы родительского просвещения, включая несовершеннолетних, разводящихся, сводных, сожительствующих родителей [4]. Нельзя сосредотачиваться только на стабильности брака, исключая другие стратегии, направленные на достижение той же цели, такие как сокращение масштабов нищеты, незапланированных беременностей, важно поощрение материального и эмоционального участия отцов в жизни детей после развода [40, р. 14].

Эти выводы зарубежных коллег нужно учесть российским социальным политикам, которые пропагандируют традиционные семейные ценности. В XXI веке консервативные брачно-семейные нормы вряд ли может реализовать основная часть граждан. Семейную политику необходимо корректировать в соответствии с тенденциями эволюции и трансформации института брака.

Примечания

1. В хрупких семьях (fragile families) биологические родители не состоят в юридическом браке. Название для структуры, в которой ребенок проживает с сожителями, один из которых биологический родитель, а другой небологический, пока не устоялось. Одни исследователи относят их к сводным семьям [2, р. 52], другие – к семьям сожителей [1, с. 103; 3, р. 935].

2. В основе обзора публикации за период 2000–2020 гг. в журналах «Брак и семья» (Journal of Marriage and Family), «Теории семьи» (Journal of Family Theory and Review), «Будущее детей» (The Future of

Children), а также доступные работы австралийского Института семейных исследований (Australian Institute of Family Studies).

3. Комплексное наблюдение условий жизни населения (КОУЖ–2018) [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. Статистические таблицы: 56.4, 60.4; 61.4; 62.4; 84.2. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/KOUZ18/index.html (дата обращения: 18.08.2020).

4. Международное исследование (Health Behaviour in School-aged Children) 184 496 детей в возрасте 11–15 лет в 36 западных странах (включая Россию) проводилось Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) в 2005/2006 г. Удовлетворенность жизнью измерялась с помощью демонстрации подросткам карточки с градацией от 1 до 10 баллов.

5. Для анализа авторы взяли подвыборку 1809 детей от 7 до 10 лет из лонгитюдного исследования молодежи (National Longitudinal Survey of Youth), которое стартовало в 1994 г. Методика Behavior Problems Index разработана для матерей и включает 28 переменных о поведенческих проблемах ребенка, на основании ответов матерей строится итоговый индекс. Также использовалась часть теста «Reabody Individual Achievement Test», то есть подтест математических способностей и навыков чтения.

6. Когортное исследование (United Kingdom Millennium Cohort Study) проводят на выборке детей старше 9 месяцев, рожденных в Великобритании с 2000 по 2002 г. В период 2-й и 3-й волн в 2004 г. и 2006 г. собирали информацию о старших братьях и сестрах младше 15 лет (родных и сводных). Исследовались эмоциональные (замкнутость, страх, чрезмерная зависимость) и поведенческие (трудности во взаимодействии с другими людьми) проблемы детей. Данные о детях получены от матерей.

Список литературы

1. Гурко Т.А. Новые семейные формы: тенденции распространения и понятия // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 99–110.
2. Manning W.D. Cohabitation and Child Wellbeing // The Future of Children. Marriage and Child Wellbeing Revisited. 2015. Vol. 25 (2). P. 51–66.
3. Crosnoe R., Stritzel H., Smith C. and Cavanagh S.E. Mothers' Partnerships, Men in the Home, and Adolescents' Secondary Exposure to Violence // Journal of Marriage and Family. 2018. Vol. 80 (4). P. 934–950.
4. Amato P.R. The Impact of Family Formation Change on the Cognitive, Social, and Emotional Well-being of the Next Generation // The Future of Children. Marriage and Child Wellbeing. 2005. Vol. 15 (2). P. 75–96.
5. Ribar D.C. Why Marriage Matters for Child Well-being // The Future of Children. Marriage and Child Wellbeing Revisited. 2015. Vol. 25 (2). P. 11–28.
6. Гурко Т.А. Теоретические подходы к изучению семьи: Монография [Электронное издание]. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Институт социологии РАН, 2016. 210 с.
7. Mandara J., Rogers S.Y. and Zinbarg R.E. The Effects of Family Structure on African American Adolescents' Marijuana Use // Journal of Marriage and Family. 2011. Vol. 73 (3). P. 557–569.
8. Miller D.P. and Chang J. Parental Work Schedules and Child Overweight or Obesity: Does Family Structure Matter? // Journal of Marriage and Family. 2015. Vol. 77 (5). P. 1266–1281.
9. Bernardi F., Boertien D. and Geven K. Childhood Family Structure and the Accumulation of Wealth across the Life Course // Journal of Marriage and Family. 2019. Vol. 81 (1). P. 230–247.
10. Brown S.L. Family Structure and Child Well-being: The Significance of Parental Cohabitation // Journal of Marriage and Family. 2004. Vol. 66 (2). P. 351–367.
11. Bzostek S., Percheski C. Children Living with Uninsured Family Members: Differences by Family Structure // Journal of Marriage and Family. 2016. Vol. 78 (5). P. 1208–1223.
12. Bjarnason T., Bendtsen P., Arnarsson A.M. et al. Life Satisfaction among Children in Different Family Structures: a Comparative Study of 36 Western Societies // Children & Society. 2012. Vol. 26 (1). P. 51–62.
13. Lansford J.E., Ceballos R., Abbey A. and Stewart A.J. Does Family Structure Matter? A Comparison of Adoptive, Two-Parent Biological, Single-Mother, Stepfather, and Stepmother Households // Journal of Marriage and Family. 2001. Vol. 63 (3). P. 840–851.
14. Sun Y. The Well-being of Adolescents in Households with no Biological Parents // Journal of Marriage and Family. 2003. Vol. 65 (4). P. 894–909.
15. Gates G.J. Marriage and Family: LGBT Individuals and Same-Sex Couples // The Future of Children. Marriage and child wellbeing revisited. 2015. Vol. 25 (2). P. 67–88.
16. Reczek C. Sexual and Gender-Minority Families: A 2010 to 2020 Decade in Review // Journal of Marriage and Family. 2020. 82 (1). P. 300–325.
17. Carlson M.J. and Corcoran M.E. Family Structure and Children's Behavioral and Cognitive Outcomes // Journal of Marriage and Family. 2001. Vol. 63 (3). P. 779–792.
18. Cenegy L.F., Denney J.T. and Kimbro R.T. Family Diversity and Child Health: Where Do Same-Sex Couple Families Fit? // Journal of Marriage and Family. 2018. Vol. 80 (1). P. 198–218.
19. Hunter C., Price-Robertson R. Family Structure and Child Maltreatment. Do Some Family Types Place Children at Greater Risk? 2012. CFCA paper No. 10. Australian Institute of Family Studies. P. 1–12.
20. Brown S.L., Manning W.D. and Stykes J.B. Family Structure and Child Well-being: Integrating Family Complexity // Journal of Marriage and Family. 2015. Vol. 77 (1). P. 177–190.
21. Halpern-Meehin S., Tach L. Heterogeneity in Two-parent Families and Adolescent Well-Being // Journal of Marriage and Family. 2008. Vol. 70 (2). P. 435–451.
22. Sanner C., Ganong L. and Coleman M. Shared Children in Stepfamilies: Experiences Living in a Hybrid Family Structure // Journal of Marriage and Family. 2020. Vol. 82 (2). P. 605–621.
23. Mostafa T., Gambaro L. and Joshi H. The Impact of Complex Family Structure on Child Well-being: Evidence from Siblings // Journal of Marriage and Family. 2018. Vol. 80 (4). P. 902–918.

24. Hwang H.J. and St James-Roberts I. Emotional and Behavioral Problems in Primary School Children from Nuclear and Extended Families in Korea // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 1998. № 39. P. 973–979.
25. Mustillo S., Li M. and Wang W. Parent Work-to-family Conflict and Child Psychological well-being: Moderating Role of Grandparent Coresidence // *Journal of Marriage and Family*. 2020.
26. Morita A., Ochi M., Isumi A., Fujiwara T. Association between Grandparent Coresidence and Weight Change among First-grade Japanese Children // *Pediatric Obesity*. 2019. Vol. 14:e12524.
27. Cross C.J. Racial/ethnic Differences in the Association between Family Structure and Children's Education // *Journal of Marriage and Family*. 2020. Vol. 82 (2). P. 691–712.
28. Гурко Т.А. Брак и родительство в России. М.: Институт социологии РАН, 2008. 326 с.
29. Актуальные проблемы родительства в России / Отв. ред. Т.А. Гурко. М.: Институт социологии РАН, 2013. 209 с.
30. Davis E.C., Friel L.V. Adolescent Sexuality: Disentangling the effects of Family Structure and Family Context // *Journal of Marriage and Family*. 2001. Vol. 63 (3). P. 669–681.
31. Buehler C. Family Processes and Children's and Adolescents' Well-being // *Journal of Marriage and Family*. 2020. Vol. 82 (1). P. 145–174.
32. Hoffmann J.P. The Community Context of Family Structure and Adolescent Drug Use // *Journal of Marriage and Family*. 2002. Vol. 64 (2). P. 314–330.
33. Pong S.I., Dronkers J. and Hampden-Thompson G. Family Policies and Children's School Achievement in Single-versus Two-parent Families // *Journal of Marriage and Family*. 2003. Vol. 65 (3). P. 681–699.
34. Raab M. Childhood Family Structure and Early Family Formation in East and West Germany // *Journal of Marriage and Family*. 2017. Vol. 79 (1). P. 110–130.
35. Rothwell D.W., McEwen A. Comparing Child Poverty Risk by Family Structure during the 2008 Recession // *Journal of Marriage and Family*. 2017. Vol. 79 (5). P. 1224–1240.
36. Sun Y., Li Y. Effects of Family Structure Type and Stability on Children's Academic Performance Trajectories // *Journal of Marriage and Family*. 2011. Vol. 73. P. 541–556.
37. Potter D. Same-Sex Parent Families and Children's Academic Achievement // *Journal of Marriage and Family*. 2012. Vol. 74 (3). P. 556–571.
38. Magnuson K., Berger L.M. Family Structure States and Transitions: Associations with Children's Well-being during Middle Childhood // *Journal of Marriage and Family*. 2009. Vol. 71 (3). P. 575–591.
39. Lundberg S., Pollak R.A. The Evolving Role of Marriage: 1950–2010 // *The Future of Children. Marriage and child wellbeing revisited*. 2015. Vol. 25 (2). P. 29–50.
40. McLanahan S., Sawhill I. Marriage and Child Wellbeing Revisited: Introducing the Issue // *The Future of Children. Marriage and child wellbeing revisited*. 2015. Vol. 25 (2). P. 3–10.

CHILDREN'S WELL-BEING IN VARIOUS FAMILY STRUCTURES: A REVIEW OF FOREIGN RESEARCH RESULTS

T.A. Gurko

Institute of Sociology FCTAS RAS

In the context of diversification of the family institution the results of foreign studies on the impact on the well-being of children of various structures – intact, single parent, fragile, cohobite, step, adoptive and gay families are analyzed. It concluded that the family structure has an insignificant impact on the well-being of children according to the criterion of completeness of parents and their gender for various dependent variables (psychological well-being, academic success, illegal behavior, etc.).

There is reason to assume that not only the well-being, but also the number of children in families practically does not depend on the family structure. Nevertheless, to confirm this fact, it needs a special analysis.

Researchers' data for different time periods differ. Therefore, the review gives particular importance to intermediate variables, which are classified into the main four groups. It is shown that at the individual level are examined personality characteristics of parents, on the group level – presence of grandparents, brothers/sisters, including step brothers/sisters, at the mesolevel – the impact of territorial community and social network of friends and relatives. The main factors at the macrolevel are the social regime and the stereotypical attitude of the social environment towards such families.

In the review dependent and intermediate variables are presented selectively. Further research is needed on the well-being of children and the number of children in different family structures, and, most importantly, in different social groups.

In the XXI century, conservative marriage and family norms can hardly be implemented by the majority of citizens. Therefore, family policy needs to meet the trends of evolution and transformation of the institution of marriage.

Keywords: diversification, family structures, children, indicators of well-being, intermediate variables.

УДК 316.74

DOI 10.52452/18115942_2021_1_54

ВЛИЯНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ РЕЛИГИЙ НА ЖИЗНЬ СТУДЕНТОВ УРАЛЬСКОГО МЕГАПОЛИСА: ЭКСПЕРТНЫЕ ОЦЕНКИ

© 2021 г.

Н.Б. Костина, К.Р. Белозерова

Костина Наталия Борисовна, д.соц.н.; проф.; профессор кафедры теории и социологии управления Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Екатеринбург
kostinanb30@gmail.com

Белозерова Ксения Руслановна, к.соц.н.; доцент кафедры философии и политологии Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Екатеринбург
gafiyatullina-kr@ranepa.ru

*Статья поступила в редакцию 27.11.2020**Статья принята к публикации 22.01.2021*

В отечественном социальном знании широко распространен тезис о том, что в постсоветский период российскую социально-культурную реальность характеризует своего рода «религиозный ренессанс», выразившийся в быстро произошедшем росте влияния религии на повседневную жизнь людей, религиозных организаций – на различные сферы социальной жизни. Но данное влияние на молодежь не является значимым, что подтверждается полученными нами эмпирическими данными. При проведении исследования использовались сравнительный и факторный методы анализа; для сбора эмпирических данных применялись анкетирование и опрос экспертов. При этом эксперты считают, что имеет смысл привлекать конфессиональные объединения к работе со студенческой молодежью по таким направлениям, как воспитание патриотизма, формирование и укрепление нравственных оснований повседневной жизни, овладение знаниями об отечественной истории и культуре, поддержка оказавшихся в трудной жизненной ситуации. Сотрудничество учреждений высшего образования и конфессиональных организаций осуществляется на основании договоров и соглашений, не нарушающих конституционный принцип о светском характере образования.

Ключевые слова: религия, религиозность студенческой молодежи, роль религии в повседневной жизни.

Введение

Одним из проявлений кардинальной трансформации идеологической составляющей постсоветского общества в конце прошлого столетия стало возрастание влияния религии на повседневное поведение российских граждан, выразившееся в росте уровня религиозности, увеличении количества религиозных объединений различной конфессиональной принадлежности, их «встраивании» в социально-культурную жизнь российского общества. Молодежные группы, в том числе и студенчество, не остались в стороне от этих процессов, принимая участие в культовых мероприятиях, посвященных наиболее важным конфессиональным праздникам и событиям личной жизни. Фактом социокультурной жизни в настоящее время является заключение соглашений между органами исполнительной власти, образовательными учреждениями и религиозными объединениями по таким направлениям, как нравственное, патриотическое воспитание, сохранение исторической памяти, национальных обычаев и традиций. Важным направлением такого сотрудничества являются волонтерская и благотворитель-

ная деятельность, проведение в ее рамках различных акций и мероприятий по поддержке групп, особенно в ней нуждающихся (одиноким старческого возраста, инвалидов, тяжело больных, наркозависимых). Студенческая молодежь как наиболее активная подгруппа в составе молодого поколения рассматривает такого рода взаимодействие с религиозными объединениями не как включенность в конфессиональную жизнь и собственно религиозную практику, а как пространство для самовыражения, осознанного выбора активной жизненной позиции, участия в волонтерской деятельности, проявления ответственного сострадания к тем, кто в этом нуждается. В социологических исследованиях начала XXI в. этим вопросам уделяется определенное внимание, но чаще всего анализ влияния религии на повседневную жизнь студентов выступает «сопутствующим» предметом исследования. Иными словами, к данным вопросам ученые обращаются при изучении иных аспектов жизнедеятельности студенчества как социальной группы: ценностных ориентаций, жизненных стратегий, восприятия трансформационных процессов современного общества и др. Это в полной мере относится и к

анализу экспертных оценок отношения студенческой молодежи к традиционным религиям, восприятия студенчеством мероприятий по организации взаимодействия высших учебных заведений и религиозных объединений. В этой связи необходимо обратить внимание на публикации В.В. Локосова [1], Б.Б. Подгорного [2], Г.С. Широкаловой [3], которые исследуют влияние религиозных институтов и религиозных традиций на различные сферы жизни общества. Религиозную и конфессиональную социализацию молодежи изучают такие исследователи, как Я.З. Гарипов, Р.В. Нурулина [4], Е.И. Уфимцева [5]; С.Д. Лебедев [6] в своих работах выдвигает критерии религиозности; определение религиозности студенческой молодежи рассматривается в работах Л.А. Андреевой, Л.К. Андреевой [7].

Изучение деятельности функционирующих на территории Российской Федерации конфессиональных объединений свидетельствует о том, что, несмотря на их количественный рост и активное участие в социальной, культурной и даже политической жизни страны, пристальное внимание к работе с молодежными когортами, доктринальная и институциональная составляющие, культовые практики не стали предметом пристального внимания студенческой молодежи.

В этом контексте перед структурными подразделениями религиозных организаций, осуществляющими работу с социально-демографическими группами, ставятся задачи по более результативному вовлечению молодежи в различные проекты, социально-культурные программы, просветительские мероприятия. Основным способом решения этой задачи и становится взаимодействие конфессиональных объединений с молодежными организациями, учебными заведениями на основе договоров и соглашений.

Методология

Методологические подходы, на которые мы опирались при проведении эмпирического исследования, – деятельностный и аксиологический. В процессе исследования деятельности организаций различных конфессий была выявлена значительная активность по заключению соглашений с вузами по таким направлениям, как организация и проведение совместных культурно-просветительных мероприятий, привлечение студенческой молодежи к участию в благотворительных акциях. Особенно важным направлением такого сотрудничества является профилактика девиантного поведения молодежи. Примерами такого сотрудничества являются акции РПЦ по профилактике наркомании, организация протестантскими объединениями

реабилитационных центров для помощи наркозависимым. Внимание акцентируется на таких ценностях, как семья, здоровый образ жизни, Отечество, родной язык, культурные достижения и национальные традиции.

Участие в общественной, социальной и культурной жизни страны в рамках, определенных законодательством РФ, зафиксировано в социальных концепциях различных конфессий, одно из направлений этой деятельности – участие в мероприятиях в рамках государственной молодежной политики. Однако не нужно забывать, что вовлеченные в этот процесс конфессиональные объединения решают и имманентную им задачу обеспечения своего устойчивого функционирования в будущем за счет формирования у части молодых людей религиозных ориентаций. Последние в перспективе будут не только и не столько определять принципиальную смену мировоззрения молодого человека, сколько влиять на его повседневную жизнь. Часть молодежи, вовлеченной в различные совместные с конфессиями мероприятия, пусть и небольшая, пополнит ряды религиозных объединений.

Полученные авторами научные результаты анализа данных опроса студентов вузов г. Екатеринбурга ($N=424$ человека) и экспертного интервью ($N=20$ человек), участниками которого стали руководители конфессиональных объединений, деятели культуры и искусства, преподаватели вузов, которых мы условно разделили на представителей гражданского общества и религиозных организаций, можно представить следующим образом. Гайд интервью содержал вопросы, нацеленные на выявление мнений экспертов об устремлениях и ценностях студентов, о влияющих на конфессиональный выбор факторах, о степени влияния традиционных религий на повседневное поведение.

Результаты и обсуждение

По мнению экспертов, ключевыми характеристиками современной студенческой молодежи являются:

- осознание необходимости профессионального становления, приобретения важных для будущего компетенций в процессе обучения в вузе;
- ярко выраженное стремление к материальным ценностям;
- инфантильность, «потерянность» современных российских студентов («не видят цели перед собой»).

В подтверждение вышесказанного можно привести мнения представителей гражданского общества и руководителей религиозных организаций, которые отмечают следующее:

«Студенческая молодежь отличается тем, что перед студентом объективно поставлена задача вырасти в кого-то за время обучения. Стать профессионалом, определиться в разных аспектах...» (представитель как гражданского общества, так и религиозных организаций); *«Хочется отметить общее стремление студенческой молодежи к материальным ценностям. Очень большое стремление к богатой, обеспеченной жизни, наполненной развлечениями, ради получения этого готовы пожертвовать ценностями»* (представитель религиозной организации); *«Среди студентов есть общая тенденция к инфантилизму, потерянности, когда человек не видит цели перед собой, долгосрочной перспективы в работе»* (представитель гражданского общества).

Возможно, такое отношение студентов к своей нынешней жизни и перспективам на будущее формируется под влиянием родителей, которые в свои молодые годы жили в более стабильном обществе и поэтому в условиях социальной неопределенности не уверены в будущем своих детей. Это и является основанием «ценностного вакуума», потери ориентиров. Это связано и с «ускорением» темпов современной жизни. Для современной молодежи очень важно все успеть: получить образование, создать семью, быть успешным в карьере, успеть попутешествовать по миру. Среди наиболее важного для студенчества экспертами отмечаются стремление занять определенный социальный статус и обеспечить условия его сохранения в будущем:

«Хорошо устроиться в жизни» (представитель религиозной организации); *«Хотят получить профессию. Ценностью является проявить себя в профессии... Их в принципе мало волнует, в какой стране они живут и чего добивается их страна»* (представитель религиозной организации).

По рассматриваемым позициям, как показало наше исследование, мнения студентов не совпадают с мнениями экспертного сообщества. Наиболее важным, ценным студенты определили для себя (от более значимого к менее значимому): здоровье (42.3% опрошенных); семья (24.3% опрошенных), рождение и воспитание детей; любовь (для 19.7% опрошенных). Ценности, которые для студентов являются приоритетными, можно подразделить на две подгруппы. Первая – это благополучие ближайшего окружения: семья, рождение и воспитание детей, здоровье, друзья. Вторая – нравственные качества: честность, порядочность в отношениях между людьми [8, с. 44]. Ценности семьи, детей, здоровья получили высшие ранги у по-

давляющего большинства представителей изучаемой группы. При этом ранг таких ценностей, как любовь, друзья, честность, у студентов, считающих себя неверующими, и тех, кто относит себя к верующим, различен. Неверующие и атеисты более значимым считают иметь друзей и подруг, любовь, в то время как верующие – честность и порядочность. Менее всего студенчество озабочено социальным статусом (19.3% респондентов определили на 8-е место), стабильностью (15.6% респондентов определили на 7-е место) и религией в целом (47.1% респондентов определили на 9-е место).

На наш взгляд, экспертами социальный статус больше связывается с реализацией профессионального потенциала, а для студентов этот вопрос становится актуальным лишь на последнем курсе. Экспертами также отмечается стремление к созданию и сохранению личного пространства, одним из аспектов которого являются и религиозные воззрения:

«Это личное пространство, в которое никто не должен заходить. Это его мир, аккаунт в соцсети, группа, окружение, семья, увлечения, у каждого это свое. Если кто-то туда вторгается, то весь привычный мир рушится» (представитель гражданского общества).

Данная проблема связана с развитием информационного пространства и всеми сопутствующими с ним тенденциями, модой. С появлением соцсетей многие интровертные молодые люди получают возможность создавать свою виртуальную реальность, в которой есть друзья, есть с кем поговорить, всегда есть человек, который поймет. В данной ситуации студенты становятся определенным объектом воздействия, через соцсети и Интернет можно воздействовать на исследуемую группу молодежи, что с успехом и используют различные радикальные религиозные организации.

Если говорить о мнении экспертов относительно места религии в составе ценностных ориентаций екатеринбургского студенчества, то подавляющее большинство экспертов считает, что она занимает одно из последних мест. Результаты опроса, проведенного среди студентов, подтверждают мнения экспертов:

«Если и занимает религия какое-то место, то очень маленькое. Им не до религии» (представитель как гражданского общества, так и религиозных организаций).

Подавляющее большинство экспертов отмечают, что среди студенческой молодежи преобладает отношение к религии как к чему-то модному, нежели смысловому:

«Сейчас для молодежи религия имеет значение, сейчас это модно» (представитель гражданского общества); *«Религия как мода, религия как национально-патриотический признак для*

Рис. Конфессиональная принадлежность студенческой молодежи (в % от общего числа опрошенных)

многих молодых людей важны. Но поиск и познание глубины религиозных истин зачастую на вторичном плане» (представитель религиозной организации).

Как справедливо замечают эксперты, «*неверующих людей по существу не бывает... Атеист это тоже верующий человек, причем убежденный атеист, по словам Ф.М. Достоевского, это очень близкий к вере человек. Студенты просто недорексифицируют себя, они просто не понимают, что они, например, придерживаются языческих взглядов или каких-то других*» (представитель религиозной организации).

Распространение в студенческой среде атеистических взглядов или приверженности к агностицизму может быть связано с воспитанием в рамках вузовского образования критического мышления, которое ставит все под сомнение, призывает анализировать ситуации, опираться на факты, что в отношении к религии неприменимо.

По мнению экспертов, по признаку отношения к религии студенчество современного мегаполиса можно подразделить на две подгруппы. К первой отнесены студенты, для которых материальные ценности являются ключевыми. Поскольку религия никоим образом не способствует их достижению, она не считается представителями этой подгруппы чем-то важным. Вторая подгруппа, для которой важна не только материальная, но и духовная, культурная составляющие жизни, считает, что религия является собой один из элементов, способствующих сохранению культуры и развитию духовности. При этом представители данной подгруппы не обязательно относят себя к верующим, в то время как представители первой подгруппы могут идентифицировать себя с той или иной конфессией.

Данные, полученные в ходе проведенного исследования, свидетельствуют о том, что мнения экспертов о конфессиональной идентификации студентов совпадают с религиозным самоопределением самих студентов. Большинство студентов считают себя православными, на вто-

ром месте – приверженцы ислама, далее в равной степени – приверженцы иных религиозных направлений.

То, что студенты относят себя к православным, понятно и объяснимо. История нашего государства неразрывно связана с православием. Данные социологических опросов различных социальных групп свидетельствуют, что подавляющее большинство россиян именно на этом основании причисляет себя к православным, считая, что быть русским – значит быть православным. Не составляют исключения и опрошенные нами студенты г. Екатеринбурга. Косвенными факторами влияния выступают родительская семья, ближайшее окружение (родственники и друзья), принимающие решение о крещении детей, воспитывающие их в традициях православия.

Полученные в результате исследования данные свидетельствуют, что чуть менее половины опрошенных студентов г. Екатеринбурга относят себя к последователям православия (41.5%), на втором месте – приверженцы мусульманства (7.1%), к другим религиозным направлениям отнесли себя не более 5%, затруднились с ответом 3.2% респондентов; 43% опрошенных определили себя как атеисты.

При проведении интервью с экспертами им был задан вопрос об основных причинах обращения студенчества к религиозным конфессиям. Одной из причин, которую выделили эксперты, является воспитание в религиозной, верующей семье, что, в свою очередь, исключает возможность изначального выбора, но не исключает последующих изменений конфессиональных предпочтений. Среди других причин – сложная жизненная ситуация, бедствия, трудности, проблемы, отрицательный жизненный опыт. Как показали данные нашего исследования, именно вторая группа факторов является ведущей при обращении студенческой молодежи к той или иной религиозной конфессии. Это подтверждается и мнениями экспертов.

Ниже приведены позиции экспертов, характеризующие основные причины обращения к религии:

«*Это всегда какие-то проблемы. Если студент вырос в верующей семье, то это традиционно. Если что-то происходит в его жизни, что-то такое, например, несчастье какое-то, это, безусловно, может послужить основанием для того, чтобы обратиться к религии*» (представитель гражданского общества); «*Конечно же, обращаются те, которые испытали определенные бедствия, трудности, проблемы, неурядицы в семейной жизни, неудачные попытки какие-то предпринимались, увидел,*

что это не так-то просто, приходится спросить, а что же делать, например. Притеснение, угнетение, пьянство в семье. Такие ситуации сразу же отображаются на том, что человек приходит в храм, начинает молиться, прочерчивает путь в эту сторону» (представитель религиозной организации); «Чаще всего отрицательный жизненный опыт, когда не на кого рассчитывать и положиться, или чудо. Был в трудной ситуации, тебе нечто помогло, без твоих видимых усилий, без посторонних людей, ты выпутываешься из какой-нибудь ситуации. Ты болен был или чуть не умер и остался жив. Может быть духовный отрицательный опыт, различные сверхъестественные явления, которые плохо на человека влияют» (представитель как гражданского общества, так и религиозных организаций).

Нетрадиционной причиной обращения к религии эксперты называют осознанный мировоззренческий поиск:

«Сознательно молодежь обращается к религии, во-первых, увидев в ней источник прояснения своих мировоззренческих позиций каких-то – это думающая, мыслящая молодежь, которая что-то почитала, увидела преимущества взглядов православных авторов, философов и т.д.» (представитель религиозной организации); «Есть отдельные индивиды, которые осуществляют некий духовный поиск, читают литературу, есть такие, но их меньшинство. Это интеллектуалы, которые тут читают, тут читают, к этому приходит» (представитель религиозной организации).

Такой фактор, выделенный экспертами, как негативный жизненный опыт и необходимость в связи с этим мировоззренческого и социального выбора, приводящий к формированию религиозных ориентаций, свойственен лишь небольшой части студенческой молодежи. Именно эта подгруппа читает религиозную литературу, задумывается над смысложизненными вопросами, осознанно участвует в религиозном культе. Студенты обращаются к религии и в яркие, важные моменты своей повседневной жизни, что проявляется в популярности среди них таких таинств, как венчание (как продолжение свадебной традиции), крещение детей, участие в значимых религиозных празднованиях.

Проведение религиозными организациями благотворительных мероприятий и акций, организация благотворительной деятельности в целом, равно как и организация значимых праздничных профессиональных мероприятий, оценивается опрошенными нами экспертами как способ «пополнения» религиозных объединений, привлечения в них молодых людей:

«Работа молодежных клубов при каждом приходе. Эти молодежные клубы живут своей деятельностью, много студентов там, между прочим. Им интересна проба себя и трибуна, где можно показаться, покрасоваться, себя показать, на людей посмотреть. Как правило, эти молодежные клубы или организации занимаются досуговой деятельностью. На этой основе молодежи можно привлечь достаточно много» (представитель религиозной организации); «На разных религиозных мероприятиях должен быть такой человек, который может рассказать о религии, о культуре. Находятся люди, которые этим интересуются, потом они приходят на курсы просвещения, занимаются изучением культуры, языка. Для кого-то эта встреча может стать судьбоносной. Должны присутствовать какие-то авторитетные люди, которые участвуют во встречах со студентами, и у кого-то это повернет сознание, он пойдет в храм. Сам священнослужитель должен уметь работать с молодежью, он должен знать социальные сети, он должен знать, как вести беседу, знать, что молодежи интересно. Он не должен быть таким косным, иерархичным, он должен жить современной жизнью, владеть технологиями общения, и тогда он будет привлекать и будет привлекательным как личность, как представитель той или иной конфессии» (представитель гражданского общества).

Если говорить о позитивных аспектах влияния на повседневную жизнь студенческой молодежи проведения учебными заведениями и профессиональными объединениями совместных мероприятий, то эксперты отмечают значимость личностных качеств священнослужителей – умение создавать атмосферу взаимопонимания, понимать собеседника, а не стремиться навязать ему свое мнение:

«Если священник ближе по своему возрасту и восприятию жизни к молодежи, то он и найдет какой-то отклик. Если священник другого поколения, то у него с молодежью может и не получиться взаимодействия» (представитель религиозной организации).

«Если соотносить данное поведение с типами религиозности по И.Н. Яблокову, то наиболее подходящей характеристикой будет такая: идентифицирующие себя с определенной конфессией, при этом религиозная ориентация подчинена нерелигиозным мотивам» [9, с. 538]. Данную позицию можно подтвердить мнениями экспертов о религиозности студенческой молодежи:

«В принципе, для широких масс студенческой молодежи, религиозность достаточно ситуативна. Если есть праздник религиозный,

он может пойти и отметить его. Если есть потребность, он идет и молится. Но постоянно – это очень небольшой пласт. Мне кажется, что вообще можно и на студентов это экстраполировать, что практикующих людей в любой религиозной конфессии в нашей стране 10%» (представитель гражданского общества); «Религиозность студенческой молодежи выражается в посещении праздников, притом праздников, которые имеют какой-то резонанс, какую-то привлекательность. В частности, это Пасха и Рождество. Возникает понимание, что это важные праздники. Также посещают активно ночные службы, это привлекает. Крестные ходы, например, царский крестный ход» (представитель религиозной организации); «Они признают религию как неотъемлемый фактор современности, признают религию как признак национально-культурной самобытности, следуют некоторым традициям и обычаям, при этом не вникая в глубинную суть религии» (представитель религиозной организации).

Анализ эмпирических данных, полученных в результате и анкетирования студентов, и экспертного опроса, позволяет сделать вывод о двух проявлениях вовлеченности студенчества в конфессиональные практики. Первое можно определить как внешнее, выражающееся в эпизодическом участии в культовых действиях и проводимых церковью мероприятиях, ношении религиозной символики, форме одежды. Второе – внутреннее: обращение к религиозным идеям, размышления и мировоззренческий поиск. И если первое, что называется, «на виду», то второе, особенно у молодых людей, может и не иметь явных внешних выражений, и молитва, и обращение к Богу, и духовный поиск являются очень личностной составляющей духовной жизни:

«Если говорить обобщенно, то таких критериев два: внутренние и внешние. К внешним характеристикам религиозности мы можем отнести все, что начинается с формы одежды, головного убора, наличия определенной символики и заканчивая беседами на религиозную тематику и совершением обрядовых действий. О внутренних критериях судить сложно, поскольку вера может быть настолько интимной сферой, что стороннему человеку будет сложно выявить ее. Если отвечать на поставленный вопрос исходя из внешних критериев, то подавляющая часть студенчества не склонна к демонстрации своей религиозности. Однако этого нельзя сказать в отношении части последователей ислама, которые в силу своего воспитания, отношения к предписаниям Бога совершают намаз (молитву) в здании вуза, а

мусульманки одевают хиджаб. Однако в своей совокупности молодежь в силу разных причин, обусловленных возрастом, системой ценностей, господствующих в обществе, воспитанием, характеризуется своей индифферентностью к религии» (представитель гражданского общества).

Эксперты также отмечают актуальность взаимодействия высших учебных заведений и религиозных организаций, обусловленную уже тем фактом, что во многих университетах обучается немалая доля иностранных студентов, принадлежащих к основным традиционным конфессиям. Кроме того, священнослужители подчас становятся именно теми людьми, с которыми студенты готовы «поговорить по душам». Вот что рассказал по этому поводу один из наших экспертов:

«Не так давно была встреча в Уральском федеральном университете с муфтием, он встречался непосредственно с иностранными студентами мусульманами. Там было порядка 100 человек, Азербайджан, Бангладеш и т.д. Для них общение с имамом было полезным. Они очень много вопросов задавали по своей религии, как им здесь практиковать. Это мероприятие было не только связано с профилактикой, просто была потребность в общении. Очень ценным в общении является опыт Уральского государственного горно-геологического университета, когда приглашали священников, когда еще не было храма, все проходило в библиотеке, многие ребята приходили и с ним в качестве психолога общались, делились своими проблемами. Потому что ведь священнослужитель – это тот человек, который может не только удовлетворить твою духовную потребность, но и дать совет, пообщаться. Он пользуется определенным авторитетом. Этот опыт хорош и необходим. Религию нельзя отбрасывать, нельзя говорить, что мы светский вуз, мы светское образовательное учреждение. Люди все равно в этом нуждаются, религия – это часть нашей жизни, часть нашего общества, может быть, сейчас люди не в полной мере к ней принадлежат, но присутствие её в шаговой доступности необходимо» (представитель гражданского общества).

При этом эксперты обратили внимание на то, что религиозным объединениям свойственна определенная закрытость, что создает ряд проблемы для их функционирования. Молодые люди, приходя в религиозную организацию, в церковь, подчас сталкиваются с некоей недоброжелательностью со стороны активистов общины, вызванной тем, что молодежь не знает простых правил поведения в храме, отправления обрядов

и таинств. Подчас такая недоброжелательность проявляется в осуждении молодых людей за такое незнание вместо оказания разъяснительной поддержки. В результате возникает непонимание между молодыми людьми и рядовыми служителями, мирянами-активистами, вследствие чего молодой человек со своими проблемами и сомнениями в следующий раз в церковь не придет. Хорошо, если он поделится с родственниками, надежными друзьями. Но референтной группой могут оказаться и субъекты с асоциальным и девиантным поведением.

Со стороны администрации вузов осуществляется практика привлечения конфессиональных объединений к участию в программных мероприятиях молодежной политики путем заключения соглашений и договоров о сотрудничестве между образовательными учреждениями и религиозными организациями, проведения совместных акций под эгидой университетов. Реализация данных инициатив понимается как реальный вклад в воспитание молодежи по обозначенным выше направлениям – патриотическое, нравственное воспитание. При этом данные нашего исследования свидетельствуют, что почти половина опрошенных студентов (49%) отрицательно относятся к сотрудничеству вузов и религиозных организаций, несмотря на то, что подавляющее их большинство причислили себя к той или иной конфессии. В то же время студенты активно участвуют во встречах с представителями конфессий в организуемых конфессиональными объединениями мероприятиях и акциях, особенно в тех, которые организуются вузами на своих площадках.

Верующие студенты, напротив, положительно оценивают сотрудничество религиозных и образовательных организаций (37% от общего числа верующих студентов). Таким образом, учитывая интерес студентов и проявляемую ими активность, заключение соглашений между вузами и религиозными организациями по ряду направлений деятельности может иметь результативность и эффективность.

Выводы

Результаты проведенных нами исследований свидетельствуют о том, что студенчество г. Екатеринбурга готово принимать активное участие в мероприятиях, посвященных важным историческим датам, культурным событиям, помощи и поддержке оказавшихся в трудной жизненной ситуации, к организации которых привлечены и конфессиональные объединения. При этом собственно религиозные практики, культовые действия и совершение таинств как

таковые подавляющему большинству студентов мало интересны и имеют инструментальную значимость: либо сопровождают важные события жизни, либо рассматриваются как способы решения повседневных проблем. Лишь для очень малой доли студентов (являющихся воцерковленными) конфессиональные идеи и практики имеют терминальную ценность. По нашему мнению, взаимодействие учреждений высшего образования и религиозных объединений должно осуществляться на основании соглашений и реализовываться по таким направлениям, как волонтерская деятельность, подготовка и проведение значимых культурных, историко-патриотических мероприятий. Полем такого взаимодействия должно быть не учебное заведение и не религиозная организация, а иное социальное пространство.

Данные, полученные в результате исследования, свидетельствуют, что роль религии в жизни студенческой молодежи как с точки зрения экспертов, так и с точки зрения самих екатеринбургских студентов невелика и довольно условна. Религия выполняет функции хранительницы и транслятора нравственных ценностей, историко-культурного наследия и тем самым вносит свой вклад в формирование ценностной составляющей мировоззрения студенческой молодежи. Особое внимание в этой связи заслуживают совместные усилия образовательных учреждений и общественных объединений, в том числе религиозных, по патриотическому, нравственному воспитанию студентов, а также привлечению их к участию в социальных акциях и движениях.

Список литературы

1. Локосов В.В. Влияет ли религиозность на политическую консолидацию общества? // Социологические исследования. 2006. № 11. С. 82–89.
2. Подгорный Б.Б. Экономическое поведение и влияние религиозных традиций (к постановке проблемы) // Социологические исследования. 2011. № 2. С. 108–118.
3. Широкалова Г.С., Аникина А.В. Политический выбор Русской православной церкви как фактор, определяющий её будущее // Социологические исследования. 2007. № 10. С. 103–113.
4. Гарипов Я.З., Нурулина Р.В. Мусульманская молодежь Татарстана: конфессиональная социализация и ценностные ориентации // Социологические исследования. 2011. № 8. С. 123–131.
5. Уфимцева Е.И. Особенности воцерковления в оценках православной молодежи // Социологические исследования. 2013. № 1. С. 127–135.
6. Лебедев С.Д. Религиозность: что считать критерием? URL: http://www.religare.ru/2_35080.html (дата обращения: 10.02.2020).

7. Андреева Л.А., Андреева Л.К. Религиозность студенческой молодежи. Опыт сопоставления с религиозностью россиян // Социологические исследования. 2010. № 9. С. 95–98.

8. Антонова О.И., Гафиятуллина К.Р., Костина Н.Б. Отношение студенческой молодежи Свердловской области к религии // Социум и власть. № 35 (55). 2015. С. 42–47. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25031357> (дата обращения: 10.02.2020).

9. Гафиятуллина К.Р. Религиозность и религиозное поведение современной студенческой молодежи: методологические аспекты социологического анализа // Российское социологическое сообщество: история, современность, место в мировой науке: Материалы научной конференции к 100-летию Русского социологического общества им. М.М. Ковалевского 10–12 ноября 2016 года / Отв. ред. Ю.В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2016. С. 536–538.

THE INFLUENCE OF TRADITIONAL RELIGIONS ON THE LIFE OF STUDENTS IN THE URAL MEGAPOLIS: EXPERT EVALUATIONS

N.B. Kostina, K.R. Belozeroва

Ural Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration

In domestic social knowledge, the thesis that in the post-Soviet period, Russian sociocultural reality is characterized by a kind of “religious renaissance” is widespread. It is expressed in the rapidly occurring increase in the influence of religion on the daily lives of people, religious organizations – in various spheres of social life. But this influence on young people is not significant, which is confirmed by the empirical data that we obtained.

At the same time, experts believe that it makes sense to attract faith-based associations to work with students in such areas as education of patriotism, the formation and strengthening of the moral foundations of everyday life, learning about Russian history and culture, and provide support for those who find themselves in difficult life situations. Cooperation between higher education institutions and faith-based organizations is carried out on the basis of treaties and agreements, which does not violate the constitutional principle on the secular nature of education.

Keywords: religion, religiosity of students, the role of religion in everyday life.

УДК 316.342.6

DOI 10.52452/18115942_2021_1_62

ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАКТИК ДОБРОСОВЕСТНОГО КОНКУРЕНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ОСНОВАНИЙ

© 2021 г.

М.Л. Теодорович, Ю.Л. Софронова

Теодорович Михаил Леонидович, д.соц.н.; проф.; заведующий кафедрой социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
mt231@yandex.ru

Софронова Юлия Львовна, к.соц.н.; доцент кафедры социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
syl@list.ru

*Статья поступила в редакцию 17.04.2020**Статья принята к публикации 25.01.2021*

Добросовестная конкуренция – это правовая категория, однако при этом Гражданский кодекс РФ связывает ее по смыслу с рядом социально-философских, социально-психологических, этических понятий, например понятием справедливости. В связи с этим перед практиками встает вопрос о том, как оценить добросовестность/недобросовестность поведения игроков на рынке в том или ином случае. Для выработки новых правил поведения и институционализации добросовестных конкурентных отношений, соответствующих вектору развития России в направлении социально ориентированной рыночной экономики, необходимы совместные усилия государства и всех основных участников рынка. Так, стимулом к добросовестному поведению продавцов товаров и услуг, к обеспечению баланса экономической эффективности и социальной справедливости является активность потребителей по защите своих прав.

Целью статьи является попытка углубления средствами теоретического анализа понимания «происхождения» социокультурных оснований таких категорий, как обычаи делового оборота, требования добропорядочности, разумности и справедливости; уточнения на основе обращения к национально-культурным и научным источникам смыслов и значений упомянутых категорий, выявления направлений анализа, в рамках которых можно охарактеризовать неформальные элементы практик добросовестной конкуренции. Методологической базой теоретического анализа является институциональный подход (реализация принципа добросовестности конкуренции рассматривается с точки зрения сочетания формальных и неформальных правил игры); социокультурный и феноменологический подходы (наблюдение и размышление о том, в какой степени ценности добросовестности и справедливости органичны для национальной культуры, традиции).

Ключевые слова: добросовестная конкуренция; социально ориентированная экономика; обычаи делового оборота; защита прав потребителей; критерии разумности и справедливости; удовлетворенность потребителей.

Добросовестная конкуренция сквозь призму социологического знания

С точки зрения институционального подхода, добросовестное конкурентное поведение представляет собой социальные практики, которые формируются и реализуются на основе как формальных, так и неформальных правил игры, норм, ограничений. Гражданский кодекс РФ и Федеральный закон № 135-ФЗ «О защите конкуренции» предлагают юридические трактовки принципа добросовестности субъектов хозяйственной деятельности, однако смысловым ядром этих трактовок являются такие понятия из сферы *социальной этики*, как «добрая совесть», «справедливость», «разумность» («здравый смысл»), «обычаи делового оборота».

Совокупный анализ норм и требований современного профильного законодательства в сфере регулирования конкурентных отношений позволяет заключить, что «хороший институт», в который, в конечном итоге, должны трансформироваться отечественные конкурентные практики, – это не только жесткие формальные требования, предъявляемые законодательством, в сочетании с набором апробированных механизмов их реализации, это и соответствующее мировоззрение. Это этика, определяющая не просто «дух капитализма», но и то «чувство» капитализма, которое складывается в конкретном социуме, это восприятие его как нормы и согласие с ним. Неформальный компонент – это все, что связано с культурой, доминирующими гражданскими верованиями [1], неформальными ограничениями

и непрописанными социальными нормами, которые, однако, признаются и которым следуют. Это способы видения мира и способы ведения дел в экономическом пространстве. Следовательно, методологической базой рассмотрения неформальных источников формирования практик добросовестной конкуренции служат *социокультурный и феноменологический подходы*, использование которых дает возможность ответить на ряд важных вопросов, имеющих прямое отношение к *восприятию предлагаемых обществу законодательных норм и практик как разумных, достаточных и справедливых*. Какую роль играют в национальной культуре (истории, сознании, языке, академической традиции) ценности добропорядочности, здравомыслия, кооперации, справедливости? Как раскрываются культурные смыслы данных категорий в разнообразных теоретических (академических) источниках, исторических и современных? Какие установки «коллективного сознания» определяют сегодня формирование правил поведения (обычаев делового оборота), норм деловой культуры субъектов рынка, в их числе и потребителей?

Цель данной работы, таким образом, состоит в характеристике социокультурного происхождения вышеупомянутых этических категорий, уточнении смыслов. Помимо теоретического интереса, в этом существует и практическая необходимость. Так, судьи, специализирующиеся на антимонопольной тематике, нередко сталкиваются с проблемой неоднозначного толкования категорий добропорядочности и справедливости и других близких по смыслу понятий, представленных в законодательстве. С помощью каких критериев можно охарактеризовать действие того или иного субъекта, конкурирующего на рынке, как добросовестное или недобросовестное? В арбитражной практике специалисты рассматривают случаи, где речь идет, в том числе, о нарушении этических норм, и в связи с этим возникает вопрос, как принять оптимальное решение, какие идеи и характеристики могут служить основой для разрешения споров между сторонами. Подобные вопросы регулярно поднимаются и обсуждаются на семинарах и конференциях, организуемых ФАС России, ее региональными структурами, в том числе с участием судей арбитражных судов РФ. Существенно, что формируемые по результатам таких дискуссий обзоры практики антимонопольных органов принимаются ими в качестве руководства в последующей деятельности и ложатся в основу профильных законодательных инициатив, чем обуславливается актуальность рассматриваемого вопроса.

В рамках статьи на основании данных прикладного исследования на тему потребитель-

ского поведения раскрывается тезис о том, что активность граждан в сфере защиты потребительских прав (а поведение здесь наиболее значимо опосредуется мировоззрением) является одним из факторов, определяющих появление добросовестных правил игры на рынках. Также рассматривается вопрос о комплаенсе как государственной системе управления рисками нарушения законодательства со стороны хозяйствующих субъектов, могущей в определенной степени быть ограничителем недобросовестного поведения хозяйствующих субъектов. Однако формальные нормы в конечном итоге должны быть сбалансированы с неформальными, важно, чтобы комплаенс-политика трансформировалась в организационную комплаенс-культуру, вовлекая уже и работников хозяйствующих субъектов, физических лиц, являющихся, одновременно, и потребителями. Без соответствующей мировоззренческой (этической) адаптации управление рисками нарушения законодательства может быть воспринято как очередное нововведение, необязательное к исполнению. Анализ разнообразных аспектов системы комплаенс были посвящены выступления экспертов в рамках Международной научно-практической конференции «Комплаенс как система управления рисками: российский и европейский опыт» (Красногорск, Москва, 12–13 ноября 2019 г.), авторы статьи также принимали участие в работе конференции.

Добросовестная конкуренция: формальные признаки

Добросовестная конкуренция – это соперничество, не противоречащее «закону, обычаям делового оборота, требованиям добропорядочности, разумности и справедливости» [2]. Соответственно, закрепление практик добросовестного поведения в предпринимательской среде возможно, если продуктивные обычаи делового оборота и вышеуказанные требования приобретут характер коллективных ценностей и руководства к действию. Значительный интерес представляет вопрос: в «каких мирах» формируются данные обычаи, что они собой представляют и каковы теоретические и практические смыслы таких понятий, как «добропорядочность, разумность и справедливость»?

Статья 5 ГК РФ определяет «обычай делового оборота» как «сложившееся и широко применяемое в какой-либо области предпринимательской деятельности правило поведения, не предусмотренное законодательством, независимо от того, зафиксировано ли оно в каком-либо документе». Основными чертами обычая как

источника права являются «продолжительность существования (консервативность), постоянность соблюдения (укорененность в человеческом сознании), локальный характер (привязанность к определенной территории, религии, культуре), возможность трансформации в судебную или административную практику» [3].

Хозяйственная культура современного российского общества находится в трансформирующемся состоянии, и в целом было бы интересно систематизировать факторы, препятствующие и стимулирующие закрепление эффективных социальных практик (поведенческих установок), практик добросовестной конкуренции. Это могут быть совсем еще редкие и слабые «популяции» или даже отдельные «росточки», поскольку сама конкурентная среда несовершенна, но в силах любого общества и государства – совершенствовать, создавать условия для их укрепления и дальнейшего роста. Добросовестность на рынках определяется правовой культурой участников экономических отношений (уровнем осведомленности предпринимателей и потребителей о своих правах и обязанностях), качеством законодательства, регулирующего процессы конкуренции, прогрессивностью бизнес-образования.

А если рассматривать добросовестность (добропорядочность), условно, «за пределами» конкурентной среды (ведь хозяйственная культура – это часть общего культурного капитала), можем ли мы говорить, что добросовестность в той или иной степени традиционна для нашего общества, а понятие «добрая совесть» – один из ценностных элементов национальной культуры? И в какой мере слово «совесть», тем более словосочетание «добрая совесть», стали старомодными и архаичными, а практику определяют иные императивы? Интересно, что само понятие «добросовестная конкуренция» парадоксально ориентирует нас на содружество нескольких «миров» – рыночного и нерыночного (например, гражданского или домашнего, традиционно-патриархального), где изначально были возможны солидарные, «семейные» взаимоотношения между людьми.

Рассматривая теоретические основания этической категории «добросовестное поведение», можно обратиться к классическим академическим источникам, среди которых известная работа И.Б. Новицкого «Принцип доброй совести в проекте обязательного права» (1916) [4]. Выводы автора, которые он делает, опираясь на традиционные и современные ему источники, звучат убедительно и актуально. Добрая совесть (как «объективное мерило»), отмечает И.Б. Новицкий, – это «знание о другом, о его интересах; знание, связанное с известным доброжелательством; элемент доверия, уверенность, что нрав-

ственные основы оборота принимаются во внимание, что от них исходит каждый в своем поведении. Принципом доброй совести выражается связанность, согласованность отдельных частных интересов, а также частного интереса с интересом целого, подчинение каждого равномерно *идее общего блага*, так как она отражается на отношении между данными лицами». Принцип является пределом индивидуалистического начала, признанием интересов общества, установлением границ для эгоизма [4].

Анализируя содержание понятия доброй совести как объективного «социального мерила», И.Б. Новицкий дискутирует с другими авторами, и эта заочная философско-правовая дискуссия, имевшая место в начале XX столетия, также представляет интерес для современного читателя. Так, Л.И. Петражицкий (очевидно придерживаясь аристотелевских взглядов на природу человека) считает, что «любовь к ближним, к согражданам» как некая деятельная сила способна исторически «кристаллизироваться», а наша общая цель состоит в «облагораживании мотивации в общественной жизни». Рудольф Штаммлер вводит понятие «социального идеала», говоря о важности приспособления частных целей к конечной цели коллектива. В.В. Шнейдер утверждает, что добрая совесть – это «принцип верности договору, уважения договорного соглашения, соблюдения данного слова» [4]. В каждом из этих подходов есть здравый смысл, это исторические элементы системного представления о принципе добросовестности. Но в каждом из этих подходов есть подводные камни, например, понятие «социального идеала» уязвимо с точки зрения коллективистских политических идеологий, а любовь к ближнему нередко оборачивается разочарованиями. Возможно, перспективным здесь является представление об общественном договоре – любое взаимодействие между людьми предполагает соглашение, консенсус, определение правил.

В целом, категория добросовестности формально связывается с такими значениями, как ожидание честного разумного поведения; учет прав и интересов других сторон; содействие другим; непротиворечие закону и обычаям делового оборота. Данное понятие позволяет взглянуть на рынок как на социально-этическую сферу, но то, что связано с этикой, не так просто конкретизировать. Указанные понятия представляют собой обобщения и открывают пространство для разночтений. Поэтому возникает вопрос: какого рода критерии могут служить опорой для эксперта, оценивающего характер взаимоотношений людей в сфере конкуренции, с точки зрения принципа добросовестности?

Представление о добросовестности в контексте национальной культуры

Интересно, что «знает» наша культура о доброй совести и добросовестном поведении, как эти феномены представлены в коллективном сознании, языке, жизненном мире, повседневности? Словарь В.И. Даля определяет слово «добро» в духовном значении – как «благо, то, что честно и полезно, все, чего требует от нас долг человека, гражданина, семьянина» [5]. Слово «совесть» трактуется как «нравственное сознание, нравственное чутье или чувство в человеке; внутреннее сознание добра и зла; тайник души, в котором отзывается одобрение или осуждение каждого поступка; способность распознавать качество поступка; чувство, побуждающее к истине и добру, отвращающее от лжи и зла; невольная любовь к добру и к истине; прирожденная правда, в различной степени развития» [6]. «Это у меня лежит на совести» – сознаю себя должником, обязанным исполнить что-либо. «Надобно же и совесть знать» – на все есть мера. «Без зазрения совести» – не стесняясь, не смущаясь», не ведая стыда. Соответственно, добросовестность – это, с одной стороны, нравственное сознание добра, чести, истины (правды), долга по отношению к другим людям, с другой стороны, способность распознавать качество поступка, то есть умение анализировать, оценивать действия с точки зрения перечисленных ценностей.

Тот факт, что идея совести и принцип добросовестности в данном случае базируются на таких элементах, как нравы, сознание, чувство, любовь, чутье, создает множество сложностей для практического применения. Становится понятно, что, например, юристы, анализирующие практики добросовестного/недобросовестного поведения, имеют дело не столько с упорядоченным пространством человеческой рациональности, сколько с зыбкой и иллюзорной почвой нашей эмоциональности, интуиции, эмпатии, иррациональности. Всякая социокультурная среда «преломляется» во внутреннем мире человека и воспроизводится в виде индивидуальных поведенческих практик. Как измерить, сколько совести, совестливости, порядочности внутри нас, делимся ли мы этим капиталом совести с другими людьми и в какой мере, как соизмеряем чужую совестливость с собственными представлениями? Убеждение человека, что вот он-то поступает добросовестно, а другой – нет, базируется на его уникальных субъективных представлениях, и в силу разнонаправленности и несхожести человеческих миров привести все к общему знаме-

нателью в процессе взаимодействия, как правило, не просто.

С другой стороны, языковая культура содержит представления о чувстве долга по отношению к другим, необходимости действовать во благо, во имя добра, а не зла. Культурные общественные идеалы здесь очевидны, они базируются на религиозной, в частности христианской, этике. В нашем культурном арсенале есть мировая и национальная классическая литература, религиозная философия, разнообразные изящные искусства. Театр, литература и кинематограф советского периода, которые позиционировались как народные и в рамках, и вне идеологических рамок, также рефлексировали на темы добра, чести, истины и общественного долга. Но национальная культура, за немногочисленными яркими исключениями, исторически создавалась элитой и, выражаясь словами Ницше, оставалась «лишь тоненькой яблочной кожурой над раскаленным хаосом» [7]. Это не означает, что вне элиты не существовало и не существует национальной культуры и ориентиров добросовестности. Скорее, исторически «внеэлитарное» пространство оставалось *terra incognita*. И в каких проявлениях существовало добросовестное поведение в условиях многовековой несвободы русского крестьянского сословия? Не в форме воплощенных императивов государства, его правящих групп и репрессивного аппарата, а исходно, а затем и параллельно в виде органичных социальных практик, возникающих в процессе взаимодействия, согласования правил, свободного делового оборота.

Что представляет собой национальная культура в ее народном воплощении? В какой степени эта культура «пропитана» христианскими ценностями добра, чести, правды, долга, доброй совести? Что мы знаем доподлинно о русском крестьянском сословии, «в 1913 г. составлявшем более 80% подданных империи» [8, с. 284] и очень поздно получившем свободу, возможность относительно самостоятельного хозяйствования? Какие установки и практики определяли способы выживания и жизни в условиях несвободы, отсутствия прав и выбора, то есть возможности принимать решения? Историки констатируют факт исторической оторванности элиты от народа, народа от источников знания и просвещения, и даже Священное Писание «перевели на русский язык полностью лишь в 1876 г., годом позже, чем Марксов «Капитал», а духовенство и вовсе оказалось сословием общественно невостребованным» [8, с. 276]. В нашем распоряжении сегодня – определенные исторические факты, фольклор, идеалистиче-

ски-утопические представления славянофилов о русской крестьянской общине, примеры народного героизма в военное время, примеры дикости нравов, истории крестьянских бунтов, картины народного быта. Традиционный сельский мир русского крестьянского сословия кажется нам сегодня призрачным и иллюзорным и через это открытым для разного рода мифотворчества. С другой стороны, есть историко-социологические представления о традиционности, о правилах взаимоотношений между людьми в «досовременный» период. Это, в частности, патриархальность, иерархичность, статичность, боязнь перемен, приоритет физического труда над интеллектуальным. Можно предположить, что ключевым источником добросовестного поведения в органичном крестьянском мире была семейственность, клановость, общинность, то есть нравственное сознание правды и долга прежде всего по отношению к тем, кто являлся членом рода. В этом контексте заслуживает внимания такое понятие, как сословная мораль (например, «крестьянская мораль»), то есть те требования, которые определенная общность неформально предъявляла к своим членам.

В целом, юридическая оценка конкурентных отношений по критерию добросовестности (добропорядочности)/недобросовестности возможна на основе рассмотрения конкретных случаев и использования прецедентов. Однако продвижения здесь, т.е. сближения в режиме постоянно протекающей дискуссии архетипических и формально-юридических представлений о добросовестности, можно ожидать лишь постольку, поскольку и в сами эти дискуссии, и в процессы развития соответствующих норм права будут вовлекаться потребители, не связанные принадлежностью к официальным институтам правотворчества и правоприменения и способные выражать ценностное восприятие тех или иных ситуаций. Несомненно, сама эта дискуссия может стать действующим и действенным инструментом формирования новой деловой реальности, отличающейся балансом ценностных и материальных мотиваций и подходов, постольку, поскольку будет протекать в контексте соответствующего социального механизма.

Представление о добросовестной конкуренции: критерии разумности и справедливости

Представление о добросовестной конкуренции дополняется требованием соответствия практик идеям разумности и справедливости. Синонимами понятия «разумность» выступают такие фундаментальные категории, как здравый

смысл, рациональность. Рационализация (оптимизация) хозяйственных отношений, как показал Макс Вебер, исторически приводит к формированию «современного» капитализма. В определенный момент и экономическая наука утвердила человека в статусе Рационала. Как отмечается, 60–70-е гг. XX столетия в западных реалиях оказались периодом «экономического империализма» – «принципы, используемые при анализе рыночного обмена (баланс спроса и предложения), стали распространяться на другие сферы общественной жизни» [9, с. 19–21]. Общество, с этой точки зрения, выглядело как пространство, где солидарность поддерживается за счет взаимной выгоды, и не более.

Современная экономическая теория обращает серьезное внимание на иррациональные, или иррациональные, аспекты поведения людей на рынке. Признается, что радикальная модель, рассматривающая человека исключительно как эгоиста и оптимизатора, не отвечает всему разнообразию и сложности человеческих мотивов. В последние десятилетия были разработаны постулаты поведенческой экономики, в рамках которой исследуется, например, как работает фактор справедливости при формировании цены на рынке, действия какого рода в сфере бизнеса вызывают у простых людей реакцию на уровне «приемлемо» или сильные отрицательные эмоции (эффект «гауджинга»), насколько важен для компании или фирмы имидж справедливого игрока [10, с. 137–157]. Очевидное достоинство новых веяний в том, что поведенческая экономика, вступая в союз с психологией, внимательна к человеку и его чувствам, здесь нет попытки «подогнать» реальную жизнь под жесткую абстрактную схему. Исследователи ориентируются, в том числе, на анализ эмоций, эмоциональных реакций, формирующих удовлетворенность или неудовлетворенность потребителей, позволяющих и рационально, и интуитивно оценивать, справедливым или несправедливым является то или иное действие. Изучение реального поведения предпринимателей в западных реалиях подтверждает, что они в значительной степени стремятся к балансу между предложением и представлением клиентов о том, какой должна быть «справедливая цена». Такой подход мотивирует к взаимному доверию, культивирует уверенность в том, что «порядочность» как важнейшее человеческое качество существует и в сфере бизнеса. Игроки на рынке способны заботиться не только об эффективности, то есть максимизации прибыли, но и о «результативности, понимаемой как реализация целевых потребительских интересов» [11, с. 14–17], в круг которых входят и такие

понятия, как добросовестность и справедливость. Теория организации также обогащается представлением о том, что в процессе целеполагания правильным оказывается видение, ориентирующее сотрудников не на прибыльность как таковую, а на высокий уровень обслуживания клиентов: «и не правы циники: большинство из нас получают моральное удовлетворение, помогая другим» [12, с. 93].

Конечно, все это необходимо рассматривать с определенными оговорками. Речь идет о «передовой западной теории», теоретической модели, пусть даже построенной на основе практики. Отечественная практика – это специфическая реальность, хотя для объективного анализа здесь необходимы соответствующие исследования. Чем руководствуются предприниматели, определяя цели своей деятельности или говоря об интересах клиентов?

Как отмечается, даже идеи классиков политэкономии эпохи Просвещения не представляют собой радикальную «апологию рынка». Для А. Смита и Д. Юма рынок был предметом веры, а не «мерой всех вещей». «Необходимым связующим звеном цивилизованного общества в процессе экономического преобразования Смит и Юм считали добронравие и прочные моральные устои... Люди, считал Адам Смит, руководствуются стремлением к безопасности и наличию хорошего правительства, каковое стремление не может быть сведено к преследованию чисто эгоистических интересов. Напротив, как показал Николас Филлипсон, Смит выделял в людях «эстетическое чувство», которое побуждало стремиться к порядку и удобству ради них самих, и именно такое «поведение Смит в один из моментов поэтического вдохновения приписал действию невидимой руки» [13, с. 137]. Соответственно, поведение индивидов на рынке теоретически определяется не только рациональностью, но и «добронравием», даже «эстетическим чувством». В этом видении экономист родом из XVIII столетия парадоксальным образом пересекается с литератором XX века Иосифом Бродским: «Всякая новая эстетическая реальность уточняет для человека реальность этическую. Ибо эстетика – мать этики; понятие «хорошо» и «плохо» – понятия, прежде всего, эстетические, предваряющие категории «добра» и «зла». Любопытно, что, с точки зрения Бродского, эстетика и этика произрастают из «частности человеческого существования» [14].

Идеи, представленные Адамом Смитом в работе «О природе и причине богатства народов», сбалансированы с подходами, обоснованными в труде «Теория нравственных чувств». Показательно, например, что оба произведения в нача-

ле текущего столетия приобрели популярность среди правящей элиты такого государства, как Китай, реализующего переход от плановой экономики к рынку. Люди, определяющие будущее страны, связали рыночные преобразования не только с действием «невидимой руки» рынка, но и с «рукой морали» [15, с. 281].

Но что в данном случае подразумевается под «рукой морали»? Это словосочетание связывается с категорией справедливости. И добросовестное поведение в данном случае можно ассоциировать со справедливым поведением. Именно справедливость, по Адаму Смигу, «представляет главную основу общественного устройства. Если она нарушается, то громадное здание, представляемое человеческим обществом, воздвигаемое и скрепляемое самой природой, немедленно рушится и обращается в прах...»; «законы справедливости суть единственные нравственные правила, отличающиеся строгостью и точностью, ...их можно сравнить с правилами грамматики...» [15, с. 282–283].

Требование справедливости как критерий оценки добросовестности конкуренции, помимо вышесказанного, может базироваться еще на одной теоретической модели – это когнитивная мотивационная теория справедливости Дж. Стейси Адамса [16, с. 29–36]. Адамс показал, что люди оценивают, сколько труда они вложили в то или иное дело, а затем сравнивают вознаграждение со стороны работодателя с вознаграждением других работников, выполнивших равноценную работу. Если в результате сопоставления человек приходит к выводу, что его вклад оценен недостаточно, он интерпретирует это как ситуацию несправедливости. Теория Адамса в целом подтверждает, что категория справедливости является крайне значимой, практической, а стремление к «восстановлению справедливости» – один из важнейших универсальных мотивов человеческой деятельности. Те же потребители на рынках товаров и услуг могут оценивать ценовую политику хозяйствующих субъектов как несправедливую, и эта ситуация неудовлетворенности выступает как сигнал о нарушении норм добросовестной конкуренции.

Роль потребителей в формировании правил поведения (обычаев делового оборота, деловой культуры) участников рынка

Какие именно *правила поведения* в области предпринимательства сегодня могут претендовать на статус «обычаев делового оборота» и каковы факторы их формирования? Очевидно,

если речь идет о продолжительности и постоянстве, то это должны быть такие правила и практики, которые прошли «испытание временем». Современный российский предпринимательский класс исторически существует непродолжительное время, но их поиск возможен, даже если эти практики еще не приобрели институционального, масштабного характера.

В качестве одного из факторов, определяющих формирование обычаев делового оборота, можно рассматривать *удовлетворенность потребителей*. Это та «лакмусовая бумага», которая позволяет оценить, в какой степени та или иная фирма уже сформировала правила, ориентированные на укрепление ее деловой репутации. Вместе с тем обеспечение удовлетворенности потребителя – это сегодня и требование, предъявляемое законодательством (Указ Президента РФ от 21.12.2017 № 618 и иное) не только к рыночным, но и к регулятивным структурам.

Потребители как относительно независимые участники процесса являются уникальным источником информации о том, как «ведет» себя хозяйствующий субъект на рынке, принимает ли он во внимание интересы других сторон. Показательной здесь является активность потребителей в деле защиты своих прав, поскольку адекватно сформулированная претензия к продавцу товара или услуги может лежать в основе формирования соответствующих правил. Этот тезис можно проиллюстрировать данными социологического исследования «Мониторинг удовлетворенности потребителей качеством товаров и услуг на товарных рынках и состоянием ценовой конкуренции в Нижегородской области» (2015–2019 гг.). В ноябре 2018 г. специалисты кафедры социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования совместно с сотрудниками научно-образовательного центра исследований социальных систем факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского провели очередной сбор данных по вопросам удовлетворенности потребителей качеством товаров и услуг на товарных рынках региона и состоянием ценовой конкуренции. Было опрошено 3000 респондентов по Нижегородской области. Так, отвечая на вопрос: «Как Вы оцениваете защиту прав потребителей в вашем районе?» – респонденты наиболее часто выбирали вариант «удовлетворительно», за ним следует оценка «хорошо», что свидетельствует о склонности граждан замечать положительные моменты в сфере защиты прав потребителей. В то же время вариант «низко» встречается чаще, чем вариант «отлично», следовательно, проблема неудовлетворенности граждан в данном вопросе существует, она актуальна и требует вни-

мания со стороны государства и общества. Оценка «очень низко» занимает последнюю строчку в рейтинге ответов – случаев радикального недовольства не так много. Особую группу формируют респонденты, которые затруднились дать оценку ситуации, что вызывает вопрос о причинах подобных трудностей. Хотя баланс оценок можно охарактеризовать как положительный, прослеживается снижение у потребителей ощущения защищенности своих прав, что обусловлено не только спецификой ситуации в данной сфере, но и снижением удовлетворенности потребителей при оценке социально-экономической ситуации в целом, общим ухудшением социально-психологического самочувствия населения.

Среди опрошенных преобладают те, кто не имеют личного опыта защиты своих прав как потребителя (83%). В данном случае возникает вопрос, как соотносятся в этих периодах доминирование варианта «удовлетворительно» при оценке защиты прав потребителей в районе и отсутствие соответствующего личного опыта у значительной части респондентов. Вероятно, в этом случае оценки даются скорее не на основании индивидуальных практик, а за счет общих представлений о текущей ситуации. С управленческой точки зрения, речь может идти о стимулировании активности граждан по вопросам защиты своих прав как потребителей, о формировании правовой культуры населения и мониторинге качества правовой защиты.

Наличие личного опыта по защите своих прав как потребителя позволило респондентам дать оценку успешности собственных действий. В рейтинге ответов на вопрос: «Как Вы оцениваете успешность Ваших действий?» – в период 2015–2018 гг. лидирует вариант «полностью удалось», например в 2016 г. почти половина респондентов заявила о позитивном опыте решения проблемы. Обращает на себя внимание, что в 2018 г. более половины опрошенных затруднились дать ответ на соответствующий вопрос, что, по-видимому, связано с низкой долей лиц, имеющих собственный опыт защиты потребительских прав. Но те, кто отстаивают свои права, очевидно, добиваются результата: второе место в рейтинге занимает вариант «частично удалось». Негативный опыт тоже имеет место, самые высокие показатели здесь относятся к 2015 и 2016 г. Определенная часть граждан заявляет, что их «вопрос завис на рассмотрении», и эти случаи бюрократических затруднений тоже требуют особого внимания со стороны органов власти. В целом, тенденцию разрешения спорных ситуаций в пользу потребителей товаров и услуг на рынках можно считать устойчи-

вой на общем фоне не столь высокой личной активности граждан в данной сфере. Соответственно, если сами потребители смогут более интенсивно реагировать на любые проявления недобросовестности со стороны продавцов товаров и услуг, это будет способствовать выработке позитивных правил поведения в сфере конкуренции.

В каких еще локальных сетях возможно формирование и поддержание обычаев делового оборота? Экономическая социология обращает внимание на предпринимательские сети, которые образуют этнические группы со своим специфическим культурным капиталом, а также структурные конфигурации, состоящие из сетей фирм [9, с. 39–47]. Во втором случае речь идет не только о бизнес-группах (наподобие российской X5 Retail Group), но и о конкурирующих между собой хозяйствующих субъектах, не осуществляющих прямые экономические транзакции друг с другом. Данные сети «возникают в результате постоянного наблюдения (мониторинга) за действиями фирм, поставляющих те же или сходные продукты и услуги. Здесь ключевым является принцип структурного соответствия и структурной эквивалентности в соотношениях объема – цены – качества продуктов и услуг, а рынок определяется как сложный сигнальный механизм, который помогает фирмам выбрать и обустроить ниши, выстроить их в отраслевой рынок» [17, с. 1–5]. Наличие подобных сетей стимулирует интенсивное развитие малых фирм, жесткую конкуренцию между ними, активный обмен знаниями и информацией и, по всей видимости, формирование обычаев делового оборота. Добросовестность деловых практик подобных сетей косвенно можно оценить, анализируя удовлетворенность потребителей качеством и ценами товаров и услуг на различных рынках. Так, в рамках упомянутого исследования ««Мониторинг удовлетворенности потребителей...» оценивалась удовлетворенность респондентов услугами естественных монополий, и данные 2019 г., как и в 2018 г., показали высокий уровень неудовлетворенности ценами при высоком уровне удовлетворенности качеством. Однако ближе всего к балансу цены и качества услуг оказались продавцы услуг связи (половина респондентов «скорее удовлетворена» ценами, и более половины опрошенных «скорее удовлетворены» качеством). Такие оценки можно объяснить тем, что конкуренция в виде здорового соперничества на рынке услуг связи (телекоммуникаций) в определенной степени существует, идет соревнование за клиента, вырабатываются некие правила, компании предлагают целый ряд интересных

тарифов, которые, в том числе, помогают рядовому потребителю экономить средства.

Соответственно, актуальная «задача» современных локальных рынков – это выработка внутри « сетевого скелета » адекватных правил поведения (регулятивных принципов) и способов поддержания данных правил. Рынок, как объясняют экономсоциологи, – это институционально оформленное пространство, которое может быть проанализировано с точки зрения различных теоретических подходов (например, теории «организационных полей» или экономической теории конвенций). Интересной в контексте российских реалий является тема соотношения «социальных миров», так как теоретически «рыночному миру» (жесткому и прагматичному) противостоят миры индустриальный, домашний, гражданский, со своими ценностными приоритетами и специфическим мировоззрением представителей. Рыночный порядок претендует на универсальность, но может существовать благодаря достижению компромисса с нерыночными порядками. Можно предположить, что российская история второй половины XIX – начала XX столетия продемонстрировала конфликт между миром рыночным и традиционным, и точно такая же ситуация дисбаланса характерна и для современной России. Выработка правил взаимодействия и балансирования между рыночными и нерыночными интересами общества – одна из актуальных задач, которую может решать государство совместно с бизнесом и гражданскими структурами.

Процесс продуцирования правил, обычаев делового оборота формирует хозяйственную культуру общества, которая определяется как совокупность накопленных профессиональных знаний и навыков, сформированных хозяйственных норм, ценностей и символов, используемых значений и смыслов. Для исследования рынков как культур широко применяются более «мягкие» этнографический и исторический подходы.

Такова краткая теоретическая характеристика перспективных направлений исследования социокультурных оснований добросовестного поведения в сфере конкуренции. Практики добросовестной конкуренции нуждаются в изучении, чтобы данный анализ сыграл роль в их институционализации. Интересной задачей становится определение социокультурных барьеров и ресурсов, систематизация факторов. Каждый из критериев, предложенный отечественным законодательством для рассмотрения понятия добросовестности, является сложным, несет богатую смысловую нагрузку и имеет социокультурную специфику, исторический «бэкграунд».

Одна из ключевых управленческих задач государства – стимулирование примеров нормативного поведения в сфере конкуренции и подробный анализ, профилактика случаев недобросовестности. Очевидно, что внимание государства к глубинным факторам, формирующим поведение людей в сфере конкуренции, делает управленческие практики более осознанными, «мягкими», гибкими, справедливыми.

Закрепление правил – это сфера ответственности государства и его элиты. Сегодня отношения между обществом и элитой несбалансированны. Ключевые принципы добросовестности важно декларировать и встраивать в систему, формируя нормативные модели добросовестного поведения.

В этом плане позитивными можно считать некоторые изменения, внесенные в последнее время в отечественное законодательство. Так, в указе «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» присутствуют определения, которые отвечают базовым гуманистическим ценностям. В частности, речь идет о «повышении ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет (к 2030 – до 80 лет)», «обеспечении устойчивого роста реальных доходов граждан, а также роста уровня пенсионного обеспечения выше уровня инфляции», «снижении в два раза уровня бедности в Российской Федерации» [18].

Согласно Указу Президента РФ от 21 декабря 2017 г. № 618 «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции», одной из первоочередных целей совершенствования данной политики является «повышение удовлетворенности потребителей за счет расширения ассортимента товаров, работ, услуг, повышения их качества и снижения цен» [19].

Система комплаенс как стимул добросовестной конкуренции

В данный момент мы находимся также на начальных этапах институционализации системы *комплаенс* (в феврале 2020 г. депутаты Госдумы РФ приняли поправки в ФЗ «О защите конкуренции»), что может стать стимулом добросовестной конкуренции [20]. *Комплаенс* – относительно новое явление в отечественных реалиях, поэтому перед представителями российских органов власти, бизнеса и науки стоит актуальная задача всестороннего рассмотрения его составляющих, функционала. Институт *комплаенса* – это, в значительной степени, продукт западной рыночной цивилизации, а РФ, говоря образно, «приобретает авторские права» на

ценное изобретение, собираясь использовать его в своих интересах. Категорию «*комплаенс*» можно рассматривать в более узком и более широком значениях. Согласно ФЗ «О защите конкуренции», *комплаенс* – это «система внутреннего обеспечения соответствия (деятельности организации. – *Прим. авт.*) требованиям антимонопольного законодательства» [21]. Иными словами, это свод формальных правил/ограничений «что можно – что нельзя», согласованных компанией с государством и обязательных для исполнения. В более широком смысле система соответствия требованиям законодательства, помимо формальных правил, дополняется еще и неформальными нормами, складывающимися и функционирующими во всякой организации. Если в узком значении *комплаенс* является предметом рассмотрения права, в широком смысле *комплаенс* – это междисциплинарная сфера интереса, так как здесь *комплаенс* оказывается частью организационной культуры, ориентированной, помимо прочего, на ответственную профилактику рисков. А организационная культура формируется под влиянием целого ряда внешних и внутренних факторов.

Антимонопольный *комплаенс* для предпринимателей носит добровольный характер, то есть представители бизнеса свободны в своем выборе – внедрять или не внедрять корпоративную систему *комплаенса*. В то же время ее разработка даст компании определенные преимущества. Законом определен и алгоритм взаимодействия бизнеса с Федеральной антимонопольной службой России при реализации *комплаенс-системы*. Успех институционализации *комплаенс-системы* сегодня, по всей видимости, зависит от того, в какой степени органы власти и экспертное сообщество смогут убедить отечественных предпринимателей в жизненной необходимости применения рассматриваемой модели в их организациях. Критики инновационной модели отмечают, что антимонопольное регулирование в нашей стране остается крайне неопределенным, *комплаенс* может привести к снижению конкурентоспособности компании в том случае, если компания ведет себя честно, а ее конкурент – нет, *комплаенс* рассматривается, в том числе, как «дань западной моде», и не более. Все это, помимо выгод, о которых говорят эксперты, может стать препятствием процесса институционализации системы *комплаенса* в нашей стране [22].

Возможно, что благое дело повсеместного внедрения инновации в российских реалиях может быть заторможено наличием целого ряда барьеров, средовых и организационных. В за-

падном мире институт комплаенса появился не только как следствие государственной директивы, но и как явление органичное, «выросшее» с течением времени в недрах рыночной конкурентной экономики, как потребность компаний вовремя профилировать риски, чтобы не пострадать в сложный момент. Возникает вопрос, что нужно для того, чтобы эта потребность появилась у отечественных компаний, ведь то, что навязывается со стороны, может восприниматься негативно. Как заинтересовать бизнес на добровольных началах? Каким должен быть уровень развития, характер национальной экономики и правовой системы, чтобы мы могли заимствовать «продукт», появившийся в конце прошлого столетия в США, и превращать его в элемент нашей традиции? Каковы риски «отторжения» при «пересадке»? Как само государство демонстрирует культуру комплаенса?

Сегодня мы только формируем нормативное представление о комплаенсе как о системе, состоящей из различных элементов, выполняющих конкретные функции. Поскольку общество и государство заинтересовано в институционализации норм и практик комплаенса, стоит говорить о популяризации соответствующих идей. Но что именно стоит популяризировать? Как «зацепить» сознание тех, кому адресовано сообщение? Каково смысловое ядро определения комплаенса как «системы внутреннего обеспечения соответствия требованиям законодательства»? Имея в виду антимонопольное законодательство, стоит отметить, что основной смысл раскрыт в ФЗ № 135 «О защите конкуренции». Создавать внутри организации систему комплаенса нужно, чтобы конкурировать добросовестно, исключить недобросовестность, то есть не допускать таких действий, которые направлены на получение преимуществ и противоречат не только закону, но и обычаям делового оборота, требованиям добропорядочности, разумности и справедливости, причиняют убытки другим хозяйствующим субъектам, в том числе наносят вред их деловой репутации.

Соответственно, комплаенс – это не только профилактика риска нарушить антимонопольное законодательство, но и риска – хотя бы и против своего желания – оказываться нечестным, недобросовестным, манифестация того принципа, что быть честным при взаимодействии с государством и конкурентами, а также с клиентами так, чтобы потребители были удовлетворены, – необходимо, важно и полезно. Удовлетворенность человека и благополучие общества, общественное благо, в конечном итоге, оказываются ключевыми ценностями и целями комплаенса. За неизбежным формализмом

нормативных определений и бюрократических отчетов скрываются простые человеческие этические понятия и основополагающие цели функционирования государства. Традиционно эти понятия гораздо в меньшей степени декларируются в рамках официальных встреч, они завуалированы, а в нашем сознании занесены, как город снегом, чем-то иным. Представители муниципальных органов власти испытывают, скорее, растерянность и озабоченность в связи с новыми директивами о необходимости интенсивного внедрения системы комплаенса. Представления о добропорядочности, разумности и справедливости, обычаях делового оборота делают тему комплаенса более масштабной, дополняя ее проблемами национальной и организационной культуры, этоса бизнеса и этоса органов власти, корпоративной этики. Становление института комплаенса в нашей стране, по видимому, будет обусловлено тем, в какой степени представителям различных социальных групп и страт удастся договориться о «правилах игры», правилах *fair play* в различных сферах. Получится ли создать перечень ограничений, отвечающих указанным этическим принципам, следовать формальным договоренностям, укоренить и масштабировать практики профилактики рисков нарушения законодательства на национальной «почве»?

Заключение

Актуальные изменения, закрепляемые указанным выше профильным законодательством, отражают новую стратегию государства, призванную совместить приоритеты эффективности и результативности с этичностью и социокультурной детерминированностью подходов в политике регулирования и функционировании экономики. Императив полноценного учета представлений и ожиданий потребителей на рынках символизирует более прогрессивный подход государства к построению социально-рыночной модели экономики, которому еще предстоит обрести конкретные черты в форме соответствующего целостного социального механизма, интегрирующего рыночное регулирование и практики национального, регионального и местного уровня. Дальнейшие исследования в данном направлении представляют собой актуальную задачу.

Список литературы

1. Уолцер М. О терпимости. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. 160 с.
2. Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26.06.2006 № 135-ФЗ. Статья 1. Предмет и цели

настоящего ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/ (дата обращения: 12.04.2020).

3. ГК РФ. Статья 5. Обычаи. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51 ФЗ (ред. от 16.12.2019). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/585de80c7025af76bccaf43322ef6bc8f2817fd/ (дата обращения: 12.04.2020).

4. Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательного права // «Center Bereg». Юридический портал. URL: <http://center-bereg.ru/b13498.html> (дата обращения: 12.04.2020).

5. «Добро». Толковый словарь В.И. Даля // Портал «Gufo.me». URL: <https://gufo.me/dict/dal/добро> (дата обращения: 12.04.2020).

6. «Совесть». Толковый словарь В.И. Даля // Портал «Gufo.me». URL: <https://gufo.me/dict/dal/совесть> (дата обращения: 12.04.2020).

7. Ницше Ф. «Злая мудрость. Афоризмы и изречения». URL: <https://www.litmir.me/br/?b=252402> (дата обращения: 12.04.2020).

8. Сергеев С.М. Крестьянство // В кн.: Русская нация, или Рассказ об истории ее отсутствия. М.: Центрполиграф, 2017. 575 с.

9. Радаев В.В. Общие понятия рынка и конкуренции // В кн.: Социология рынков: к формированию нового направления. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 328 с.

10. Талер Р. Новая поведенческая экономика: почему люди нарушают правила традиционной экономики и как на этом заработать. М.: Эксмо, 2018. 384 с.

11. Рятов К. Секреты развития. М.: Интеллектуальная литература, 2016. 168 с.

12. Коттер Д. Суть перемен. Невыдуманные истории о том, как люди изменяют свои организации: Пер. с англ. М., 2017. 256 с.

13. Стедмен-Джоунз Д. Рождение неолиберальной политики: от Хайека и Фридмена до Рейгана и Тэтчер. М., Челябинск: Социум; Мысль, 2017. 522 с.

14. Бродский И.А. Нобелевская лекция. URL: <http://lib.ru/BRODSKIJ/lect.txt> (дата обращения: 12.04.2020).

15. Коуз Р., Ван Н. Как Китай стал капиталистическим. М.: Новое издательство, 2016.

16. Жданкин Н.А. Мотивация персонала. Измерение и анализ. М.: Финпресс, 2018. 304 с.

17. Вступительное слово главного редактора // Экономическая социология. Электронный журнал. 2008. Т. 9. № 1. С. 5–7.

18. Президент подписал Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». 7 мая 2018. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/57425> (дата обращения: 12.04.2020).

19. Указ Президента РФ от 21 декабря 2017 г. № 618 «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции». URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1156441/> (дата обращения: 12.04.2020).

20. Вступили в силу поправки о системе антимонопольного комплаенса в организациях // Гарант. 12 марта 2020 г. URL: <https://www.garant.ru/news/1331421/> (дата обращения: 12.04.2020).

21. Федеральный закон от 31.03.2020 № 33-ФЗ «О внесении изменений в ФЗ «О защите конкуренции» // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/73684041/> (дата обращения: 12.04.2020).

22. Материалы Международной научно-практической конференции «Комплаенс как система управления рисками: российский и европейский опыт» (Красногорск, Москва, 12–13 ноября 2019 г.). URL: <https://mgou.ru/94510> (дата обращения: 12.04.2020).

THE ORIGINS OF FORMING PRACTICES OF FAIR COMPETITIVE BEHAVIOR IN MODERN RUSSIA: A THEORETICAL ANALYSIS OF SOCIO-CULTURAL BASES

M.L. Teodorovich, Y.L. Sofronova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The principle of fair competition is one of the key criteria for a socially oriented economy, with the help of which it is possible to study and evaluate current practices in the field of market relations. Fair competition is a legal category, while the Civil Code of the Russian Federation connects it in meaning with a number of socio-philosophical, socio-psychological, ethical concepts, for example, this is the concept of justice, so the question arises how to evaluate the honesty / dishonesty of players' behavior on the market in different cases. What is fair and what is not? To understand the "origin" of categories such as business customs, the requirements of integrity, reasonableness and justice, a theoretical analysis of their sociocultural foundations is needed. The article, based on an appeal to national-cultural and scientific sources, provides diverse meanings and meanings of the categories mentioned. In addition, we are talking about those social spaces and structures within which, from the point of view of institutional economic theory, the formation and consolidation of bona fide competitive practices takes place. So, an incentive to conscientious behavior of sellers of goods and services in the markets, to ensure a balance of economic efficiency and social justice is the activity of consumers to protect their rights. For the development of new rules of conduct and the institutionalization of fair competition, joint efforts of the state and all major players in the market are necessary.

Keywords: fair competition; socially oriented economy; business customs; consumer rights protection; criteria of reasonableness and justice; customer satisfaction.

УДК 316; 314.12

DOI 10.52452/18115942_2021_1_73

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ МНОГОДЕТНЫХ СЕМЕЙ (КЕЙС РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)

© 2021 г.

Ч.И. Ильдарханова, А.А. Ибрагимова

Ильдарханова Чулпан Ильдусовна, д.соц.н.; директор Центра семьи и демографии
Академии наук Республики Татарстан, Казань
Idarhanova.Chulpan@tatar.ru

Ибрагимова Алиса Ахтямовна, к.соц.н.; ведущий научный сотрудник
Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан, Казань
alisa.garifullin@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 05.11.2020**Статья принята к публикации 27.01.2021*

Актуальность исследования многодетных семей обусловлена демографической тенденцией снижения рождаемости в Российской Федерации в целом и регионах, что может привести к демографической яме. За 2015–2019 гг. суммарный коэффициент рождаемости в Республике Татарстан по отношению к каждому предыдущему году имел только отрицательный показатель и снизился с 1.9 до 1.5. Однако выявлена тенденция увеличения рождения третьих и последующих детей. В Республике Татарстан данный показатель с 2017 г. по 2018 г. вырос на 4.92%, с 2018 по 2019 г. – на 1.74%. Цель работы – выявить основные индикаторы качества жизни многодетной семьи. Информационную базу исследования составляют социологические исследования Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан – «Трудовая занятость в структуре репродуктивно-родительских стратегий современной женщины в Республике Татарстан», «Мужчины и дети», «Демографическое самочувствие Татарстана», ВЦИОМ – «Цветы жизни, или Сколько детей нужно для счастья?», а также данные Росстата и Татарстанстата. Для обработки результатов исследования использовались статистические методы: частотный анализ, дисперсионный анализ, критерий χ^2 . Выявлены индикаторы качества жизни многодетных семей на основе выделения трех основных базовых потребностей. Определена корреляционная связь между количеством детей в семье и временем общения отцов с детьми после окончания рабочего дня: многодетные отцы в большей степени проявляют желание и инициативу участия в жизни детей. Рассмотрены основные меры поддержки семей с детьми, особенно многодетных семей. Результаты проведенных исследований позволяют глубже понять современные потребности многодетных семей в рамках общественной и государственной поддержки.

Ключевые слова: рождаемость, многодетная семья, качество жизни, репродуктивное намерение, индикаторы.

Снижение рождаемости с 2015 по 2019 г. в Республике Татарстан обусловлено уменьшением количества как первых, так и вторых детей. По данным Татарстанстата, по очередности рождения у матери за год с 2018 по 2019 г. рождаемость снизилась на 7.7%, за два года с 2017 г. – 11.7% [1, с. 43–46]. Особенно эта проблема актуальна в период эпидемиологического кризиса 2020 г. Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС провел с марта по май 2020 г. телефонный опрос россиян «Человек, семья и общество», в котором были заданы вопросы, затрагивающие тему репродуктивных намерений населения. На основе полученных данных провели сравнения с результатами трехлетней давности и выявили «значительное падение числа желающих иметь в будущем детей, в том числе среди бездетных; а также усиление субъективных оценок значимости материальных условий для принятия решения о рождении ребенка» [2]. Современная ситуация в контексте рождаемости приведет к паузе рож-

дений, и такой провал в регионах Российской Федерации можно ожидать с декабря 2019 г. и до конца первого полугодия 2021 г. Конечно, в течение определенного периода деторождение стабилизируется, но длительность данного процесса зависит от глубины последствий пандемии. На основе результатов исследования была осуществлена классификация эффектов, которые могут оказывать влияние на репродуктивное намерение населения: непосредственно эпидемиологическое, экономическое, социальное и психологическое.

Несмотря на это, наблюдается весьма позитивная тенденция роста рождаемости троих и более детей в Российской Федерации, что является противоположностью общему тренду. Заметно увеличилось число регионов Российской Федерации, в которых повысилась рождаемость третьих и последующих детей на фоне сокращения рождаемости первых и вторых детей. Ближайшее следствие этой тенденции – рост числа многодетных семей и увеличение доли

детей, рождающихся в таких семьях [3]. Количество рождений трех и более детей выросло в 2018 г. по сравнению с предыдущим годом в 64 регионах Российской Федерации против 35 в 2017 г. [4]. Среднее по регионам изменение рождаемости третьих и последующих детей в 2018 г. составило +2.77% по сравнению с -0.61% в 2017 г. В 2019 г., по данным Росстата, во всех регионах Российской Федерации отмечен рост рождений третьих и последующих детей [5]. В Республике Татарстан данный показатель с 2017 г. по 2018 г. вырос на 4.92%, с 2018 по 2019 г. – на 1.74%. В муниципальных районах Татарстана доля многодетных семей выше, чем в городских округах. Например, по данным Татарстанстата [1], в Алексеевском муниципальном районе третьи и последующие дети в общем объеме новорожденных составили почти 34%, в Муслюмовском – 33%, в Кайбицком – 32%, а в городских округах Казань и Набережные Челны – 17% и 19% соответственно.

По состоянию на 1 января 2019 г., по данным органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, численность многодетных семей составляет 1.76 млн семей, в которых воспитывается 5.6 млн детей. В среднем в российских многодетных семьях воспитываются 3.2 ребенка. В Республике Татарстан за 9 месяцев в 2020 г. (с января по сентябрь) количество многодетных семей выросло на 1.7% с показателя 39164 до 39836 семей. С 2015 г. по сентябрь 2020 г. рост многодетных семей составил 25%. За данный период среднее число детей в многодетных семьях осталось на прежнем уровне – 3.2. Снижение количества многодетных семей наблюдается в Аксубаевском, Актанышском, Алькеевском, Арском, Дрожжановском, Лениногорском, Рыбно-Слободском, Спасском и Черемшанском муниципальных районах, они составляют 21% территории всех муниципальных районов Республики Татарстан.

В Указе Президента РФ от 5 мая 1992 г. № 431 «О мерах по социальной поддержке многодетных семей», принятом с целью проведения целенаправленной и адресной политики в условиях либерализации цен, одной из задач являлось определение категории семей, которые относятся к многодетным [6], в соответствии с чем каждый субъект РФ получил возможность самостоятельно определять характеристики многодетных семей. В соответствии со статьей 150 Семейного кодекса Республики Татарстан, многодетная семья представляет собой семью, которая имеет в своем составе троих и более детей в возрасте до 18 лет, в том числе усыновленных. Данное определение многодетных семей принято во многих регионах страны. Но стоит отметить,

что минимальное количество детей может колебаться от 3 до 5 детей в максимальном возрасте от 16 до 23 лет [7] (но при этом ребенок должен учиться или служить в армии по призыву).

Многодетные семьи составляют 16% от категорий семей с детьми, относящихся по экономическому положению к бедным. Мнение эксперта – председателя региональной общественной организации «Многодетные семьи Республики Татарстан» А.В. Кузнецова: «... маме с тремя детьми практически невозможно работать полный день, остается лишь один кормилец в семье – папа. Рождаемость будет повышаться, когда есть уверенность в завтрашнем дне, стабильность, условия для создания многодетной семьи, в том числе и жилищные, финансовые. Здесь, как у садоводов, главное – создать благодатную почву. Тогда и урожай будет».

Обзор литературы. Феномен многодетной семьи в аспекте оценивания путей и средств развития человеческого капитала изучали Г.А. Банных, С. Костина, А. Кузьмин [8], которые систематизировали информацию об особенностях влияния многодетной семьи на развитие человеческого капитала и выявили основные факторы, по которым можно измерить вклад многодетных семей в человеческий капитал. По их мнению, главным конструктивным фактором формирования и развития человеческого капитала являются устойчивые ценностные ориентации и мотивация родителей по отношению к детям. Этот фактор, в свою очередь, существенно зависит от государственных условий поддержки многодетных семей. Основными негативными факторами, влияющими на развитие человеческого капитала, являются ориентации родителей на материальные ценности (в том числе отношение к детям как к источнику доходов/расходов).

Многодетное родительство рассматривается как осознанное социальное явление, которое формируется посредством таких факторов, как потребность родителей в самореализации, индивидуальная направленность личности на рождение и воспитание детей, низкая степень выраженности у индивидов мотивов ограничения числа детей и рациональное планирование большего их числа, связанное с наличием достаточного уровня материального благополучия и поддержки со стороны близких родственников и членов семьи (А.А. Ибрагимова, С.Н. Испулова [9]).

Другие исследователи изучают сложности многодетной семьи, рассматривая их в качестве социально-экономической категории семей, которая сталкивается с различного рода проблемами, мешающими их нормальному функционированию (П.А. Чукаев и Л.И. Уханаева,

Е.Г. Азарова [10]). Выделяют типологию многодетных семей: 1) сознательная многодетность, 2) рождение общего ребенка в повторном браке отца или матери при наличии других детей и 3) неблагополучные многодетные семьи. Именно с третьей группой многодетных семей, по их мнению, обществу приходится чаще всего сталкиваться.

И.В. Карданова, проведя большую работу по изучению понятия «многодетная семья» в ракурсе предоставления государственной поддержки, дает собственное авторское определение, под которым понимается «семья, состоящая из совместно проживающих родителей (усыновителей), которые воспитывают четырех и более детей (родных, усыновленных) в возрасте до 18 лет (учащихся по очной форме обучения – до окончания ими учебного заведения, но не старше 23 лет)» [11]. Многодетной считается и семья с одним родителем или усыновителем при наличии в семье трех и более детей.

Анализ научной литературы по тематике исследования выявил, что достаточно редко можно встретить работы, посвященные изучению третьих и последующих рождений [12], а исследования больших семей (6 и более детей) и вовсе являются исключением [13].

В процессе изучения многодетных семей возникает необходимость раскрытия индикаторов качества жизни данной категории семей. Исследователи, занимающиеся проблемой категоризации качества жизни, по-разному подходят к данному вопросу [14–16]. В психологии и социальной психологии особое внимание уделяют изучению аффективных и когнитивных структурных компонентов качества жизни [17]. В социологии и экономике [18] особую роль занимают такие инвэйронментальные индикаторы, как уровень материального достатка (доходы), качество продуктов, доступность медико-социальных учреждений, образовательный уровень и т.д.

Наиболее широкое освещение проблема качества жизни получила в социологии [19; 20]. Социологический подход позволяет комплексно рассматривать: 1) экономические показатели (уровень жизни), влияющие на характеристики жизнедеятельности населения; 2) характерные особенности повседневной деятельности (образ жизни); 3) формирование и утверждение нормативно-ценностной системы населения, направленной на созидание, на пользу общества и личности (духовность), а также изучать перечисленные феномены на микро-, мезо- и макроуровнях.

Существуют различные варианты оценки качества жизни населения по различным параметрам, которые можно применить относительно критериев семьи. Выделяются объективные,

субъективные и интегральные индикаторы качества жизни населения [21; 22].

Научная школа Института комплексных стратегических исследований включает в качество жизни следующие параметры: благосостояние; доступность и качество образования; доступность медицинской помощи и состояние здоровья; доступность жилья и качество жилищных условий; состояние социальной среды [23]. В методику формирования интегрального показателя качества жизни населения (А.П. Егоршин, А.К. Зайцев [24]) включены четыре показателя: финансово-экономические; медико-экологические; показатели материального благосостояния; показатели духовного благосостояния. По методике С.А. Айвазян [25] интегральный индикатор качества жизни должен включать в себя основные критерии: качество населения (свойство воспроизводства и физического здоровья, способность образовывать и сохранять семью, образование и культура, уровень квалификации); благосостояние населения (реальные доходы и расходы, обеспеченность жильем и собственностью, обеспеченность мощностями инфраструктуры общества); качество социальной сферы (условия труда, физическая и имущественная безопасность, характеристики социальной патологии, характеристики социальной и территориальной подвижности населения, социально-политическое здоровье общества); качество экологической ниши; природно-климатические условия.

Р.М. Нугаев и М.А. Нугаев [26] выделили взаимосвязь качества жизни с личностным статусом и ценностями индивидов. Статусные индикаторы, имеющие отношение к качеству жизни, состоят в доходе, занятости, образовании, возрасте, гендере, брачном статусе, национальности, месте проживания (город–село), здоровье, внешности.

В структуре качества жизни современной сельской семьи научная школа Центра семьи и демографии АН РТ (Ч.И. Ильдарханова, А.А. Ибрагимов [27; 28]) в качестве социально значимых индикаторов выделяла социальное окружение, занятость и рабочую силу, образование и обучение, здоровье, свободное время и досуг, товары и услуги.

Резюмируя все вышеперечисленное, нами разработана авторская классификация интегральных показателей для оценки качества жизни многодетных семей: уровень жизни (среднедушевой доход, общий доход семьи), уровень образования, качество трудовой жизни, качество жилья, качество досуга и общения с детьми, социальная уверенность. Субъективные индикаторы качества жизни многодетной семьи определяются в основном на основе анализа данных социологических исследований.

Материалы и методы

При подготовке работы были изучены нормативно-правовые документы, обеспечивающие основы социально-правовой поддержки семей, статистические данные, а также предметные научные источники и статьи различных ученых.

Теоретико-методологической основой исследования является концепция качества жизни (Р. Инглхарт, Дж. Рабье [29; 30], Э. Алларди [31]), позволяющая рассматривать феномен многодетной семьи с точки зрения оценки качества жизни через удовлетворение базовых потребностей. Согласно теории базовых потребностей, которая является одним из основных подходов к исследованию качества жизни, качество жизни многодетной семьи может достигаться за счет удовлетворения трех систем базовых потребностей: «иметь», «любить» и «быть». «Потребительские» потребности определяются как относящиеся к материальным условиям, необходимым для выживания семьи и избежания нищеты. К ним относятся экономические ресурсы многодетной семьи (личный и семейный доход), условия проживания, занятость, условия труда, здоровье, образование. «Любовь» относится к потребностям общаться с другими людьми и образовывать социальные идентичности, желанием заводить детей. Потребности в бытии – интеграция в обществе и жизнь в гармонии в процессе общения со своими детьми.

Основные методы – аналитический (сбор и анализ источников, научных статей, освещающих проблемы многодетных семей); социологический опрос; статистический метод, осуществляющий математико-статистическую обработку полученных результатов; методы сравнительного анализа, применяющиеся при сопоставлении практик многодетных семей и семей с 1–2 детьми. Для обработки результатов исследования использовались статистические методы: частотный анализ, дисперсионный анализ, критерий χ^2 .

Материалами для исследования послужили базы данных социологических опросов: 1) Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан: «Репродуктивное поведение и трудовая занятость женщин» (2018 г.), выборка – 2830 женщин репродуктивного возраста муниципальных районов и городских округов Республики Татарстан, из них 1400 имеют от 1 до 5 детей; «Мужчины и дети» (2020 г.) среди мужского населения Республики Татарстан от 18 лет (566 человек), имеющего от 1 до 5 детей (предварительные данные); «Демографическое самочувствие Татарстана» (2020 г.),

выборка – 556 человек; 2) Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ): «Цветы жизни, или Сколько детей нужно для счастья?» (2014 и 2018 гг.), проведенного среди 2000 россиян в возрасте от 18 лет.

В процессе подготовки статьи были использованы данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации и Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан.

Результаты исследования

Социальный портрет многодетной семьи: 1) средний возраст матери 39 лет; 2) 90% многодетных семей имеют 3 детей; 3) состоит в зарегистрированном браке; 4) 78% мужчин являются отцом всех детей в этой многодетной семье.

По данным ВЦИОМ, в 2018 г. по сравнению с 2014 г. заметно выросла доля тех, кто считает, что в идеальной семье должно быть трое детей (рост с 28% в 2014 г. до 43% в 2018 г.) [32]. Доля опрошенных, считающих, что в семье должно быть более 4 детей, осталась на том же уровне (6%). На основе расчетов Центра семьи и демографии АН РТ зафиксирована корреляция между отсутствием/наличием детей дошкольного и школьного возраста и идеальным числом детей в семье: среди бездетных семей на 7% меньше тех, для кого идеальной является многодетная семья с 3 и более детьми.

Выполненный авторами статьи дисперсионный анализ показывает различия в идеальном и планируемом количестве детей в зависимости от возрастной группы. Эти различия зафиксированы на уровне доверительной вероятности 95% для идеального числа (знач. 0.03), то есть возраст влияет на эти переменные.

Апостериорные критерии дисперсионного анализа данных исследования «Демографическое самочувствие Татарстана» показывают, сколько детей в среднем типично для каждой из возрастных групп (в идеале и в планах). Интересно, что старшее поколение, уже выходящее из репродуктивного возраста (46–49 лет), хотело бы в идеале 3–4 ребенка, что максимально на фоне всех остальных подгрупп.

Основное исследование «Репродуктивное поведение и трудовая занятость женщин» проводилось в 2 городских округах и 12 муниципальных районах трех агломераций Республики Татарстан (Камской, Альметьевской и Казанской агломераций). С учетом объекта исследования из общей выборки мы выбрали многодетные семьи, которые в целом по выборке составляют 10% (230 семей).

Потребительские потребности. Наличие большого количества детей в семье не является помехой для получения женщиной более высокого уровня образования. Как правило, женщины данной группы имеют высшее (57%) и среднее специальное (25%) образование.

Мы не выявили зависимости между откладыванием рождения ребенка и уровнем образования. Изначально можно было бы предположить, что те, кто откладывали рождение ребенка, могли это делать ради обучения либо по причине нехватки денег, так как не смогли устроиться на высокооплачиваемую работу из-за образования. Следовательно, в отличие от тех, кому не приходилось откладывать рождение ребенка, высшее профессиональное образование не должно быть самым популярным ответом. Однако статистика показывает, что в обоих случаях высшее образование является самым частым ответом. Это наводит нас на мысль о том, что образование не является важной причиной для откладывания рождения ребенка. Хи-квадрат, соответственно, оказался незначимым. Такой результат возможен из-за того, что в России большинство людей в любом случае стараются получить высшее образование.

По результатам опроса, часть многодетных матерей после рождения третьего ребенка не стали выходить на работу и остались домохозяйками из-за невозможности совмещения трудовой деятельности и материнских обязанностей. Чуть более половины женщин данной группы работают по найму (66%), каждая десятая находится в официальном отпуске по беременности и родам, уходу за ребенком. Профессии, должности многодетных матерей представлены распределением, в большей мере, среди трех ключевых позиций: «специалисты на работах, требующих высшего образования» (37%), «работники по специальностям, требующим среднего специального образования» (22%), «работники сферы услуг и торговли» (13%).

При разработке региональных программ занятости учитывается необходимость трудоустройства многодетных родителей, возможность их работы на условиях применения гибких форм труда (неполный рабочий день, неполная рабочая неделя, работа на дому, временная работа и т.д.) [4]. Потенциальная перестройка рынка труда в сторону большей гибкости и доступности дистанционных режимов занятости расширила бы для женщин возможности совмещать родительские и профессиональные обязанности, а также способствовала бы снижению гендерного неравенства. Подобные изменения могли бы привести к росту рождаемости вторых и последующих детей. Однако на

текущий момент эти оптимистичные прогнозы выглядят преждевременными [2].

Модой распределения среднемесячной заработной платы многодетных матерей выступает интервал «от 10000 до 19999 рублей» (47%), а средний ежемесячный уровень доходов домохозяйства представлен группами: «от 20000 до 29999 рублей» (20%), «от 30000 до 39999 рублей» (15%), «от 40000 до 49999 рублей» (17%), «от 50000 до 59999 рублей» (12%).

Корреляция эмпирических данных по количеству детей и уровню материального достатка, осуществленная авторами статьи по данным ВЦИОМ, показала, что все многодетные семьи оценили свое материальное положение как среднее. В то время как каждый третий опрошенный с двумя детьми и каждый шестой с одним ребенком отметили, что в настоящее время испытывают значительные материальные трудности. Безусловно, материальное положение семей меняется с появлением детей, поскольку доход остается на том же уровне, а количество членов семей увеличивается, что пропорционально приводит к повышению затрат. Большинство опрошенных, у которых нет детей, оценивают свое материальное положение от очень хорошего до хорошего, и их доля составляет 66,7%. Наличие детей выступает мощнейшим катализатором и стимулом личностного роста и социального благополучия супругов. С появлением детей возрастают материальные потребности, побуждающие родителей предпринимать усилия для профессионального роста, сопровождающегося увеличением зарплаты. Анализируя полученные данные, можно увидеть закономерность: с появлением первого ребенка семьи сталкиваются с проблемами, касающимися материального характера, поскольку не всегда могут в должной мере оценить свои возможности. В связи с этим «за вторым ребенком» они не спешат, но после появления второго ребенка материальное положение немного стабилизируется (свидетельствуют результаты исследования – среди семей с 2 детьми почти в 3 раза выше доля тех, кто оценивает свой достаток как хороший/очень хороший). Улучшение материального положения многодетных семей Российской Федерации фиксируют и данные выборочного обследования бюджета домашних хозяйств Росстата [33]. Семьи, имеющие от 3 и более детей, в 2018 г. оценили свое материальное положение следующим образом: половина опрошенных ответили, что денег хватает на еду и одежду, но не могут позволить себе покупку товаров длительного пользования, каждый четвертый – денег хватает на еду, одежду и товары длительного пользования,

но не могут позволить себе покупку автомобиля, квартиры, дачи; каждый пятый – денег хватает на еду, но покупать одежду и оплачивать жилищно-коммунальные услуги затруднительно (с 2017 г. снижение в 2 раза). За год тоже в 2 раза снизилась доля многодетных семей, у которых не хватает денег даже на еду.

На основании применения метода χ^2 выявлена связь между количеством детей и оценением материального положения семьи (p -value равен 0.003).

По мнению большинства мужчин (социологическое исследование «Мужчины и дети»), именно отцы обеспечивают основной доход в семье (68.9%). Каждый третий указал, что семейный доход формируется в равных долях мужчиной и женщиной. Расчет χ^2 Пирсона (p -value равен 0.000) показал взаимозависимость количества детей в семье и вклада мужчин в семейный бюджет: чем больше детей в семье, тем больше увеличивается доля мужчин, которые обеспечивают основной доход семьи.

Государственные меры поддержки. Каждая четвертая многодетная семья, принявшая участие в опросе, проживает в селе, 60% проживают в городе. В процентном соотношении доля многодетных семей выше на селе. При этом жилье принадлежит членам домохозяйства в 83% ответов, и это либо отдельная квартира (54%), либо индивидуальный дом (36%). По данным Росстата, в Республике Татарстан за 5 лет с 2015 по 2019 г. снижается число многодетных семей, состоящих на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях (с показателя 3385 до 1436 семей, на 58%). Можно предположить, что это связано не с тем, что каждый год выделяли большее количество жилья для многодетных семей, а с тем, что из-за бюрократизма не все многодетные семьи, которые нуждаются в улучшении жилья, могут встать на учет как нуждающиеся. В целом по стране данный показатель вырос примерно на 1% (2015 г. – 131217 семей, 2019 г. – 132389 семей).

Мнение эксперта – председателя региональной общественной организации «Многодетные семьи Республики Татарстан» А.В. Кузнецова: *«Улучшение жилищных условий – это перспективная задача, с которой сталкиваются семьи, имеющие трех и более детей до 18 лет. ... На бумаге-то все гладко, а на деле... И в год из бюджета на эти цели выделяются средства, способные решить проблемы примерно 30 семей. Получается, что многодетным придется ждать 30 лет. Разве это реально?».*

Результаты опроса показали, что 79% многодетных семей приняли решение распорядить-

ся материнским капиталом с целью улучшения жилищных условий, но в момент опроса возможностью погашения основного долга или уплатой процентов по жилищному кредиту воспользовались лишь чуть больше половины. Субъективная оценка мнения опрошенных выявила, что именно материнский капитал стал одним из важнейших инструментов повышения рождаемости в России с 2007 г. [34].

Результаты опроса выявили, что доля никогда не пользовавшихся программами государственной поддержки семей с детьми одинакова в подгруппе респондентов с одним ребенком и в подгруппе опрошенных с двумя детьми. Данный феномен обусловлен следующей закономерностью. При ответе на прямой вопрос об освоении мер государственной поддержки семей с детьми мы получаем большое количество отрицательных ответов, характеризующих невключенность семей с детьми в потребление этих финансовых ресурсов. В то же время при ответе на развернутый вопрос с перечислением названий государственных программ поддержки семей с детьми выявлено, что опрошенные получают материнский капитал, ежемесячное пособие на детей в возрасте до 1.5 лет и т.д. Установленное противоречие не свидетельствует о «слабости» инструментария, а «обличает» важную социальную проблему – отдельные государственные меры поддержки семей с детьми не воспринимаются пользователями услуг (семьями с детьми) как комплекс, направленный на устойчивое развитие семей с детьми. При значимой реализуемой социальной политике не сформировано ее общественное признание.

С доверительной вероятностью 90% получаем значимый результат ($\text{sig}=0.098<0.1$) для зависимости между фактором поддерживающей социальной политики и вопросом 43 («Уровень жизни вашей семьи в настоящее время»). Корреляция очень слабая (<0.2) и отрицательная, что означает наличие противоположной связи: чем ниже уровень жизни семьи, тем больше ее укреплению способствует социальная политика государства.

Потребности в любви. При решении о рождении следующего ребенка большинство опрошенных многодетных матерей не преследовали финансовую выгоду: 79.2% ответили, что введение новых мер демографической политики никак не повлияло на решение завести еще одного ребенка, и они родили ребенка, как и планировали, но эти меры лишь уменьшили временные рамки между рождением детей. Каждого седьмого респондента эти меры побудили родить ребенка, которого до этого не планировали.

По мнению большинства опрошенных ВЦИОМ (54%), в семье детей заводят в связи с тем, что это является предназначением брака, дети укрепляют семью, они являются продолжением своего рода. Каждый седьмой высказал мнение, что люди решаются завести ребенка ради продолжения человеческого рода, улучшения демографической ситуации; 12% преследуют эгоцентрические цели, а именно – ради своего будущего, для наличия опоры в старости.

Социологический опрос «Мужчины и дети» показал, для 47% мотивом рождения детей в семье стала любовь к детям и желание заниматься их воспитанием, для 30% – необходимость реализоваться в роли отца.

Структура причин нежелания иметь детей у современных россиян сводится к следующим факторам (социологическое исследование «Цветы жизни, или Сколько детей нужно для счастья?»): 1) нехватка денег (44%); 2) нежелание иметь детей – это эгоизм (четверть опрошенных); 3) боязнь ответственности не дает людям решиться на то, чтобы родить ребенка (12%); 4) слабое здоровье и отсутствие личного жилья (10%).

Подавляющее большинство многодетных матерей не намерены иметь еще детей (76%), в этом вопросе они солидарны с их мужьями/партнерами, которые ответили отрицательно в 61% ответов. Так же распределяются ответы на вероятность иметь еще детей в ближайшие три года и на перспективу. Они уже реализовали свой репродуктивный потенциал.

Далее рассмотрим факторы, которые мешают жителям Республики Татарстан иметь желаемое число детей. Получилась четырехфакторная модель, описывающая около 61% дисперсии факторов. Модель была подвергнута вращению.

Первый фактор (19% от общей дисперсии) тесно связан с переменными «Неудобный режим работы», «Трудности (для жены) совмещения работы вне дома и по дому», а также «Не с кем будет оставить ребенка, когда начну (жена начнет) работать»; можно предположить, что эта переменная говорит о трудностях во времени для воспитания ребенка. Второй фактор (15% от общей дисперсии) говорит о трудностях во взаимоотношениях с партнером, потому что сильно связан с нежеланием партнёра, его отсутствием, а также общими сложностями во взаимоотношениях в семье. Третий фактор (13% от общей дисперсии) связан с работой, желанием хорошо воспитать уже имеющихся детей, а также стремлением хорошо отдыхать; предположим, что это фактор успеха. Четвертый фактор (12% от общей дисперсии) описывает тяжелое материальное положение. В качестве клю-

чевых факторов, мешающих иметь еще детей, женщины из многодетных семей отмечают: «материальное положение» (46%), «состояние здоровья» (39%).

При этом значимым фактором, оказавшим влияние на возможность иметь (еще) детей, для каждой третьей женщины является «улучшение материального положения» (28%), «желание укрепить семью» (38%), и никак не повлияло в 45% ответов «желание решить жилищные проблемы».

Количество детей в семье влияет на наличие и сохранение традиций в семьях этих детей. Выявлено, что наличие семейных традиций связано с многодетностью, но связь эта не прямая. В случаях с одним или двумя детьми разница незаметна. Здесь стоит обратить внимание на статистику семей с тремя детьми. Людей в семьях, в которых было три ребенка и у которых есть семейные традиции, в два раза больше, чем тех, у кого нет традиций. Это может говорить нам о том, что многодетные семьи нуждались в каких-то традициях для поддержания сплоченности либо три ребенка рождались в семьях, где традиции считались, и это передалось будущим поколениям. Можно гипотетически говорить и о том, что многодетная семья – это тоже традиция.

Потребности в бытии. Данный аспект качества жизни многодетных семей мы представляем в ракурсе общения и досуга многодетных отцов со своими детьми. По данным социологического исследования «Мужчины и дети», большинство отцов после возвращения домой с удовольствием уделяют время своему ребенку (детям). Однако более детальный анализ ответов отцов с одним, двумя детьми и многодетных отцов показал следующее различие. Среди многодетных отцов таких абсолютное большинство (82.2%), тогда как среди отцов с одним или двумя детьми не набирается и половины (от 41 до 47%). Каждый пятый ответил, что старается уделить внимание ребенку, но после рабочего дня на это не остается сил. Исходя из ответов респондентов: наличие большего количества детей является следствием ориентации на семью, потребности в детях, для многодетных отцов характерно более социально ответственное родительство. Для современного ответственного родительства характерны рефлексия, сознательный выбор не только потребительских товаров и услуг, но и моделей воспитания, ценностей, вокруг которых формируются детско-родительские отношения. Отцы проводят время с детьми намного меньше, чем матери, но если это происходит, то в большей степени это инициатива самих мужчин (61.4%). Каждый шестой

отец проводит время со своим ребенком только после того, как об этом просит его ребенок. Корреляция между количеством детей и инициативой проведения времени с ребенком не выявлена ($p\text{-value} = 0.185 > 0.05$).

Каждый восьмой отец часто гуляет со своим ребенком, десятый – ходит вместе с ребенком в магазин или смотрит с ним мультики, играет с игрушками. Они также посещают кафе и различные мероприятия, кинотеатры. То есть осуществляют действия, не требующие от отцов больших усилий. Лишь примерно 5% отцов осуществляют осознанную, конструктивную деятельность: вместе занимаются спортом, делают уроки, проверяют домашнее задание, читают книги, помогают при изготовлении поделок, моделей, выполнении творческих заданий. Сравнительный анализ ответов многодетных отцов и отцов, имеющих 1–2 детей, показал, что многодетные отцы чаще всего читают детям, общаются, дают советы, делают уроки и проверяют домашнее задание. Они более ответственны и подходят к вопросу воспитания детей.

Обсуждение и заключение

При определении ключевых направлений семейной политики Республики Татарстан целесообразно учесть полученные результаты. Ведь, с одной стороны, процесс создания семьи и рождения детей является добровольным социальным действием, определяется намерениями и желанием самих индивидов, с другой стороны, находится под социальным контролем. Главный социальный институт – государство формирует программы социально-экономической поддержки, призванные побудить индивидов создавать семейные союзы с детьми.

В последние годы наблюдается демографическая проблема, связанная со снижением рождаемости, в том числе суммарного коэффициента рождаемости. Большая поддержка со стороны государства оказывается для стимулирования рождаемости, в том числе и с целью увеличения многодетных семей. Однако не стоит делать акцент только на данной группе семей, поскольку они составляют всего примерно 10% от всех групп семей. Изменение проблемы низкой рождаемости нужно решать посредством влияния на молодые семьи, учитывая, что большинство женщин репродуктивного возраста Республики Татарстан не ориентированы на многодетность [35, с. 54].

Льготы многодетным семьям определяются федеральным законодательством, но каждый регион самостоятельно решает для себя список и порядок предоставления льгот и пособий для

семей с детьми. Фактически сегодня в Республике Татарстан многодетные семьи имеют право на скидку в размере не ниже 30% установленной платы за пользование коммунальными услугами (за исключением ОДН), бесплатный проезд школьников до 18 лет на внутригородском транспорте и бесплатную выдачу лекарств, приобретаемых по рецептам врачей, для детей в возрасте до 6 лет. Дети из многодетных семей имеют приоритет при приеме в дошкольные учреждения, а также право один раз в месяц бесплатно посещать музеи и выставки. В качестве дополнительной поддержки многодетных семей, имеющих 5 и более детей, нуждающихся в улучшении жилищных условий, в Республике Татарстан предусмотрено обеспечение указанной категории граждан жильем путем предоставления им из средств бюджета Республики Татарстан субсидий для приобретения жилого помещения. В июле 2019 г. вступил в силу федеральный закон о компенсации кредитов многодетным семьям: семьи, в которых после 1 января 2019 г. родился третий или последующие дети, получают 450 тысяч рублей на погашение ипотеки. Еще одной мерой является бесплатное предоставление земельных участков многодетным семьям в Республике Татарстан, которая осуществляется в соответствии со ст. 32.1 Земельного кодекса Республики Татарстан, по которой граждане, имеющие трех и более детей, постоянно проживающие на территории Республики Татарстан, могут однократно реализовать свое право на предоставление им земельного участка.

С одной стороны, существует большая поддержка многодетных семей, но, с другой стороны, многие меры чаще всего направлены не на все многодетные семьи, а только на тех, кто получает статус малоимущего.

Помимо государственной помощи поддержку оказывают различного уровня общественные организации. С целью формирования семейных ценностей и защиты прав многодетных семей был создан Межрегиональный союз общественных объединений многодетных семей. Данная организация оказывает содействие в совершенствовании законодательства, направленного на поддержку семьи и семейных ценностей. На региональном уровне существует региональная общественная организация «Многодетные семьи Республики Татарстан», которая представляет собой инициативную группу многодетных родителей, объединенных для активного участия в жизни республики. Общественная организация направлена на повышение престижа, представление и защиту прав и интересов, участие в разработке и реализации программ под-

держки многодетных семей. Предложением Министерства здравоохранения Республики Татарстан матерям, родившим пять детей, предоставляется бесплатное протезирование зубов в связи с тем, что рождение каждого последующего ребенка критически отражается на состоянии зубов многодетной матери.

Рассмотрение качества жизни многодетной семьи сквозь призму базовых потребностей позволило определить уровень социально-экономического положения данных семей преимущественно как устойчивый. Уровень совокупного дохода пропорционально прочим группам с меньшим количеством детей имеет тенденцию смещения к более высоким значениям. Многодетность формируется преимущественно социально-психологическими и отчасти территориальными факторами, явных факторов воздействия на рост числа детей в семье не отмечено.

Результаты проведенного исследования позволяют глубже понять современные потребности многодетных семей в рамках общественной и государственной поддержки. Полученные результаты могут быть использованы для разработки инструментов комплексного развития федеральных и региональных программ по оптимизации социально-демографической ситуации.

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 19-011-00644 «Генеративное поведение российских мужчин в условиях демографического кризиса: Приволжский и Северо-Западный округа РФ (сравнительный анализ)». Руководитель гранта – Ч.И. Ильдарханова. Межрегиональный творческий научный коллектив: Ф.А. Ильдарханова, А.А. Ибрагимова, О.Н. Калачикова, М.А. Груздева, В.Н. Барсуков.

Список литературы

1. Демографический ежегодник Республики Татарстан. 2019: Статистический сборник / Татарстанстат. Казань: Издательский центр Татарстанстата, 2019. 159 с.
2. Макаренцева А.О. Влияние эпидемиологической ситуации на репродуктивные намерения населения // Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2020. № 17 (119). С. 25–30.
3. Козенин К.И. Репродуктивная динамика в регионах: рост многодетности на фоне снижения рождаемости // Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2019. №14 (97). С. 17–20.
4. Официальный сайт ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59992#> (дата обращения: 19.10.2020).
5. Мониторинг экономической ситуации в России. Сентябрь 2019 г. № 14 (97) / РАНХиГС. URL: <https://www.ranepa.ru/nauka-i-konsalting/strategii-i-doklady/monitoring-ekonomicheskoy-situatsii/> (дата обращения: 20.10.2020).
6. Указ Президента Российской Федерации от 05.05.1992 г. № 431 «О мерах по социальной поддержке многодетных семей». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/1254> (дата обращения: 14.10.2020).
7. Костина С.Н., Зайцева Е.В., Кузьмин А.И. Состояние системы государственной поддержки многодетности на региональном уровне // Демографическая и семейная политика в контексте целей устойчивого развития: Сб. ст. IX Уральского демографического форума в 2 томах / Отв. ред. д. социол. н. А.И. Кузьмин. Том II. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2018. 236 с.
8. Bannykh G., Kostina S., Kuzmin A. The influence of a large family on the development of human capital // Smart Technologies and Innovations in Design for Control of Technological Processes and Objects: Economy and Production. 2020. P. 261–271. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-15577-3_26 (дата обращения: 14.10.2020).
9. Ибрагимова А.А., Испулова С.Н. Осознанная многодетность как социальное явление [Электронный ресурс] // Горизонты гуманитарного знания. 2019. № 3. С. 52–62.
10. Азарова Е.Г. Многодетная семья и проблемы ее социального обеспечения // Журнал российского права. 2014. №3 (207). С. 63–78.
11. Карданова И.В. К вопросу об определении понятия «Многодетная семья» в праве социального обеспечения // Теория и практика общественного развития. 2017. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-opredelenii-ponyatiya-mnogodetnaya-semya-v-prave-sotsialnogo-obespecheniya> (дата обращения: 21.09.2020).
12. Westoff C.F., Potter R.G. Third child: A study in the prediction of fertility. Princeton University Press, 2015. 320 p.
13. Bossard J.H., Boll E.S. The large family system: An original study in the sociology of family behavior. Westport: Greenwood Press, 1975.
14. Galbraith J.K. The affluent society. London: Hamish Hamilton, 1958. 288 p.
15. Pigou A.C. The Economics of Welfare. 3rd ed. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.econlib.org/library/NPDBooks/Pigou/pgEW.html>.
16. Noll H.-H. Measuring and monitoring the quality of life / European University Institute. Workshop on “Well-being and its various measurements”. April 21–22. 2010 [Электронный ресурс]. URL: https://www.gesis.org/fileadmin/upload/dienstleistung/veranstaltungen_fortbildungen/archiv/soz_ind/EU_University_Institute_-_April2010/EUI_QoL_April_2010.pdf (дата обращения: 14.10.2020).
17. Abbey A., Andrews F. Modeling the psychological determinants of life quality // Social Indicators Research. 1985. Vol. 16. P. 1–34.
18. Power T.W. The economic value of the quality of life. Boulder, CO, 1980.
19. Фофанова К.В. Методологические вопросы измерения качества жизни региона // Регионология. 2016. № 4 (97). С. 127–139.
20. Нагимова А.М. Социологический анализ качества жизни населения: региональный аспект. Казань, 2010. 306 с.

21. Спиридонов С.П. Методология формирования и развития системных индикаторов результативности процессов обеспечения качества жизни: Монография. Тамбов: Изд-во ФГБОУ ВПО «ТГТУ», 2011. 228 с.
22. Спиридонов С.П. Индикаторы качества жизни и методология их формирования // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. 2010. № 10–12 (31). С. 208–223.
23. Индикаторы конкурентоспособности и качества жизни: инструмент оценки и результативности госполитики / Ин-т комплекс. стратег. исслед. М.: ТЕИС, 2004. 37 с.
24. Стратегическое управление: регион, город, предприятие / Под ред. Д.С. Львова, А.Г. Гранберга, А.П. Егоршина; Отд-ние обществ. наук Рос. акад. наук, Нижегород. ин-т менеджмента и бизнеса. М.: Экономика, 2004. 605 с.
25. Айвазян С.А. Россия в межстрановом анализе синтетических категорий качества жизни населения. Часть I. Методология анализа и пример ее применения // Мир России. 2010. № 4. С. 59–96.
26. Нугаев Р.М., Нугаев М.А. Качество жизни в трудах социологов США // Социологические исследования. 2003. № 6. С. 100–105.
27. Ильдарханова Ч.И., Ибрагимова А.А. Качество жизни сельской семьи как фактор демографической устойчивости территорий // Декабрьские социально-политические чтения «Как живешь, Россия?». Российское социальное государство и гражданское общество в реализации стратегии прорыва: результаты и резервы / Под редакцией С.В. Рязанцева, В.К. Левашова, Т.К. Ростовской [Электронное издание]. М.: Перспектива, 2019. С. 179–186.
28. Демографический доклад–2019. Реализация Национального проекта «Демография» в Республике Татарстан: ресурсы, вызовы, перспективы: Монография / Под ред. д.с.н. Ч.И. Ильдархановой. Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2020. 410 с.
29. Инглхарт Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир / Пер. с англ. С.Л. Лопатиной, под ред. М.А. Завадской, В.В. Косенко, А.А. Широкаковой, научн. ред. Э.Д. Панарин. М.: Мысль, 2018. 347 с.
30. Inglehart R., Rabier J. Aspirations adapt to situation – But why are the Belgians so much happier than French? / F.M. Andrews, ed. Research on the Quality of Life. Ann Arbor, 1986. P. 1–56.
31. Allardt E. Having, loving, being: An alternative to the Swedish model of welfare research // The Quality of Life. M.C. Nussbaum and A. Sen (eds.). P. 99–94.
32. Сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9212> (дата обращения: 14.10.2020).
33. Сайт Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации. URL: <https://gosstat.gov.ru/folder/13807> (дата обращения: 14.10.2020).
34. Валидова А.Ф. Влияние демографической политики на показатели рождаемости в Российской Федерации и Республике Татарстан // Регионология. 2018. № 3 (104). С. 494–511.
35. Зинурова Р.И. Молодая семья в Татарстане: социальное самочувствие, межэтнические отношения, репродуктивное поведение // Управление устойчивым развитием. 2020. № 3 (28). С. 48–55.

LIFE QUALITY OF FAMILIES WITH MANY CHILDREN (CASE OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN)

Ch.I. Ildarhanova, A.A. Ibragimova

Family and Demography Centre of Tatarstan Academy of Sciences

The importance to study families with many children is explained by the demographic trend of declining birth rates in the country and regions, which can lead to a demographic gap. During 2015-2019, the total birth rate in relation to each previous year had only a negative indicator and decreased from 1.9 to 1.5. However, there is a tendency to increase the birth of third and subsequent children. In the Republic of Tatarstan, this indicator increased by 4.92% from 2017 to 2018, and by 1.74% from 2018 to 2019. The aim of the work is to identify the main indicators of their quality of life for a family with many children. The information base of the study consists of sociological studies of Family and Demography Centre of Tatarstan Academy of Sciences – ‘Employment in the structure of reproductive and parental strategies of modern women in the Republic of Tatarstan’, ‘Men and children’, ‘Demographic well-being of Tatarstan’, VTSIOM – ‘Flowers of life or how many children do you need for happiness?’, as well as data from Rosstat and Tatarstanstat. Statistical methods used to process the research results included frequency analysis, variance analysis, and Chi-square test. Indicators of the quality of life of families with many children are identified based on the identification of three main basic needs. The correlation between the number of children in the family and the time spent by fathers with their children after the end of the working day is determined: fathers with many children are more willing and proactive to participate in their children's lives. The article proposes key measures of support for families with children, especially large families. The results of the research allow us to better understand the current needs of large families in the framework of public and state support.

Keywords: birth rate, family with many children, quality of life, reproductive intention, indicators.

УДК 316

DOI 10.52452/18115942_2021_1_83

ПАНДЕМИЯ В ФОКУСЕ МИРОВОСПРИЯТИЯ СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНТА

© 2021 г.

И.А. Савченко, А.М. Горохова

Савченко Ирина Александровна, д.соц.н.; начальник международной междисциплинарной научной лаборатории «Технологии социально-гуманитарных исследований», профессор кафедры философии, социологии и теории социальной коммуникации Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова; профессор кафедры психологии и педагогики Нижегородской академии МВД РФ
teosmaco@ Rambler.ru

Горохова Анна Михайловна, к.филол.н.; доцент кафедры английской филологии, начальник Управления по научно-исследовательской деятельности Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова
anna-gorokhova@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 27.11.2020**Статья принята к публикации 22.01.2021*

Авторы пытаются понять, как пандемия коронавируса COVID-19 отражается на обыденном миро- и самовосприятии людей. Согласно выводам ряда историков и социальных антропологов, влияние на общественное сознание массовых эпидемий прошлых эпох, в особенности Средневековья, было весьма противоречивым и неоднозначным. Наряду с закономерными негативными последствиями эпидемий, в обществе получали развитие разные формы помощи, социальной ответственности и социальной солидарности. Обобщаются результаты некоторых современных исследований по вопросам психоэмоциональных эффектов COVID-19, в частности в молодёжной среде. В этих работах также выявляется рост среди молодых людей толерантности, социальной лояльности, дружеского и семейного участия на фоне пандемии. Авторы эмпирическим путем пытаются проверить, действительно ли актуальное пандемическое состояние общества продуцирует определенные положительные эффекты в мироощущении людей. Проведя опрос 584 нижегородских студентов, авторы пришли к иным выводам. Студентов спрашивали, как пандемия изменила их отношение к жизни. Обнаружилось, что на фоне пандемии студенты стали больше ценить все то, что связано с их индивидуальным качеством жизни, в частности свое здоровье и свою учебу. При этом результаты опроса не содержат убедительных свидетельств усиления или укрепления в сознании молодых людей ценностей семьи, дружбы, терпимости к людям. Значимость общения для молодых людей высока, но оно мало связано с дружбой, альтруизмом и семейным кругом. Современный молодой человек нуждается в общении так же постоянно, как он нуждается в сне, еде или тепле. Оптимистический настрой в студенческой среде не преобладает, но и депрессивных проявлений в своей психике и поведении студенты в большинстве своем не признают. В то же время позитивным маркером является то, что после смягчения изоляционных мер молодые люди начинают понимать ценность «простых вещей» (прогулок на свежем воздухе и т.п.), осознавая, что их доступность не является абсолютной и постоянной. Авторы признают, что результаты их исследования являются срезом современного эмоционального мировосприятия состояния студенчества и не делают долгосрочных социальных прогнозов.

Ключевые слова: эпидемия, пандемия, COVID-19, молодежь, повседневность, социальное изменение, социальная солидарность, участие, помощь, терпимость.

Актуальность исследования. Уже почти год ведь мир живет в состоянии пандемии коронавируса нового типа, воздействие которой отражается как на физическом здоровье людей, так и на функционировании большинства общественных институтов. Меняет ли пандемия нашу жизнь и наше отношение к ней? Масочный режим и пропаганда бесконтактного взаимодействия – все это можно считать ощутимыми изменениями повседневной жизни, которые в большей или меньшей степени охватывают все человечество.

Цель исследования. Нас не может не интересовать, каким образом общий пандемический

фон сказывается на эмоциональном состоянии всего общества и его сегментов. Мы затрагиваем лишь часть интересующего нас вопроса и ставим *целью* исследовать влияние пандемии на эмоциональное состояние части общества – современного студенчества – в той форме, как это влияние воспринимают сами студенты.

Теоретическая база исследования. Вероятнее всего, массовые эпидемии, настигавшие человечество в определенные эпохи, имели устойчивый эмоциональный социальный эффект, который впоследствии породил значимые социальные изменения. Вопросы, касаю-

щиеся влияния массовых эпидемий на общественное сознание и социальные процессы, исследуются сравнительно недавно и с различных методологических позиций.

Франсуа-Оливье Туати в книге «Болезнь и общество в Средние века» (1998 г.) на примере средневековой французской провинции развенчал сложившиеся преимущественно в XIX веке мифы об антигуманном отношении и отсутствии медицинской помощи прокаженным в средневековую эпоху. Ученый показал, что, напротив, эпидемии проказы в Средние века развивали в людях чувства сострадания и участия, а строительства приютов принимали формы благотворительности [1].

Чуть позже утверждения Туати нашли поддержку у Кэрл Роуклифф – автора книги «Проказа в Средневековой Англии» (2009), где показано, что угроза смертельной болезни рождает в обществе не только и не столько желание каждого индивида изолироваться и защитить себя, но, скорее, чувства социальной ответственности и эмпатии, проявления смелости и альтруизма [2]. Роуклифф разрушает миф о принудительной сегрегации прокаженных и показывает, что именно социальные и социально-психологические факторы, продуцирующие соучастие и солидарность, дали толчок развитию медицины и появлению стационаров в их привычной современной форме.

Название книги «Чума и конец Античности: пандемия 541–750» говорит само за себя. Многочисленные авторы книги (социальные антропологи, археологи, молекулярные биологи) сходятся во мнении, что чума стала магистральным фактором деградации античной и развития средневековой культуры. Становление Византийской империи, новое возвышение римского папства, развитие монашества, стремительный джихад Арабской империи, восхождение Каролингов во Франкском королевстве и даже зачатки «позитивной трудовой этики» (предтечи протестантской этики) в Западной Европе – все эти события и процессы были либо спровоцированы, либо ускорены трансформациями общественного сознания, вызванными пандемией чумы. Кроме того, авторы считают, что именно чума и связанные с нею меры «осторожности в контактах» положили конец «бесконтрольной свободе нравов», характерной для античности [3]. В целом, именно чума, по мнению авторов коллективной монографии, способствовала окончательной христианизации Европы и зарождению на Ближнем Востоке новой религии – ислама.

Если зарубежные авторы выявляют преимущественно позитивные эффекты воздействия массовых эпидемий в прошлом на обществен-

ное развитие, в отечественной науке мы встречаем противоречивые утверждения. Так, А.В. Федин проанализировал влияние эпидемий «европейских» болезней, поразивших племена коренных американцев северо-восточной части современной Канады и США в XVII в., на изменение всего жизненного уклада индейцев. А.В. Федин показал, что эффект «заразности» способствовал внутриплеменному отдалению людей друг от друга. Эпидемия сделала людей эмоционально более уязвимыми. Неспособность противостоять болезни провоцировала рост недоверия к языческим божествам. На фоне деградации культурной целостности и массового разочарования коренных американцев в традиционных религиозных культах, индейские племена, в частности в Новой Франции, подвержены влиянию иезуитских миссионеров и практически полностью христианизировались в течение относительно короткого срока [4]. Здесь возможно проведение параллелей со средневековой Европой, которая тоже христианизировалась во многом благодаря эпидемиям. Однако если для европейской цивилизации христианство стало спасением, то для коренных американцев оно не имело аналогичного эффекта. Что касается охватившей современный мир пандемии COVID-19, то за последний год (с марта 2020 г.) появились сотни тысяч статей и сотни монографий по вопросам ее социально-экономических [5], геополитических [6], психиатрических [7] последствий. На сегодняшний день обобщающие теоретические работы есть и в отечественной социологической литературе. Так, Ю.Г. Волковым и В.И. Курбатовым проведен комплексный анализ состояния российского общества в условиях пандемии [8]. «Опыт и уроки» борьбы российского общества с пандемией COVID-19 систематизированы в коллективной монографии, изданной на платформе Института Гайдара [9]. Нужно признать: должен пройти не один десяток лет, чтобы оценить содержательную ценность и достоверность сегодняшних прогнозов.

Эмпирических исследований, в которых объясняется восприятие различных сторон пандемии определенными группами населения, например студентами, пока не много. Болгарская исследовательница С.Й. Танева пытается понять, каким образом чрезвычайные обстоятельства, спровоцированные COVID-19, воздействуют на душевное состояние молодых людей, на их ценности и привычки. С.Й. Танева опросила студентов Софийского медицинского университета и выяснила, что на фоне пандемии у студентов сформировалась определенная система ценностей, первое место в которой

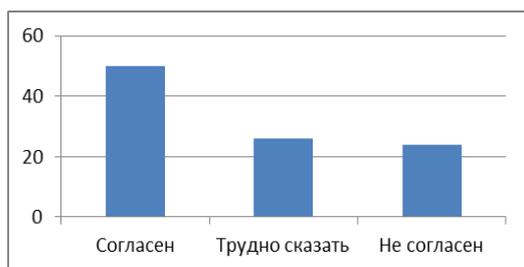

Рис. 1. Я стал больше ценить семью

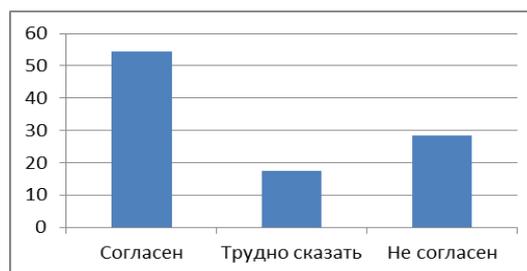

Рис. 2. Я стал больше ценить дружбу

занимает психическое и физическое здоровье. Далее следуют такие ценностные установки, как забота о близких, солидарность и социальная лояльность [10].

Представленные группой отечественных ученых материалы опроса российских студентов [11] показывают уровень понимания и принятия ситуации самоизоляции в студенческом сообществе. Исследователи приходят к выводу, что, за редким исключением, молодые люди воспринимают меры самоизоляции как вынужденные, но правильные.

Изучение «гуманитарных» эффектов пандемии стало сегодня достаточно популярной темой для исследования. На этом фоне остается не до конца раскрытой для изучения «феноменология пандемии», то есть ее опосредованные эффекты, обнаруживающие себя в обыденном сознании различных социальных групп. Данное обстоятельство побудило нас провести собственное эмпирическое исследование.

Методы исследования и характеристика выборки. Исследовательская работа авторского коллектива проводилась с опорой на общенаучные методы познания общественных явлений (анализ, аналогия, индукция, предположение) с учетом специфики их применения к изучаемой сфере явлений.

В качестве метода эмпирического исследования авторами был использован анкетный опрос: респондентам было предложено выразить степень своего согласия (несогласия) с предложенными утверждениями, выбрав один из вариантов ответа: «согласен», «трудно сказать», «не согласен».

Были опрошены студенты вузов Нижнего Новгорода (Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, Волжская государственная академия водного транспорта).

Исследование проводилось в сентябре – октябре 2020 г. Выборка ($n = 584$) – целевая. Возраст респондентов: от 18 до 23 лет. В выборке

преобладают лица женского пола (59%), мужчин в выборке – 41%, что, в целом, соответствует соотношению мужчин и женщин в молодежной среде Нижнего Новгорода и Нижегородской области.

Результаты опроса и их обсуждение. Респондентам задавался один общий вопрос: «Как пандемия изменила Ваше отношение к жизни?». Далее предлагались возможные ответы на этот вопрос, степень согласия с которыми и следовало оценить.

За время пандемии убедились, что семья – действительно, самое главное в жизни, 50% опрошенных студентов (рис. 1). Можно предположить, что основная доля этих 50% и до прихода пандемии считала семью основной ценностью. Можно допустить, что у 26.1% затруднившихся с ответом и 23.9% тех, которые совершенно точно не стали ценить семью больше, отношение к семье не изменилось из-за пандемии: они и раньше высоко ценили все, что связано с семьей. Тем не менее мы считаем такую вероятность скорее исключением, характерным лишь для некоторых студентов, и уверены, что те, кто не стал ценить семью больше, в принципе не считают семейные ценности приоритетными в жизни. Кризис семейных ценностей можно считать тревожным сигналом. Особенно тревожно, что даже в чрезвычайных обстоятельствах очень многие не смогли увидеть истинной значимости семьи в своей жизни. С другой стороны, нашими респондентами явились совсем молодые люди, стремящиеся «отделиться» от родительской семьи, но еще не создавшие своей. Можно надеяться, что недооценка семьи является преходящим явлением для нынешних двадцатилетних.

Больше ценить дружбу на фоне пандемии стали 54.3% опрошенных (рис. 2). Такие результаты свидетельствуют, что определенный дефицит общения в период пандемии показал многим, но далеко не всем, насколько важны дружеские связи. По-видимому, 28.3% несогласных с ответом либо не ощутили дружеской поддержки во время пандемии, либо сами не стремились к проявлению дружеских чувств,

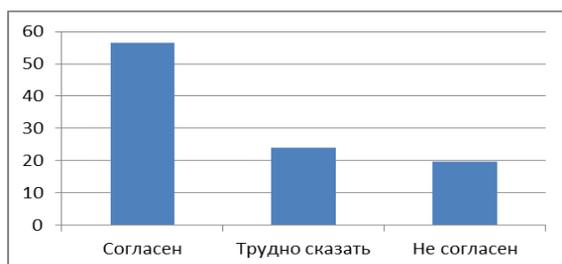

Рис. 3. Я стал больше ценить свою учёбу

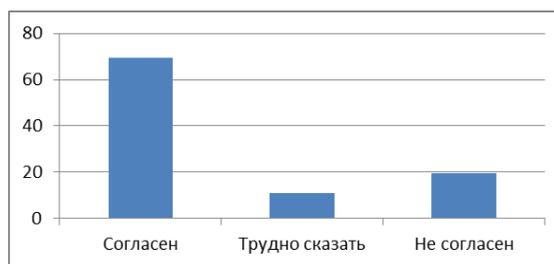

Рис. 4. Я понял, насколько важно человеческое общение

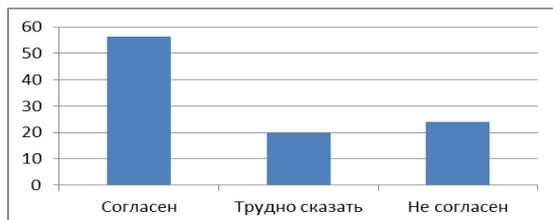

Рис. 5. Я понял, насколько важен Интернет

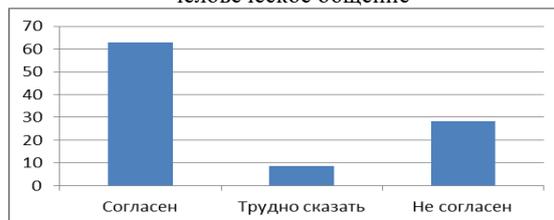

Рис. 6. Я стал понимать, как важно здоровье

предпочитая одиночество или семейный круг. При этом 17.4% затруднившихся с ответом, скорее всего, хотели бы иметь настоящих друзей, которым можно довериться, но, увы, не имеют таковых. Для студентов дружеские связи оказались несколько более ценными, нежели семейные, что можно считать естественным для молодых людей. Тот факт, что 45.7% не ощущают дружеских привязанностей, говорит и о том, что понятие дружбы у современной молодежи тоже обесценивается и даже во время пандемии актуализируется далеко не у всех.

Больше стали ценить свою учёбу 56.5% студентов (рис. 3). Очевидно, дистанционное обучение заставило многих по-новому взглянуть на значимость тех знаний, которые студент получает в вузе. Между тем 19.6% ничего подобного не ощутили, а 23.9% затруднились с ответом.

Вполне естественно, что достаточно большое количество студентов (69.6%) благодаря пандемии поняли, насколько важно человеческое общение (рис. 4). Удивительно, что 19.6% с этим не согласились, а 10.9% затруднились с ответом. По аналогии с другими ответами можно предположить, что многие из тех 30%, которые уверены или не до конца уверены в том, что человеческое общение стало для них более ценным во время пандемии, и раньше ценили общение достаточно высоко. Однако более вероятно, что почти примерно треть респондентов были в состоянии духовного вакуума в период пандемии и, по-видимому, воспринимали этот вакуум как привычное состояние. Поскольку число тех, кто стал больше ценить дружбу, меньше тех, кто стал больше ценить общение, можно утверждать, что понятия дружбы и общения существуют в молодежном сознании обособленно. Общение становится

для современного человека потребностью, обеспечивающей спокойствие и комфорт, что в сознании молодых людей практически не связано с участием или солидарностью. Общение воспринимается как способ релаксации, необходимой человеческому организму, и не ассоциируется с социальными практиками, требующими духовных усилий: с помощью, милосердием или сопереживанием. По всей видимости, основную часть времени во время мер частичной изоляции студенты физически проводят дома, а ментально – в социальных сетях.

В данных обстоятельствах не удивительно, что в период стремительного развития дистанционных технологий взаимодействия между людьми более половины опрошенных (56.5%, рис. 5) в полной мере оценили значимость интернет-коммуникаций. Гораздо примечательней, что 19.6% затруднились с ответом, а 23.9% думают иначе. Действительно, Интернет не является панацеей, и многие студенты, по всей вероятности, это осознают.

Важность здоровья и его сохранения стала особенно значимой для 63% студентов (рис. 6). Для молодого поколения, для которого забота о здоровье, как правило, не является приоритетом, это достаточно высокий показатель. Полагаем, что в данном случае акцентирование темы здоровья и его профилактики – результат усилий медиа [12, с. 15–17]. Ответы на данный вопрос – один из наиболее ярких показателей изменения молодежного мироощущения. До пандемии для молодых людей было совершенно естественным несколько небрежное отношение к своему здоровью. Однако пропаганда социальной дистанции и масочного режима делает свое дело. Сегодня, используя тему здоровьесбережения, студенты настаивают на

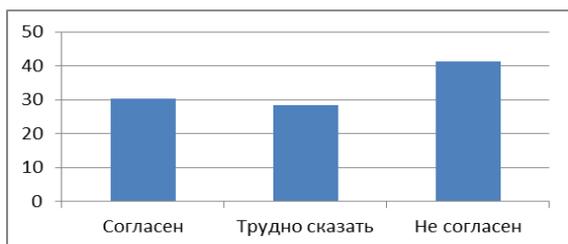

Рис. 7. Я стал более терпимо относиться к людям и их недостаткам

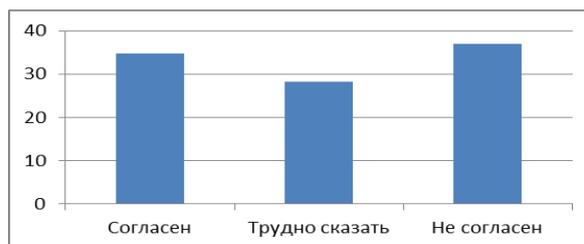

Рис. 8. Я стал оптимистичнее

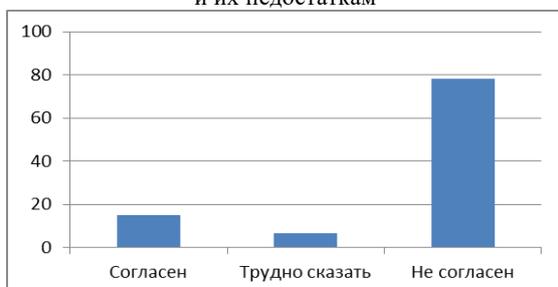

Рис. 9. Я стал чаще испытывать депрессивное состояние

Рис. 10. После смягчения мер самоизоляции я стал больше радоваться простым вещам (например, возможности погулять в парке)

дистанционном обучении и отказываются идти в учебные классы даже тогда, когда имеют такую возможность.

Болгарская исследовательница Светлана Танева [10] настаивает, что пандемия сделала молодых людей добрее. Так ли это в действительности? Более терпимо стали относиться к людям и их недостаткам лишь 30.4% опрошенных нами студентов (рис. 7). При этом 28.3% затруднились с ответом, а 41.3% признают, что более терпимыми не стали, а, возможно, стали более нетерпимыми. По-видимому, события в нашу эпоху развиваются не так, как в Средние века, и пандемия, по крайней мере в данный момент, не делает людей более терпимыми. Более того, тема толерантности и корректности в период пандемии совершенно очевидно отошла на второй план как в медиаконтенте, так и в научных исследованиях.

Считают, что стали более оптимистичными в период массовой заболеваемости COVID-19, 34.8% студентов (рис. 8). Это, по всей видимости, те молодые люди, которые поняли, что трудности, сопряженные с пандемией, все же преодолимы. При этом 28.3% затруднились с ответом, 37% не стали более оптимистичными и, скорее всего, склонны не переоценивать перспективы будущего. Ответы на обсуждаемый вопрос, по всей видимости, отражают деление общества примерно в равных долях на оптимистов, пессимистов и «неопределившихся».

Контекст ответов на предыдущие вопросы удерживает нас от того, чтобы испытывать радость, что 78.3% студентов уверены, что не испытывают депрессивного состояния в период пандемии (рис. 9). Зафиксировать у себя такой

душевный недуг, как депрессия, достаточно сложно – это возможно при условии развитой рефлексии. Признание своей депрессии – главный шаг к преодолению внутреннего кризиса.

С момента начала пандемии общество испытало на себе влияние разных нововведений, самым непривычным из которых явились меры самоизоляции весной 2020 г. Несмотря на начало второй волны коронавируса нового типа, аналогичные жесткие меры самоизоляции (за исключением масочного режима в общественных местах) осенью 2020 г. вновь введены не были. В рамках вопроса о том, как на фоне пандемии изменилось отношение студентов к жизни, нам было важно уточнить, как изменилось их отношение к жизни именно после смягчения мер самоизоляции.

Мы видим, что после смягчения мер самоизоляции больше стали радоваться «простым вещам (например, возможности погулять в парке)» 71.7% студентов (рис. 10). На наш взгляд, это очень хороший показатель. Возможно, именно в этом состоит главный урок пандемии: ценить то, что раньше казалось доступным, а в сложные времена приобрело особую ценность.

В то же время только 41.3% респондентов осознали, что «живут в замечательном красивом городе». Трудно судить, мало это или много. Не очень благоприятный показатель в том, что 23.9% затруднились с ответом, 34.8% имеют противоположное мнение – им не нравится свой город, и отношение к нему они не изменили и после выхода из самоизоляции (рис. 11).

Наконец, считают, что никак не изменили свое отношение к жизни, 26.1% студентов (рис. 12), 43.5% студентов затруднились с ответом, только 30.4% признают, что их отношение к жизни

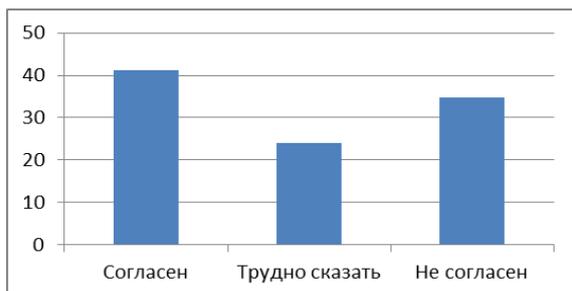

Рис. 11. После смягчения мер самоизоляции я понял, что живу в замечательном красивом городе

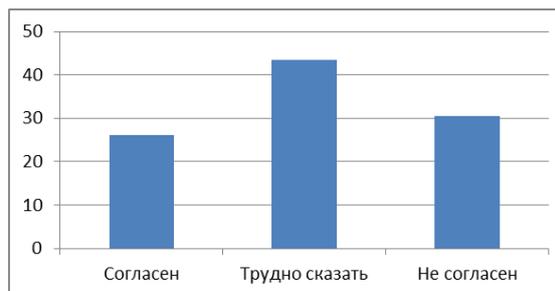

Рис. 12. Мое отношение к жизни несколько не изменилось в период пандемии

претерпело какие-то изменения. Ответы на этот вопрос наводят на самые разнообразные размышления. Ведь в ответах на большинство предыдущих вопросов студенты, так или иначе, признавали определенные изменения в какой-то сфере своего мировосприятия. Мы видим свидетельства внутренних противоречий и не до конца сформированной рефлексивной интерпретации собственных чувств и эмоций.

Заключение. Мы не увидели признаков развития в студенческой среде участия и взаимопомощи на фоне пандемии. Нами получены иные данные, нежели в исследовании болгарского социолога С.Й. Таневой. Нет явных индексов усиления роли семейных и гуманистических ценностей в студенческой среде. Мы увидели скорее рост индивидуализма. В качестве ценностных приоритетов современного молодого человека выступили здоровье и учеба. Растет значимость общения, но общения как средства времяпрепровождения, не связанного напрямую с дружбой, эмпатией и альтруизмом.

Зарубежные исследователи истории эпидемий сходятся во мнении, что в результате преодоления нескольких волн массовых заболеваний у жителей средневековой Европы сформировались представления об этике и гуманизме, актуальные и в наши дни. Возможно, коронавирус нового типа не столь опасен и разрушителен, как проказа или чума, и современные средства борьбы с вирусом имеют несравненно более мощный характер, чтобы иметь аналогичные по своей значимости последствия. Но сегодня, по крайней мере в молодежной среде, ничто не указывает на то, что пандемия способствует ценностному прорыву в мировосприятии молодого поколения.

Список литературы

1. Touati Fr.-O. *Maladie et société au Moyen Âge. La lèpre, les lépreux et les léproseries dans la province ecclésiastique de Sens jusqu'au milieu du XIVe siècle.* Paris; Bruxelles: De Boeck université, 1998. 876 p.
2. Rawcliffe C. *Leprosy in medieval England.* Woodbridge, Suffolk: Boydell Press, 2009. 440 p.
3. *Plague and the end of Antiquity: The Pandemic of 541–750* / Ed. by Lester K. Little. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 382 p.
4. Федин А.В. Влияние эпидемий на процесс христианизации индейцев Новой Франции в XVII веке // *Диалог со временем.* 2016. № 55. С. 247–267.
5. Гришин В.И., Домашенко Д.В., Константинова Л.В. и др. Жизнь после пандемии: экономические и социальные последствия // *Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова.* 2020. Т. 17. № 3 (111). С. 5–18.
6. Громыко А.А. Последствия пандемии для международных отношений // *США и Канада: экономика, политика, культура.* 2020. Т. 50. № 5. С. 71–76.
7. Shalev D., Shapiro P.A. Epidemic psychiatry: The opportunities and challenges of COVID-19 // *General Hospital Psychiatry.* May–June 2020. V. 64. P. 68–71.
8. Волков Ю.Г., Курбатов В.И. Современное российское общество в условиях пандемии // *Гуманитарии Юга России.* 2020. Т. 9 (42). № 2. С. 17–32.
9. *Общество и пандемия: опыт и уроки борьбы с COVID-19 в России.* М.: Издательство Ин-та Гайдара, 2020. 744 с.
10. Танева С.Й. Поведенческая модель во время пандемии (COVID-19) на основе анкетного опроса студентов из медицинского университета Болгарии // *Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта.* 2020. № 3 (19). С. 4–16.
11. Сорокоумова Е.А., Чердымова Е.И., Пучкова Е.Б. и др. Студенты в период пандемии COVID 19: понимание ситуации самоизоляции // *Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право.* 2020. № 3. С. 196–205.
12. Димитричева О.И., Савченко И.А., Пикунов О.И. Город, медиа и пандемический стресс // *Теория и практика общественного развития.* 2020. № 11. С. 14–19.

EVERYDAY LIFE IN FOCUS OF THE PANDEMIC*I.A. Savchenko¹, A.M. Gorokhova²*¹Linguistics University of Nizhny Novgorod; Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of Russia²Linguistics University of Nizhny Novgorod

The authors try to understand how the COVID-19 pandemic affects people's everyday world and self-perception. According to the conclusions of a number of historians and social anthropologists, mass epidemics of past epochs, especially in the Middle Ages, often had positive effects: different forms of assistance, social responsibility and social solidarity developed in society. The article summarizes the results of some modern research on the psycho-emotional effects of COVID-19, in particular, in the youth environment. These works also establish the growth of tolerance, social loyalty, friendship and family participation among young people against the background of the pandemic. The authors of this article empirically try to check whether the current pandemic state of society actually produces certain positive effects in people's worldview. After conducting a survey of 584 Nizhny Novgorod students, the authors came to completely different conclusions. Students were asked how the pandemic had changed their attitude to life. It was found that against the background of the pandemic, students began to value their health and their studies more, which, in general, indicates an increase in individualism. The survey did not provide evidence of a clear strengthening of the values of family, friendship, and tolerance in the minds of young people. Communication has become almost a physiological need, like sleep and food, with little to do with friendship, altruism, and the family circle. An optimistic mood does not prevail among students, but most students do not recognize depressive manifestations in their psyche and behavior. At the same time, a positive marker is that young people, after easing isolation measures, begin to appreciate more simple "joys of life", such as walking in the fresh air. The authors admit that the results of their research are a cross-section of the current psycho-emotional state of students and do not make long-term forecasts.

Keywords: epidemic, pandemic, COVID-19, youth, everyday life, social change, social solidarity, participation, help, tolerance.

УДК 316.3

DOI 10.52452/18115942_2021_1_90

ГЕНДЕРНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ И ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ВОЛОНТЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© 2021 г.

А.В. Ермилова, И.А. Исакова

Ермилова Анна Вячеславовна, к.соц.н.; доц.; доцент кафедры общей социологии и социальной работы
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
ermilova.75@bk.ru

Исакова Инна Александровна, к.соц.н.; доцент кафедры общей социологии и социальной работы
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
inna_isakova@mail.ru

Статья поступила в редакцию 29.09.2020

Статья принята к публикации 26.01.2021

Волонтерство как постоянно трансформирующийся вид деятельности в глобальном масштабе, так и его несформированность как социального института в РФ актуализируют его изучение как социального феномена в различной направленности: гендерной, возрастной, территориальной. Возрастные и гендерно-территориальные особенности реализации волонтерской деятельности выявлялись на примере таких областных центров, как Нижний Новгород и Иваново. В 2014–2018 гг. в Нижнем Новгороде и Иваново проведены анкетирование жителей (Nив=340 чел.; Nн.н.=400 чел.) и полуформализованное интервью специалистов-экспертов (Nив=5 чел.; Nн.н.=36 чел.). Привлечение научных трудов таких классиков социологической мысли, как Дж. Мид, Т. Парсонс, Г. Блумер, а также серия авторских социологических исследований позволили выявить гендерно-территориальные особенности волонтерства в условиях современного российского общества с упором на такие аспекты социального служения, как представления о волонтерстве и его ценности; оценка актуальных направлений волонтерства и проблемного поля добровольчества; анализ причин вовлеченности. Авторы приходят к выводу, что волонтерство как вид социальной активности конструируется в определенной степени спонтанно, гендерно-асимметрично, независимо от значимости социальных проблем в современном обществе.

Ключевые слова: волонтерство, поколение, молодежь, пожилые лица, гендерная специфика, региональные особенности, направленность волонтерской деятельности, проблемное поле волонтерства.

Введение

Современное волонтерство как социальный феномен получило распространение во всем мире, в результате чего волонтеры как социальная общность трансформировались в международную благотворительную структуру, способную принять участие в решении даже глобальных проблем, нависших над современным социумом. Волонтерская деятельность в Российской Федерации еще находится на этапе легитимации как вида социальных практик, что обуславливает противоречивость опыта добровольческой помощи, отражением которой являются проблемы реализации социального служения.

Теоретико-методологические подходы

На протяжении нескольких десятилетий волонтерство как социальный феномен изучалось в исторической динамике развития России в разных направлениях: психологическом, экономическом, педагогическом, социологическом, в

том числе выявлялась его специфика через призму социальной работы. Так, например, научно-исследовательские работы Л.В. Вандышевой [1], И. Левдер [2], Е.Ю. Меншиковой [3], З.Х. Саралиевой [4] посвящены выявлению особенностей институализации социальных практик, содержательных аспектов профессионального образования в области социальной работы. Педагогические аспекты волонтерства раскрываются в работах М.В. Григорович [5], Н.В. Тарасовой [6]. Рассмотрение волонтерского труда через ресурсный подход осуществляют И.Е. Корнеева и И.В. Мерсиянова [7]. Управленческий подход к волонтерству применяет М.В. Певная [8], разрабатывая концептуальные основы социального управления волонтерством.

В международной социологической практике изучением современного состояния волонтерства занимаются Y.I. Kim и S.J. Jang [9], D.G. Oh [10], H.Y. Qvist [11], B. Radovanovic [12], M.J. Schneider [13], I.Y. Shachar и L. Hustinx [14], M.S. Skinner и M.K. Sogstad [15], P.B. Smith [16], J. Wilson и J. Son [17].

Таблица

Оценка представлений о волонтерстве жителей г. Иванова в зависимости от пола, %
(N1 – молодежь, занимающаяся волонтерской деятельностью, 90 чел.,
N2 – горожане, не занимающиеся волонтерской деятельностью, 250 чел.)

Социально-демографические характеристики выборки		Ассоциации с волонтерской деятельностью							
		Неоплачиваемый, безвозмездный труд		Помощь нуждающимся и бедным людям		Добровольный труд		Содействие в решении проблем, которые не решены государственными органами	
		N1	N2	N1	N2	N1	N2	N1	N2
Пол	Муж.	26.5	43.0	26.4	13.1	32.4	12.3	14.7	31.6
	Жен.	10.7	33.8	34.0	20.0	23.2	16.0	32.1	30.2

Актуальность изучения современного состояния волонтерства в российских регионах связана с тем, что на всем протяжении развития волонтерского труда происходила смена идеологических моделей государственного устройства. Идеология современного социума приобрела в большей степени либеральную направленность, что естественным образом не могло не отразиться на специфике осуществления данного вида деятельности.

Эмпирическая база

Социологическая информация была получена с помощью серии исследований по волонтерской проблематике, реализованных с 2015 г. по 2018 г. в двух областных городах – Иванове и Нижнем Новгороде. В Иванове в 2015 г. опрошены горожане (анкетирование, выборка – квотная), в том числе молодые люди, занимающиеся волонтерской деятельностью ($n=340$ чел.), а также эксперты-руководители добровольческих центров и общественных организаций – методом полуструктурированного интервью ($n=5$ чел.). В Нижнем Новгороде в 2015–2018 гг. опрошены жители (анкетирование, квотная выборка), в том числе вовлеченные в добровольчество ($n=400$ чел.), а также сотрудники государственных и некоммерческих социальных организаций, связанных с этой сферой ($n=36$ чел.).

Данные сопоставлялись с результатами телефонного опроса россиян от 18 лет, посвященного добровольческой деятельности, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) 12 октября 2018 г. ($n=1600$) [18].

Анкетные опросы и материалы интервью позволили выявить гендерно-территориальные и возрастные особенности реализации волонтерской деятельности, что явилось целью исследования. Объект исследования – волонтерская деятельность как социальное явление. Предмет исследования – гендерно-территориальные и возрастные особенности современного волонтерства. Гипотеза исследования – волонтерские

практики и их направленность гендерно маркированы в современном социуме.

Результаты исследования

Любое организованное сообщество, в том числе и российский социум, осуществляет свою жизнедеятельность в соответствии с концепцией «обобщенный другой», идея создания которой принадлежит известному социологу Дж. Миду. В соответствии с этой концепцией, базирующейся на тезисе «обобщенный другой – это образ, который существует в обществе в отношении определенных социальных ролей» [19], вызывает интерес вопрос, связанный с наличием в обществе обобщенного образа волонтерской деятельности. Анализ представлений о волонтерстве был осуществлен с помощью выявления ассоциаций по отношению к этому виду деятельности действующих волонтеров и населения г. Иванова (см. табл.).

Несмотря на то что общности отличаются друг от друга по возрастному критерию, а именно – действующие волонтеры находятся в возрасте от 14 до 22 лет, тогда как возраст опрошенных жителей г. Иванова варьируется от 16 до 60 лет, представления о сущности волонтерства своеобразны в зависимости от гендерного признака. Совершенно очевидно, что материальный аспект волонтерства, а именно его отсутствие, является сущностной характеристикой добровольчества для мужской части респондентов. Женщины в значительной степени ассоциируют волонтерскую деятельность с необходимой помощью в решении проблем, которые в настоящее время не может профинансировать и урегулировать система государственной власти.

В 2018 г. анализ представлений о волонтерстве был проведен в Нижнем Новгороде на основе анкетного опроса, в котором приняли участие 400 нижегородцев от 18 до 77 лет, из которых 70 человек имеют регулярный или периодический опыт участия в волонтерстве и 330 человек либо участвовали единожды, либо

не участвовали совсем. Главная ассоциация с волонтерской деятельностью у нижегородцев гендерно идентична (жен. – 52%; муж. – 55%) – это «добровольная работа». Подобное представление является нормативным, поскольку согласовывается с определением, представленным в российском законодательстве: «под добровольческой (волонтерской) деятельностью понимается добровольная деятельность в форме безвозмездного выполнения работ и (или) оказания услуг» [20]. Однако вторая по значимости характеристика существенно гендерно отличается: девушки выбирают помощь нуждающимся (46%), а мужчины – участие в общественной деятельности (49%). Таким образом, представления о волонтерской деятельности у женщин сочетают рациональные и эмоциональные аспекты – респондентки воспринимают ее как труд добровольный, совершаемый для блага тех, кто находится в трудной жизненной ситуации; у мужчин восприятие более рациональное – добровольная общественная работа.

Понимание волонтерства как способа помощи у мужчин на третьем месте (45%), а на четвертом – «способ участия в благотворительности» (39%), у женщин «благотворительная» характеристика занимает третью позицию (40%). Следовательно, мужчины в большей степени воспринимают волонтерство как помощь обществу, а женщины – как помощь тем, кто сам не может справиться с окружающими проблемами.

Отмечая значимость для общественности и волонтеров такой характеристики, как добровольность, необходимо уточнить, что под ней населением понимается самопринуждение к оказанию помощи. Однако нельзя не отметить, что под добровольностью может пониматься и готовность безвозмездно делать то, в чем нуждается общество конкретного региона, что значимо для решения социальных проблем местного сообщества, а не то, что интересно делать добровольцу. Приоритет собственных интересов и желаний перед общественными прослеживается в восприятии как мужчин, так и женщин.

Кроме гендерных различий, нами выявлена и возрастная специфика в понимании феномена «волонтерская деятельность»: студенты (82%) и граждане 30–49 лет (65%) как наиболее значимую характеристику выделяют добровольность труда; 25–29-летние – помощь нуждающимся (53%), а старшее поколение – гражданскую активность (60%).

Зависимость восприятия волонтерства от возрастного фактора выявлена и в г. Иванове. Понимание волонтерства как способа помощи нуждающимся возрастает у мужской части населения по мере увеличения их возраста, что

говорит о более позднем осознании важности волонтерского труда. Женщины-волонтеры склонны вкладывать в трактовку термина «волонтерство» помощь людям, находящимся в трудной жизненной ситуации, что свидетельствует о более выраженном чувстве эмпатии, которое может являться мотивирующим фактором социального действия. Следует заметить, что с увеличением возраста мужчин чувства, связанные с состраданием, сопереживанием к нуждающейся части населения, регрессируют, что может быть сопряжено с их жизненным опытом, который делает современного мужчину менее эмоциональным, рациональным человеком, ориентированным в первую очередь на деятельность, приносящую доход для реализации своей основной функции в семье.

Эмпатическая линия волонтерства, имеющая преимущественно женское лицо, прослеживается и в задачах волонтерства. Гуманистическое воспитание молодых людей как задача волонтерства наиболее значима для ивановских женщин, независимо от участия/неучастия в волонтерстве (N1=16%; N2=22.5%), тогда как мужчины, особенно в возрасте старше 40 лет, в меньшей степени видят идейное воплощение волонтерства в уважительном отношении к личности как таковой, независимо от ее социальных характеристик (N1=10%; N2=14%).

Аналогичная тенденция прослеживается и у респондентов, проживающих в Нижнем Новгороде: на воспитательный потенциал волонтерства указали 16% женщин, мужчины игнорировали выбор этой задачи. При этом нижегородские волонтеры актуализируют и такую задачу, как формирование сети социальных контактов.

Наиболее значимой задачей волонтерства в Иванове, по мнению мужчин (N1=55%; N2=45.6%), и для значительной части женщин (N1=42%; N2=29%) является вовлечение молодежи в социальную практику, имеющую особое значение для молодежного контингента, поскольку именно в этом возрасте происходит осмысление жизненных целей, реализация которых в итоге должна отразиться в социальной реальности. Через участие в социальном служении молодые люди могут проявить себя, по мнению обоих полов, что тоже является одной из важных задач: через участие в благотворительности молодые люди заявляют о себе, создавая репутацию, и те, кто эти возможности осознают, уже являются достаточно культурно и духовно развитыми, граждански активными людьми.

Косвенным подтверждением значимости волонтерства для развития молодых поколений является мнение 82% опрошенных нижегородцев (гендерных различий в мнениях не выявлено).

но), которые отметили, что этим видом деятельности обязательно должны заниматься студенты. Однако не стоит забывать, что принятая в 2018 г. в России Концепция развития добровольчества (волонтерства) в России до 2025 года предписывает поддержку этого вида деятельности во всех возрастных группах, к чему население России пока готово недостаточно [21].

Волонтерство как форма социального служения имеет особую значимость сейчас, когда сознание большей части россиян трансформировалось в соответствии с рыночной идеологией, в результате чего прогрессируют потребительские настроения. Волонтерство является тем самым противовесом потребительскому мировоззрению большинства, позволяющим сохранить духовность в современном социуме, что актуализирует проблему ценности волонтерского труда. Следует заметить, что, выявляя ценности в работе волонтера, мы столкнулись с асимметричной интерпретацией значимости волонтерства в представлениях не только мужчин и женщин, но у действующих волонтеров и жителей г. Иванова. Самоудовлетворение от осознания собственного достоинства личности в процессе осуществления социального служения, по мнению общественности, имеет значение для людей, занимающихся помогающими формами деятельности. Для мужчин благодарность окружающих имеет большее значение, чем для женщин (муж. – 30%; жен. – 19%). Респонденты женского пола в большей степени признают за волонтерством возможность помочь окружающим (жен. – 34%; муж. – 22%), что еще раз подчеркивает выраженную склонность к милосердию, сочувствию, сопереживанию. Но действующие волонтеры такой ценности, как самоудовлетворение, вообще не придают особого значения (на данный тип ценности указал 1 человек), как и не верят в большинстве своем, что могут изменить мир к лучшему. Молодые реалисты обоих полов в равной степени ценят волонтерство за возможность осуществлять помощь разной направленности (муж. – 50%; жен. – 27%), а также за то, что могут ощутить благодарность тех людей, которым они предоставили возможность жить лучше, подали руку помощи (муж. – 35%; жен. – 56%).

Ситуация в Нижнем Новгороде несколько отличается. Город является крупным индустриальным центром с достаточно развитой конкурентной средой, которая оказывает значительное давление на жителей. Именно поэтому мотивами, которые движут нижегородцами в желании заниматься волонтерством, стали стремление быть полезным – 67%, возможность изменить мир к лучшему – 61%, интерес, общение

с разными людьми – 51%, возможность найти новых друзей – 31%, получить опыт работы – 29%, возможность получить благодарность людей – 17%, занять свободное время – 11%, остальные варианты набрали менее 10% ответов. Причем прослеживается значимая гендерная специфика в определении ценности волонтерской деятельности. Если «полезность» отмечали все опрошенные, то по второму и третьему пунктам мнения разделись: «возможность изменить мир» значима больше для женщин, а «интерес и общение» – для мужчин. В городе, где доминируют ценности рыночной экономики, параллельно активно развивается сектор гражданских инициатив, который дает нижегородцам почувствовать себя «полезными» и «результативными». Значимой для выбора волонтерской деятельности является возможность мгновенно увидеть результат своих действий, поскольку в профессиональной жизни результат зависит не только от действий каждого работника, но и от политики и слаженности работы компании в целом; в семейной жизни без длительной апробации нельзя понять, успешен ли брак. В волонтерской деятельности человек получает отклик сразу – довольные подопечные, сытые животные, чистая улица. Существуют и ценностные противоречия: «стремление быть полезным людям» – это основной мотив в выборе волонтерства, страх «нанести вред» – значительный демотиватор, который нельзя игнорировать при вовлечении в сферу помогающей деятельности.

Преимущественно в г. Нижнем Новгороде женская часть волонтеров стремится сделать мир лучше, однако этот показатель сложно разложить на четкую систему критериев, а значит, и оценить, достигнут ли результат. Мужчинам немного легче оценить, выросло ли количество полезных и интересных контактов.

В результате мы сталкиваемся с интересной ситуацией: несмотря на значимость в определении волонтерства помощи нуждающимся, когда горожане начинают рассуждать о ценностях, происходит осознание значимости благодарности объектов поддержки. «Спусковым крючком» может являться направленность практик волонтерства (см. рис.).

Как и ожидалось, женская часть волонтеров сталкивается в социальной реальности в большей степени с субъектами, находящимися в трудной жизненной ситуации. По нашему мнению, это может быть связано с тем, что девушки-волонтеры в большей степени задействованы в таких видах волонтерства (помощь пожилым, лицам с ограниченными возможностями здоровья, животным), для которых характерна очень

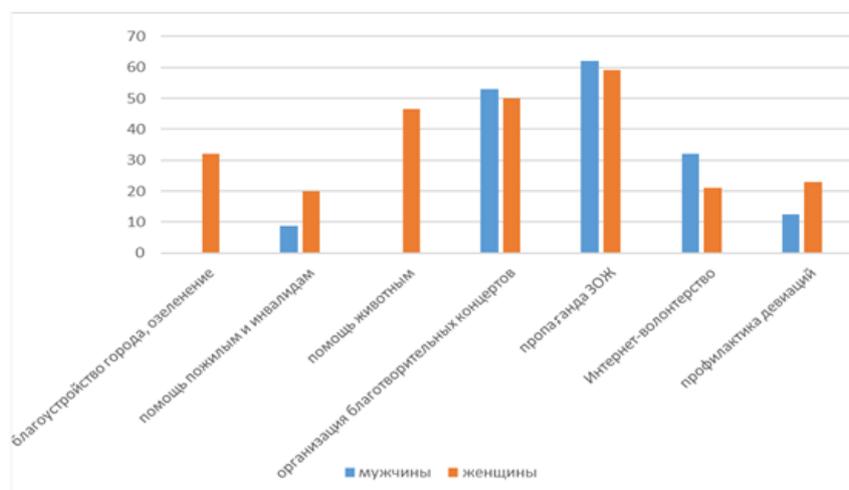

Рис. Оценка актуальных направлений волонтерской деятельности в г. Иванове в зависимости от пола молодых людей, % (N=90 чел.)

тесная связь с объектом помощи, что естественным образом отражается на их психологическом состоянии. Большинство ивановской и нижегородской молодежи желает принимать участие в организации концертов, пропаганде здорового образа жизни, интернет-волонтерстве, наиболее активны в этих направлениях социального служения мужчины. Однако мужчины-волонтеры из Иванова, в отличие от своих коллег из Нижнего Новгорода, предпочитают не иметь отношения к таким видам волонтерства, как благоустройство города, помощь животным. А вот от таких направлений волонтерства, как помощь пожилым и людям с ограниченными возможностями здоровья, молодые люди мужского пола, проживающие на обеих территориях, отказываются, несмотря на востребованность данных направлений.

Экспертный опрос в г. Иванове (N_{ив}=5 чел.) показал, что наиболее актуальным видом трудовой деятельности волонтеров является помощь социально незащищенным слоям населения: «Адресная помощь людям с ограниченными возможностями здоровья и представителям старшего поколения. Помощь людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации» (педагог дополнительного образования центра координации волонтерской деятельности); «Здоровоохранение и помощь социально незащищенным категориям населения» (специалист городского молодежного актива г. Иванова). Следовательно, девушки к социальному служению готовы значительно больше, однако работать с людьми тоже опасаются, отдавая предпочтение экологическому направлению волонтерства, а именно озеленению улиц и помощи животным.

Данные подтверждаются и результатами ВЦИОМ: самыми популярными видами добровольческой деятельности среди россиян явля-

ются участие в субботниках (36% опрошенных), сбор средств и вещей для людей, попавших в тяжелое положение (21%), перечисление денежных средств в общественные организации (19%) [18]. Таким образом, можно констатировать отсутствие желания у современных волонтеров участвовать в наиболее востребованных направлениях помощи, с нежеланием осуществлять целерациональные виды социального действия, на которые есть общественный спрос. Стремление к облегченным видам волонтерства, а именно избегание такой практики заботы, как помощь нуждающимся членам общества, – это всероссийская тенденция.

Следовательно, мы видим несоответствие гендерных представлений о наиболее актуальных направлениях волонтерства, интерпретации жизненного мира и его изменчивости. Г. Блумер указывал на следующие его аспекты: «Жизнь и деятельность людей с необходимостью изменяются в соответствии с изменениями, которые происходят в их объективном мире» [22]. Так, объективная реальность, актуализируя определенный тип социального запроса, остается не познанной определенной частью людей, не готовых изменить направленность своих действий в социальном служении. Такая ситуация актуализирует, во-первых, проблему гендерного конструирования образа волонтерской деятельности; во-вторых, недостаточную информированность о реальной социальной ситуации и социальных проблемах в регионе проживания. Действующие волонтеры, выбирая направленность социального служения, ориентируются на собственные желания и интересы, а не на потребность региона в решении какой-то значимой социальной проблемы. Безусловно, нельзя забывать о главном признаке волонтерства – это добровольный характер, соответственно, при-

нуждать людей к активизации в определенной направленности не стоит, однако повышение информированности об общественных затруднениях и принимаемых социальными службами мерах для их преодоления может изменить представления волонтеров с идеалистических на прагматические: с неопределенного желания менять мир к лучшему на помощь своему региону проживания и решению его текущих актуальных проблем. Таким образом, привлекать внимание к наиболее востребованным видам волонтерской деятельности для каждой конкретной территории необходимо, особенно к тем, где без мужской помощи обойтись трудно.

Заключение

Анализ различных аспектов осуществления волонтерской деятельности позволяет сделать вывод, что в современном обществе пока еще не сформировано однозначное понимание значимости этого феномена. Большинство ивановцев признаются, что до конца не осознают востребованных видов волонтерства в их регионе. К тому же действующие волонтеры, особенно мужская часть, выбирают такие направления социального служения, которые не всегда отвечают запросам общества. В настоящее время волонтерство как вид социальной активности конструируется в какой-то степени спонтанно, гендерно-асимметрично, независимо от значимости социальных проблем в современном обществе. Это говорит о том, что волонтерство сегодня не является тем социальным ориентиром, который позволяет консолидироваться обществу вокруг этого социального явления. Уход от идеологии патернализма фактически трансформировал волонтерство в вид деятельности с акцентом на удовлетворении личностных, а не общественных потребностей.

Список литературы

1. Вандышева Л.В. Семейное волонтерство как перспективное направление в социальной работе с семьей // Новая наука: современное состояние и пути развития. 2015. № 1. С. 33–36.
2. Левдер И. Добровольческое движение как одна из форм социального обслуживания // Социальная работа. 2006. № 2. С. 12–16.
3. Менщикова Е.Ю. Социальная работа и волонтерство: ценностно-практический аспект взаимодействия в среде высшей школы // Научные исследования в образовании. 2008. №1. С. 11–14.
4. Саралиева З.Х. Система социальной работы: структура, принципы функционирования // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2001. №1. С. 41–47.
5. Григорович М.В. Психологические аспекты добровольческой деятельности в подростковом воз-

расте // Вестник Тамбовского государственного университета. 2011. № 7 (99). С. 99–102.

6. Тарасова Н.В. Волонтерская деятельность как историко-педагогический феномен // Педагогическое образование в России. 2012. № 4. С. 46–52.

7. Мерсиянова И.В., Корнеева И.Е. Благотворительность и участие россиян в практиках гражданского общества: региональное измерение. М.: НИУ ВШЭ, 2013. 203 с.

8. Певная М.В. Управление волонтерством: международный опыт и локальные практики. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2015. 384 с.

9. Kim Y.I. и Jang S.J. Explaining gender differences in changes in volunteering after divorce // Sociological Quarterly. 2018. Vol. 60. № 1. P. 138–167. DOI: 10.1080/00380253.2018.1526050.

10. Oh D.G. Analysis of the factors affecting volunteering, satisfaction, continuation will, and loyalty for public library volunteers: An integrated structural equation model // Journal of Librarianship and Information Science. 2019. Vol. 51. № 4. P. 894–914. DOI: 10.1177/0961000617747338.

11. Qvist H.Y. Secular and religious volunteering among immigrants and natives in Denmark // Acta Sociologica. 2018. Vol. 61. № 2. P. 202–218. DOI: 10.1177/0001699317717320.

12. Radovanovic B. Volunteering and helping in Serbia: main characteristics // Sociologija. Vol. 61. № 1. P. 133–152. DOI: 10.2298/SOC1901133R.

13. Schneider M.J. Exotic place, white space: Racialized volunteer spaces in Honduras // Sociological Forum. 2018. Vol. 33. № 3. P. 690–711. DOI: 10.1111/sof.12439.

14. Shachar I.Y. и Hustinx L. Settling the neoliberal contradiction through corporate volunteering: Governing employees in the era of cognitive capitalism // Journal of Contemporary Ethnography. 2019. Vol. 48. № 6. P. 773–805. DOI: 10.1177/0891241619828442.

15. Skinner M.S., Sogstad M.K. Voluntary work in the Norwegian long-term care sector: complementing or substituting formal services? // European Journal of Social Work. 2019. Vol. 22. № 6. P. 999–1011. DOI: 10.1080/13691457.2018.1462767.

16. Smith P.B. Changes in reported nation-level prosocial behavior frequencies over 6 years: A test of alternative predictors // Social Indicators Research. 2019. Vol. 144. № 3. P. 1195–1208. DOI: 10.1007/s11205-018-02051-2.

17. Wilson J., Son J. The connection between neighboring and volunteering // City and Community. 2018. Vol. 17. № 3. P. 720–736. DOI: 10.1111/cico.12324.

18. Волонтерство в России: сегодня и завтра // Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения. Выпуск № 3623. Опубликовано 03.04.2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9020> (дата обращения: 18.09.2020).

19. Мид Дж. Г. Избранное: Сб. переводов / РАН. ИНИОН. Центр социал. научн.-информ. исследований. Отд. социологии и социал. психологии; Сост. и переводчик В.Г. Николаев. Отв. ред. Д.В. Ефременко. М.: ИНИОН РАН, 2009. 290 с. (Серия: Теория и история социологии).

20. Федеральный закон от 11.08.1995 № 135-ФЗ (ред. от 05.02.2018) «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» // Право-

вой сайт «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW7495/ (дата обращения: 09.09.2018).

21. Распоряжение от 27 декабря 2018 года № 2950-р. «Об утверждении Концепции развития добровольчества (волонтерства) в России до 2025

года» // Официальный сайт Правительства РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/35231/> (дата обращения: 10.12.2018).

22. Блумер Г. Символический интеракционизм / Пер. А. Корбута. М.: Изд-во «Элементарные формы», 2017. 346 с.

GENDER AND AGE CHARACTERISTICS IMPLEMENTING OF VOLUNTEER ACTIVITIES: SOCIOLOGICAL ASPECT

A.V. Ermilova, I.A. Isakova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Volunteerism as a constantly transforming type of activity on a global scale, as well as its immaturity as a social institution in the Russian Federation, necessitates its study as a social phenomenon in the context of gender, age, territory. Age and gender-territorial peculiarities of volunteering were revealed by the example of such regional centers as Nizhny Novgorod and Ivanovo. Over the period of 2014 to 2018, a survey of residents was conducted in Nizhny Novgorod and Ivanovo (Niv=340 people; NN = 400 people) and a semi-formalized interview with experts (Niv=5 people; NN = 36 people). The involvement of scientific works of such classics of sociological thought as J. Mead, T. Parsons, G. Bloomer, as well as a series of author's sociological studies conducted from 2014 to 2018, allowed us to identify gender-territorial peculiarities of volunteering in a modern Russian society, with a focus on such aspects of social service as ideas about volunteering and its value; assessment of current trends in volunteering and the problematic field of volunteering; analysis of the reasons for involvement. Authors come to the conclusion that volunteering as a type of social activity is constructed to some extent spontaneously, gender asymmetrically, regardless of the importance of social problems in a modern society.

Keywords: volunteering, generation, youth, elderly persons, gender specificity, regional peculiarities, direction of volunteer activity, problem field of volunteering.

УДК 316.4
DOI 10.52452/18115942_2021_1_97

ЦЕЛЕВОЕ ОБУЧЕНИЕ В ОЦЕНКАХ СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ: ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

© 2021 г.

А.Р. Заляев, Е.Ю. Шаммазова

Заляев Артур Рустанович, к.соц.н.; ассистент кафедры истории, философии и социологии
Казанского государственного медицинского университета
arthyran@mail.ru

Шаммазова Екатерина Юрьевна, к.филос.н.; доц.; доцент кафедры истории, философии и социологии
Казанского государственного медицинского университета
shammazova.ekate@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 07.10.2020
Статья принята к публикации 16.01.2021*

Рассматриваются вопросы, связанные с проблемой целевого приема и обучения студентов в медицинских образовательных организациях. Для измерения социальных установок контингента относительно целевого приема было проведено социологическое исследование с использованием метода массового опроса студентов лечебного и педиатрического факультетов 1–6-го курсов Казанского государственного медицинского университета ($N=386$). На основе анализа результатов выявлены механизмы получения целевых направлений, определены негативные и позитивные компоненты установок обучающихся относительно целевого набора, а также социально-демографические характеристики респондентов, оказывающие влияние на оценку данной формы рекрутинга студентов. Определены факторы формирования негативного отношения к студентам-целевикам со стороны студентов, прошедших по общему конкурсу, и студентов, обучающихся на внебюджетной основе; описаны социально-демографические характеристики студентов-целевиков и основные направления дискурса проблематики целевого обучения в СМИ.

Ключевые слова: целевое обучение, целевое направление, медицина, образование, условия труда, ожидания студентов-медиков, смена места работы.

Введение

Тема образования – одна из актуальных для современного российского общества. Помимо общих проблем образования активно прорабатываются вопросы целевого обучения. Важно отметить, что дискуссии вокруг целевого обучения в последнее время особо актуализировались.

Проблему целевого обучения затрагивает и министр науки и высшего образования Российской Федерации В.Н. Фальков, и региональные власти, и ректоры университетов. Наличие проблем признал и президент В.В. Путин, отметив, что необходимо увеличить квоты на целевую подготовку по медицинским специальностям. В Послании Федеральному собранию, согласно его предложению, порядок приема абитуриентов по целевым квотам в вузы медицинской специализации в новом учебном году должен быть изменен: по направлению «Лечебное дело» 70% бюджетных мест станут целевыми; количество мест по направлению «Педиатрия» составит 75%. Квота принятия на целевое обучение при этом будет осуществляться, безусловно, с учетом предложений регионов и органов власти [1].

Масштабное, по современным меркам, возвращение к целевому обучению должно, по за-

мыслу, сгладить существующую проблему, а также стимулировать в молодых специалистах заинтересованность в работе в соответствии с изначально выбранной профессией. Очевидно, что функция эффективного целевого обучения не сводится к решению исключительно кадровых вопросов. Оно играет вместе с тем решающую роль в контексте социальной и молодежной политики государства.

Система высшего образования является главной составляющей государственной системы воспроизведения кадрового состава. Одна из сложностей, возникающих при подготовке и последующем трудоустройстве специалистов медицинского направления, заключается в отборе самых талантливых выпускников. Работа по медицинскому профилю требует хороших специалистов, готовых «служить» профессии. В качестве традиционного механизма «отбора» в профессию использовалась процедура целевого обучения и последующего трудоустройства.

Итак, определимся с понятием «целевое обучение». Целевое обучение – это одна из форм рекрутинга будущих специалистов [2]. Целевое обучение предполагает возможность получения бесплатного образования по направлению от предприятия или учреждения, решая

две основные задачи: обеспечение возможности вертикальной социальной мобильности для молодежи и решение проблемы нехватки профессиональных медицинских кадров на местах. По окончании университета студенты, обучавшиеся на государственные средства, обязаны отработать отведенный период времени в назначенном для них месте. Целевая подготовка выпускников осуществляется в соответствии с установленными министерством контрольными цифрами целевого приема для выбранного вуза. Процедура осуществляется согласно договору о целевом обучении, который заключают заказчик и абитуриент. В лице заказчика могут выступать федеральные государственные органы, органы государственной власти субъекта Федерации, органы местного самоуправления или другие юридические лица.

История целевого обучения выпускников в нашей стране насчитывает многие десятилетия. Советская система предполагала повсеместное распределение молодых специалистов и гарантировала трудоустройство. Несмотря на очевидные плюсы решения целого ряда социально-бытовых проблем вчерашних студентов, эта система вызывала и немало нареканий. Среди таковых можно отметить фактически принудительный характер распределения, невозможность выбора места работы и жительства, разрыв социальных связей. Несмотря на это, в отсутствие каких бы то ни было социальных гарантий возможность получения гарантированного рабочего места воспринималась как благо. Современное экономическое устройство, практически не предоставляя каких бы то ни было гарантий трудоустройства для выпускников, оставляет поиск места работы в компетенции самого молодого специалиста. С одной стороны, это неплохо, так как способствует развитию самостоятельности, но, с другой стороны, можно наблюдать ситуацию, когда большая часть выпускников вузов работает по специальности, отличной от той, которую они осваивали по определённой образовательной программе. В некоторых профессиях доля таких случаев может составлять 70–90%.

В целом, при анализе дискурса проблемы целевого обучения в СМИ можно выделить следующие проблемные точки зрения.

1) Студенты, проходящие обучение по целевой программе, не всегда попадают в организации, по направлению которых они проходили свое обучение. Так, регионы и области, которые направили «целевиков» на обучение по медицинским специальностям, очень часто не получают такого специалиста.

2) Целевое направление дает возможность бесплатно получить образование в престижном

вузе не благодаря высокому уровню школьной подготовки (например, высокому баллу по результатам ЕГЭ), а в силу особой «расторопности» выпускника школы. В ситуации с целевым обучением более подготовленные и способные абитуриенты могут не пройти по конкурсу из-за недостаточности набранных баллов.

3) Организации, которые заключают договоры о целевой подготовке, не оказывают студентам (или оказывают в незначительной степени) требуемой материальной поддержки в процессе их обучения. Целевое направление должно быть применимо лишь к определенным специальностям, определенным регионам с акцентом на их нуждах.

4) Выпускники целевого направления должны заранее понимать, где и на какой должности будут работать, и, следовательно, заранее сосредоточиваться на получении компетенций и навыков, которые понадобятся им в будущем. Нельзя забывать и о специфике региона, в котором должен работать будущий специалист, что должно быть учтено при формировании образовательных предложений вузов.

5) Отсутствие связи процесса формирования кадровых резервов с программой регионального развития.

6) Отсутствие механизмов, которые являлись бы гарантией исполнения требований нормативных актов, вызывающее несерьезное и безответственное отношение всех участников процесса целевого набора и целевого обучения к выполнению собственных обязательств на этапе подготовки, в процессе устройства на работу по специальности и удержания молодых специалистов в профессии.

7) Отсутствие правдивой и прозрачной системы отбора представителей на целевую подготовку или ее несовершенство.

8) Нечеткое, расплывчатое представление нужд работодателя при определении требований к молодым специалистам [3–5].

Процесс целевого обучения используется на любом уровне: федеральном, региональном, муниципальном. Его предназначение состоит в обеспечении российской образовательной системы высококвалифицированными профессионально и мотивированными специалистами, удержании выпускников медицинского направления в профессии [6]. Реализация целевого приема в учебных заведениях Российской Федерации на практике свидетельствует о несовершенстве существующей системы. Многими исследователями выделяются очевидные ее изъяны. Процесс этот нуждается в кардинальных изменениях для соответствия требованиям современной образовательной практики. Вместе

Таблица

Средний балл ЕГЭ абитуриентов Казанского ГМУ (2016–2019 гг.)

	2019 г.	2018 г.	2017 г.	2016 г.
Качество бюджетного приема в Казанском ГМУ: средние баллы ЕГЭ – все зачисленные (квоты+общий конкурс)	82.0	81.8	79.4	79
Качество внебюджетного приема в Казанском ГМУ: средние баллы ЕГЭ – все зачисленные	71.9	70.5	70.4	70.7
Целевой прием в Казанском ГМУ	73.6	75.1	72.5	71.3

с тем необходимость целевого приема продолжает оставаться очевидной для всех: как с позиции политики государства, так и с точки зрения кадрового воспроизводства [7].

Очевидно, что отбор претендентов на замещение вакантных позиций представляет собой важный элемент политики государства. При этом, как показывает анализ, система целевого набора в имеющемся состоянии не просто является ущербной, но даже представляет опасность для государства. Отсутствие правильных методик и подзаконных регламентов превращает процедуру приема с последующей целевой подготовкой в обыкновенную лазейку, дающую возможность оказаться в престижной профессии, не имея на то ни реальных прав, ни личностных склонностей к выбранному делу.

Гипотеза, методы исследования и характеристика выборочной совокупности

По оценке экспертов, неоднократно обращалось внимание на то, что в медицинских вузах при общей норме целевых мест 10% от бюджетного набора доля «целевиков» доходит до 50%, так как существует нехватка специалистов на местах в регионах [8].

Отмечается, что квота целевого приема, действующая для учебных заведений и облегчающая прием поступающих на внеконкурсной основе, искажает «картину» конкурсного приема [9;10]. Очень часто данная квота для целевого поступления превращается в «уловку» для обучения в столичном привлекательном вузе для плохо подготовленных, но при этом «расторопных» выпускников школ.

Для иллюстрации данного тезиса воспользуемся данными приемной комиссии Казанского ГМУ за период 2016–2019 гг. (табл.).

Как видно из представленной таблицы, конкурс среди «целевиков» проводится в рамках мест, которые выделены на целевое обучение. Средняя сумма баллов, полученных по результатам ЕГЭ, при этом существенно меньше по сравнению с тем же показателем для студентов, поступающих по основному конкурсу. При таком раскладе абитуриенты, более подготовлен-

ные и способные, могут не пройти по конкурсу из-за недостатка набранных баллов. Таким образом, выпускниками становятся заранее слабые (со слабым учебным потенциалом) «целевики», которые, несмотря на оказываемую им помощь, не всегда могут успешно осваивать образовательные программы. Данная тенденция имеет место не только среди студентов, обучающихся по направлениям медицины, но и по другим, не менее важным направлениям подготовки.

В этом контексте большой интерес представляет отношение к студентам-целевикам со стороны их одноклассников, прошедших по общему конкурсу, а также обучающихся на внебюджетных местах. Нами было выдвинуто предположение, что у студентов в целом сформировались негативные установки в отношении практики целевого приема и что этот негатив больше выражен у студентов, обучающихся на коммерческой основе. Данные предположения основаны на признании очевидных недоработок в законодательном регулировании целевого приема, от которых в большей степени страдают внебюджетные студенты, нередко имеющие более высокие баллы, но вынужденные оплачивать свое обучение.

Для измерения социальных установок студентов с целью проверки указанных гипотез нами было проведено социологическое исследование с использованием метода массового опроса студентов лечебного и педиатрического факультетов 1–6-го курсов Казанского государственного медицинского университета ($N=386$). Обработку результатов осуществляли в программном комплексе SPSS (ver. 21.0). Исследование проводилось в период с марта 2019 г. по ноябрь 2019 г.

Результаты исследования и их обсуждение

Из всех опрошенных студентов лечебного и педиатрического факультетов Казанского государственного медицинского университета (Казанского ГМУ) каждый седьмой обучается по целевому направлению (14%), чуть меньше половины опрошенных студентов (47%) обучаются на бюджетной основе и 39% респондентов – на коммерческой основе.

Материальное положение семей респондентов: большая доля респондентов (64%) оценивает финансовое состояние своей семьи как среднее, примерно каждый четвертый опрошенный оценивает финансовое состояние семьи выше среднего («в достатке») и 7% характеризуют его как «ниже среднего». Лишь 3% респондентов назвали финансовое состояние своей семьи низким, на высокое финансовое состояние («ни в чем себе не отказываем») указали 6% респондентов. При этом среди студентов, обучающихся по целевому направлению, подавляющее большинство (81%) указали на материальное положение своей семьи как среднее, 12% опрошенных студентов – «ниже среднего», 5% указали на материальное положение семьи как «выше среднего» («живем в достатке»).

Все студенты осведомлены о том, что такое целевое направление на обучение и каковы правовые последствия его неисполнения (имеется в виду обязательная отработка в организации, выделяющей направление на подготовку специалиста). При поступлении в вуз абитуриенты имеют четкое представление о возможных вариантах поступления в вуз за счет федеральных средств бюджета и своих трудовых перспективах после получения диплома.

Интересен факт, что при возможности выбора формы обучения большинство опрошенных (77%) выбрали бы целевое направление и лишь почти каждый четвертый (23%) студент выбрал бы бюджетную основу обучения.

По признанию самих студентов, отношение к инструменту целевого обучения у них неоднозначное. Каждый четвертый опрошенный (25%) негативно относится к идее целевого обучения, 6% респондентов нейтрально оценивают инструмент целевого набора и обучения, и большинство (69%) считают данный инструмент удобным для поступления. При этом студенты 1–3-го курсов более негативно относятся к инструменту целевого набора (76%), нежели студенты старших курсов – 22%. Данные могут указывать на более выраженное эмоциональное недовольство студентов младших курсов в связи с небольшим временным периодом после поступления в медицинскую образовательную организацию. К 4–5-му курсу отношение студентов к вопросу поступления нивелируется (становится не столь важным) в связи с загруженностью образовательными программами и установками на практические занятия.

Среди причин выбора инструмента целевого направления каждый третий студент, обучающийся по данной форме, отметил «могу быть уверен, что буду трудоустроен после окончания обучения» (36%), а также «возможность бес-

платного обучения в престижном вузе, при отсутствии высоких баллов при поступлении» (35%). На основании этого можно сделать вывод, что студенты, обучающиеся по целевому направлению, особенно ценят гарантии трудоустройства и бесплатного обучения, что отражает их общую неуверенность в завтрашнем дне и ограниченность собственных ресурсов.

Дополнительной иллюстрацией этой ситуации может стать социальный портрет студентов, которые обучаются на целевых местах. Примечательно, что среди таковых 23% являются выходцами из семей медиков, чьи родители или другие родственники работают в сфере здравоохранения. Это объясняется желанием продолжить трудовую династию в совокупности с возможностью «подстраховать» своего ребенка после окончания вуза и осведомленностью о механизмах получения подобных направлений. Последний пункт играет особую роль. Почти половина всех студентов-целевиков (42%) – выходцы из семей, где родители являются представителями бюджетной сферы (учителя, государственные/муниципальные служащие), и каждый третий студент, обучающийся по целевому направлению, – выходец из семьи, где родители являются представителями коммерческой сферы.

Принудительный характер «распределения» после окончания обучения не для всех является фактором привлекательности, что продемонстрировали студенты, обучающиеся на внебюджетной основе. Среди причин выбора данной формы поступления студенты называли следующие: «не придется отрабатывать три года в медицинской организации после окончания обучения» (31%) и «низкий конкурс при поступлении» (14%). Из всех опрошенных студентов, которые обучаются на коммерческой основе, 67% ответили, что родители/родственники работают в коммерческой сфере, у 11% опрошенных родители – представители сферы здравоохранения, 7% опрошенных студентов сообщили, что родители/родственники заняты в инженерно-технической сфере (IT, архитектура, строительство).

Медицинское образование по праву считается одним из самых сложных. В силу объективных причин служение медицинскому делу не может быть обусловлено легкостью поступления и использованием механизмов целевого направления. Изучение факторов, обусловивших поступление в медицинский вуз, позволяет выявить не только студенческую мотивацию, но и их установки относительно будущего самой профессии и статуса ее представителей в обществе. Основными факторами выбора медицинских специ-

альностей у студентов-целевиков стали: возможность получения интересной и творческой работы, которая была их «детской мечтой» (53.0%), каждый третий абитуриент (32.0%) исходил из соображений престижа и высокого социального статуса работников медицинского профиля в обществе, 12.0% респондентов надеются на получение в будущем высоких доходов.

Другой важный аспект – каналы получения студентами информации о целевом обучении, а также их роли в принятии решения о получении того или иного образования. О форме целевого направления абитуриенты чаще узнают на сайтах лечебно-профилактических учреждений и министерств здравоохранения, а также от родственников/знакомых/друзей. Последнее обстоятельство указывает на высокую роль социального окружения, и прежде всего родителей, в процессе профессионального самоопределения. Полученное направление лишь усиливает мотивацию гарантией поступления и трудоустройства после получения диплома.

При всех плюсах целевого обучения очевидны и его недостатки, которое заметно актуализируются по мере взросления студентов. Среди минусов формы целевого набора студенты выделяют:

– «приходится, не желая этого, отрабатывать три года в медицинской организации» (73.0%);

– «очень часто организация, которая направляет студента, не в состоянии предоставить престижную и хорошо оплачиваемую работу с дальнейшим потенциальным карьерным ростом» (56%);

– «нужно хорошо учиться, поскольку организации делают регулярные запросы в учебное заведение на проверку уровня успеваемости студентов-целевиков» (11%).

Анализ вышеперечисленных ответов свидетельствует о сравнительно низкой профессиональной мотивации студентов-целевиков на работу по полученной специальности после окончания обучения.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. 1) Студенты отдают предпочтение целевому обучению, поскольку в нем четко очерчены перспективы карьеры. 2) После окончания обучения выпускники имеют гарантии трудоустройства, заработка и должности без опыта работы. 3) Целевое обучение дает возможность получить бесплатное образование в престижном вузе, не имея при этом при поступлении высокие баллы. Среди студентов, обучающихся по целевому направлению, 23% – выходцы из семей медиков (родите-

ли/родственники работают в сфере медицины и здравоохранения), 42% – выходцы из семей, где родители являются представителями бюджетной сферы (учителя, государственные/муниципальные служащие), и каждый третий студент, обучающийся по целевому направлению, – выходец из семьи, где родители являются представителями коммерческой сферы, осуществляют предпринимательскую деятельность. При этом среди студентов, обучающихся по целевому направлению, подавляющее большинство (81%) указали на финансовое положение семьи как среднее.

Несмотря на наличие достаточно низкой профессиональной мотивации у студентов-целевиков, обучающихся по медицинским специальностям, необходимо отметить, что целевые направления должны существовать в силу востребованности определенных профессий в малопривлекательных регионах. Для медицинских специальностей особенно важно распределение квот с учетом нужд регионов и областей. Возможно, договор по целевому обучению имеет смысл заключать со студентами старших курсов, поскольку в этом случае заказчик получает желаемого специалиста, который обучался по особым программам, ориентированным непосредственно на работу в штате учреждения. Заказчик же, в свою очередь, будет планировать кадровую политику так, чтобы закрепить рабочее место и социальные гарантии в ситуации отсутствия должного опыта выпускника при устройстве на работу. В отдельных случаях может быть разработана система дополнительных стимулов для выпускников целевого обучения в виде ипотеки или возмещения расходов на повышение квалификации молодых специалистов. Однако самой главной задачей становится совершенствование механизмов распределения целевых мест, позволяющих отбирать наиболее релевантных и мотивированных на работу по профессии абитуриентов.

Список литературы

1. Путин предложил изменить порядок приема в медицинские вузы. URL: https://news.rambler.ru/community/43502480/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copypinkhttps://news.rambler.ru/community/43502480-putin-predlozhit-izmenit-poryadok-priema-v-meditsinskie-vuzy/ (дата обращения: 23.10.2020).
2. Карпова Д. Все особенности целевого обучения [Электронный ресурс]. URL: <https://www.irk.ru/news/articles/20120702/training/> (дата обращения: 23.10.2020).
3. Бакулина С.С., Музыченко Е.А. Опыт и проблемы формирования государственного региональ-

ного заказа на подготовку специалистов с высшим профессиональным образованием // Факторы и механизмы устойчивости предприятий: Сб. научных трудов. Новосибирск: СибАГС, 2003. 207 с.

4. Кутузов В.М., Семенов Н.Н., Шестопапов М.Ю. Формы и методы взаимодействия вузов с рынком труда // Рынок труда и рынок образовательных услуг. Регионы России: Третья Всероссийская научно-практическая интернет-конференция «Спрос и предложение на рынке труда и рынке образовательных услуг в регионах России». URL: <http://labourmarket.ru/co^3/> (дата обращения: 23.10.2020).

5. Ницев К.Н. Целевая подготовка специалистов в системе взаимодействия образовательных и производственных структур // Интеграция образования. 2018. № 4. С. 104–106.

6. Бакулина С.С., Музыченко Е.А., Чернокутов В.Е. Целевой прием в современных условиях // Высшее образование в России. 2019. № 8–9. С. 14–23.

7. Ливанов Д.В., Волков А.Е. Университет будущего: Ставка на новое содержание // Ведомости. 2019. № 165 (3179).

8. Елина Е.Г., Аникин В.М. Целевое обучение: социальные риски и их преодоление // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2018. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tselevoe-obuchenie-sotsialnye-riski-i-ih-preodolenie> (дата обращения: 23.10.2020).

9. Аникин В.М., Пойзнер Б.Н., Соснин Э.А. Целевое обучение как целенаправленная система деятельности // Высшее образование в России. 2019. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tselevoe-obuchenie-kak-tselenapravlennoy-sistema-deyatelnosti> (дата обращения: 23.10.2020).

10. Федоров А.А., Седых Е.П. Моделирование процессов целевого обучения и трудоустройства в системе педагогического образования // Психологическая наука и образование. 2015. Т. 20. № 5. С. 93–98.

EMPLOYER-FINANCED EDUCATION THROUGH FEEDBACKS OF MEDICINE STUDENTS: EXPERIENCE OF EMPIRICAL RESEARCH

A.R. Zalyaev, E.Yu. Shammazova

Kazan State Medical University

The issues related to the problem of employer-financed learning and training in medical educational institutions are considered. To measure the social attitudes of students to employer-financed learning, a sociological study was carried out using the method of mass survey of students of the medical and pediatric faculties studying in the 1-6 years of Kazan State Medical University (N = 386). Based on the analysis of the results, mechanisms for obtaining target areas were identified, negative and positive components of students' attitudes regarding employer-financed learning as well as socio-demographic characteristics of respondents, influencing the assessment of this form of student recruiting, were identified. The factors of the formation of a negative attitude towards students who opt for employer-financed learning from students who passed the general competition and students studying for money are determined; describes the socio-demographic characteristics of students who chose employer-financed learning and the main directions of the discourse of target education in the media.

Keywords: targeted training, targeted direction, medicine, education, working conditions, expectations of medical students, change of job.

УДК 316
DOI 10.52452/18115942_2021_1_103

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ФОРМИРОВАНИЯ СПЕЦИФИЧЕСКОГО ГАБИТУСА

© 2021 г.

М.В. Курникова

Курникова Мария Владимировна, к.мед.н.; доц.; заведующий кафедрой адаптивной физической культуры Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
mkurnikova@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 09.07.2020

Статья принята к публикации 21.01.2021

Рассматриваются теоретические аспекты феномена физической культуры и спорта как социального пространства в контексте основных положений социологической теории Пьера Бурдьё. Сделано теоретическое обоснование структуры данного пространства, межполевых связей и общественных явлений в рамках классических понятий «габитус», «практики агентов» на основе биопсихосоциального конструктора человеческого общества. Дана характеристика специфических физических, эмоциональных и психических особенностей габитуса агентов, регулярно занимающихся физической культурой и спортом. Предполагается способность социального пространства физической культуры и спорта структурировать специфический габитус путем взаимодействия в системе «габитус – практика агента» через реакции приспособления (адаптации). Обозначены объективные и субъективные группы структурных компонентов феномена физической культуры и спорта, инициирующие специфические практики агентов. Дана классификация физкультурно-спортивного интереса индивидумов с обозначением ведущих мотивационных установок: эмоции, воля, сознание, коммуникация и поведение. На основе полученных теоретических выводов о способности пространства физической культуры и спорта к программируемому формированию личности субъекта, гармонизации его социальной интеграции в социально-практические, информационно-познавательные, коммуникативные, эстетические, рекреационные форматы общественной жизни рассматривается возможность использования данного пространства для коррекции социального самочувствия различных социально-демографических групп общества.

Ключевые слова: социальное пространство, габитус, практики агентов, Пьер Бурдьё, биопсихосоциальная система, физическая культура и спорт.

Постановка научной проблемы

Физическая культура и спорт как многофункциональное общественное явление оказывает влияние на формирование физических, психических и социальных функций человека. Данный феномен является неотъемлемой частью культуры и представляет собой совокупность ценностей, норм и знаний, создаваемых и используемых обществом в медико-биологических, психолого-педагогических и социальных целях. Организованное и направленное использование физической культуры и спорта имеет большое социальное значение как общепризнанная форма социальной активности человека. Федеральное законодательство рассматривает физическую культуру как *«часть культуры, представляющую собой совокупность ценностей, норм и знаний, создаваемых и используемых обществом в целях физического и интеллектуального развития способностей человека, совершенствования его двигательной активности и формирования здорового образа жизни, социальной адаптации путем физического воспитания, физической подготовки и физического развития»*, а спорт определяется как *«сфера социально-культурной де-*

ятельности как совокупность видов спорта, сложившаяся в форме соревнований и специальной практики подготовки человека к ним» [1]. Столь объемная дефиниция, включающая многообразие функций и широкий охват различных сторон жизни человека, дает основание применить к физической культуре и спорту понятие «социальное пространство».

Наибольшее развитие концепция социального пространства получила в работах П. Бурдьё, который трактовал его как совокупность многочисленных «тематических» полей – экономического, политического, культурного, каждое из которых имеет внутреннюю структуру, обусловленную неравным распределением соответствующего типа капитала.

Изучение структуры пространства физической культуры и спорта, происходящих в нем общественных явлений и межполевых взаимодействий является перспективным направлением социологических изысканий.

Мы предполагаем, что пространство физической культуры и спорта может структурировать специфический габитус агента или группы. Данная гипотеза базируется на классической теории П. Бурдьё о социальном пространстве

как совокупности позиций и комплексе отношений, символически и физически объединяющих и разделяющих агентов. Действующими силами в этом пространстве будут социальные структуры (поля или подпространства), в которых находятся индивидуумы (агенты), имеющие жизненный опыт, воспитание, образование, определённый уровень физического развития и физических качеств, мыслительные и поведенческие установки (габитус) и производящие действия (практики). При этом агенты, находящиеся на идентичных позициях, в аналогичных условиях и подчиняющиеся одинаковым обстоятельствам, производят сходные практики.

Цель работы – теоретическое обоснование способности социального пространства физической культуры и спорта структурировать специфический габитус агента (или группы) путем взаимодействия в системе «габитус – практика агента».

Теоретико-методологические подходы

Термин «габитус» является одним из ключевых в социологической теории П. Бурдьё. Габитусы, по его определению, это «системы устойчивых и переносимых диспозиций, структурированные структуры, предрасположенные функционировать как структурирующие структуры, т. е. как принципы, порождающие и организующие практики и представления» [2, с. 45]. Габитус тесно взаимодействует со средой и дает возможность агенту самоопределяться в социуме и адекватно реагировать на ситуации и события. Таким образом, сходные условия существования индивидов могут формировать типологические систематические габитусы членов группы: «...характерные структуры одного определенного класса условий существования, ... формируют структуры габитуса, которые, в свою очередь, лежат в основе восприятия и оценивания всякого последующего опыта» [2, с. 46]. Согласно утверждению П. Бурдьё, «понять, что есть габитус, можно только при условии соотнесения социальных условий, в которых он формировался (производя при этом условия своего формирования), с социальными условиями, в которых он был «приведен в действие», т.е. необходимо провести научную работу по установлению связи между двумя состояниями социального мира, которые реализуются габитусом, устанавливающим эту связь посредством практики и в практике» [2, с. 48].

Дуальность и взаимозависимость системы «габитус – практика агента» поддерживается многими исследователями. Габитус, по мнению Н.А. Ивановой, является некоей совокупностью

диспозиций, которую необходимо рассматривать как многокомпонентную систему с присущей ей взаимозависимостью от внешней среды, в генетическом и социологическом аспекте, предполагая множественность его форм [3]. Подчеркивая обусловленность габитуса социальным окружением, А.В. Воронцов предлагает конструировать понятие «габитус» как систему приобретенных схем, некий механизм, порождающий практики и формирующий стилевое единство применительно к жизни конкретной группы или конкретного класса. При этом социальная траектория агента должна рассматриваться как определенный случай социальной траектории его конкретной группы [4]. Е.В. Гредновская считает, что габитус может влиять на практики агента путем изначально заданных ограничений, принуждений и представлений о возможном и невозможном. Это свойство габитуса обеспечивает прочное положение агента в данной социальной структуре, и его практики являются объективно адаптированными к социальным отношениям, продуктом которых и являются [5]. Под действием габитуса агенты ведут себя определенным образом в определенных обстоятельствах, и это дает возможность прогнозировать практики и осуществлять их коррекцию в виде внешнего поощрения или санкций [6].

Габитус влияет на структуру практики агентов, превращая их в привычные, рутинные действия, образец воспроизведения с экономией усилий. «Всякая человеческая деятельность подвергается хабитуализации (т.е. опривычиванию)» [7, с.120]. Опривычивание повышает прочность структуры, и изменение таких действий для агента возможно только или под воздействием извне на уровне вмешательства в законодательные акты, моральные устои, материальные ресурсы, или по желанию агента. Агенты, выйдя из своего исходного поля, вынуждены менять привычные действия и выходить из стереотипов и паттернов, приспосабливаясь к новым правилам поля, к которому они хотят получить доступ [7]. Процесс смены социального поля требует затрат материальных, эмоциональных, физических, волевых ресурсов для выхода из зоны психологического и физического комфорта, так как меняется стиль жизни агента в его социальной группе. Источником мотивации для изменения привычного социального окружения могут быть ценностные ориентации, знания, интересы, потребности и идеалы, присущие другой, новой группе [8]. Т.И. Макгон отводит решающую роль в формировании практик агентов местным сообществам как пространственным структурам с собственной силой

действия [9]. Социально одобряемые результаты деятельности групп и местных сообществ являются источником мотивации практик агентов.

Таким образом, габитус представляет собой совокупность устойчивых диспозиций, которые формируются под влиянием социальных условий конкретного социального поля, генерируя специфический типологический паттерн практик агента. Систематический характер габитуса структурирует практики агентов, находящихся в конкретном поле. Идентичные условия производят «гомологичные габитусы», что делает практики агентов предсказуемыми, рутинными, привычными, шаблонными, воспринимаемыми как очевидные и сами собой разумеющиеся. Социальное пространство под влиянием объективных условий способствует гомогенизации габитусов группы агентов, что позволяет объективно встраивать конструкцию практик в единство стиля жизни.

Понимание, исследование и модификация практики агентов возможны только при гармонизации определенных условий. Во-первых, это условия, обеспечивающие возникновение собственно порождающего их принципа, то есть габитуса. Во-вторых, это должно быть гармонизировано с условиями, в которых этот габитус реализуется, обеспечивая развитие многообразных практик [10]. Быть детерминированным и в то же самое время действующим свойственно для субъекта практики. Практики агентов корректируются либо действием извне, создавая для агента объективные условия, при которых он вынужден менять свои привычные действия, *«через конфронтацию... оказать на габитус должное побуждающее действие только тогда, когда вырывает его из случайных обстоятельств и делает из этого проблему, предлагая также и принципы ее решения»* [2, с. 47], либо по желанию агента самостоятельно изменить паттерны поведения под действием мотивирующих факторов изменившихся ценностных ориентаций: *«Дуалистическому видению, признающему только прозрачные для самосознания акты, либо вещи, детерминированные извне, нужно противопоставить реальную логику действия...»* [2, с. 48].

Коррекция габитуса возможна при систематическом настойчивом изменении привычных практик. Регулярный и активный выбор людей, объектов, событий, которые имеют другой сценарный вариант ситуаций, создающих себе уже измененную среду, к которой габитус имеет возможность лучше всего приспособиться, ведет к определенным трансформациям габитуса. Приспособление или адаптация к меняющимся

условиям естественной среды – одно из фундаментальных и универсальных свойств всего органического мира. Социальная функция индивида реализуется путем интеграции социальных запросов в новые локальные и модифицированные социальные поля. И это один из примеров проявления механизма адаптации в естественной среде обитания человека. Тем самым биопсихосоциальная система образует социальное пространство, в котором практики агентов представляют процесс социальной адаптации под действием социальных и биологических факторов. При этом человек систематически и целенаправленно изменяет результаты социальной адаптации в соответствии с непрерывно меняющимися внешними условиями своего бытия. Выдающийся советский физиолог, создатель теории функциональных систем, П.К. Анохин сформулировал три основных программы развития человека: видовую (генетическую), социальную и онтогенетическую. Онтогенетическая программа при этом аккумулирует потенциал взаимодействия генетической и социальной программ. Реализацию социальной программы в решающей степени определяет двигательная деятельность человека [11].

Деятельность в области физической культуры и спорта – общепризнанная форма социальной активности человека в процессах, связанных с физическим воспитанием, физической подготовкой, физическим развитием и разнообразными видами спорта. Это определение включает в себя различные нормы: законодательные, организационные, механизмы реализации и администрирования, совокупность результатов, ценностные категории, свод правил поведения, системы знаний и потребностей. Пространство физической культуры и спорта формируется из компонентов материального и духовного свойства, что определяет его многообразие, многосторонность и многоуровневость. Это в значительной степени придает деятельности агентов физкультурно-спортивных отношений особую специфичность в практиках реализации и самоидентификации. Например, в процессе занятий общей физической подготовкой происходит коррекция или совершенствование двигательных умений и физических качеств для правильного физического развития, повышения работоспособности, овладения стратегиями здоровьесбережения; в процессе подготовки к спортивным состязаниям и непосредственном участии в них приобретаются социальные навыки индивидуальной работы для достижения личных интересов или совместные действия командной работы для общей пользы, дисциплинированность, расстановка приоритетов, выбор средств

к достижению цели, устойчивость к стрессу, которые, в свою очередь, могут быть полезны в различных жизненных ситуациях.

Физическая культура и спорт – пространство воспитания активности как в непосредственной форме физических движений, так и в целях достижения высоких спортивных результатов. Двигательные потребности выступают одним из специфических условий проявления активности агента в данном пространстве. Обобщенный уровень двигательной активности человека формирует потребность в определенных практических действиях, таких как регулярные тренировки, активное досуговое времяпрепровождение, участие в массовых физкультурно-спортивных мероприятиях, спортивных соревнованиях, мониторинг спортивных новостей, использование новинок технического сопровождения, инвентаря, снаряжения в избранном виде спорта. Высокий уровень физической активности или спортивной компетентности формирует телесную привлекательность, физическую силу и выносливость и расширяет репертуар социальных возможностей индивида для его профессиональной или творческой реализации. Таким образом, пространство физической культуры и спорта конструирует специфические габитусы агентов или групп, реализующих свои потребности в различных полях: физического воспитания, физической рекреации, спортивной подготовки, физической реабилитации.

Согласно учению П. Бурдьё о социальном пространстве, особенность структуры этого универсума заключается в существовании «реальности первого порядка» – материальных ресурсов, престижных благ, «видов капитала» и «реальности второго порядка» – схем мышления, эмоциональных оценок, поведенческих установок социальных агентов [12, с. 14]. В пространстве физической культуры и спорта «реальность первого порядка» составляют: нормативно-правовые документы, регламентирующие физкультурную и спортивную деятельность; уровень материального обеспечения физкультурно-спортивных учреждений и учреждений системы здравоохранения; средства массовой информации; кадровое обеспечение; требования к спортивной подготовке по видам спорта; спортивные достижения; количество зрителей. К «реальности второго порядка» относятся: уровень знаний, репертуар интересов, потребностей, идеалов, установки, стереотипы мышления, структура мотивов физкультурной и спортивной деятельности агентов, ожидаемый эффект от занятий физической культурой и спортом, степень личной удовлетворенности занятиями, спортивными достижениями и спортивными зрелищами.

Н.И. Пономарев выделяет следующие типы отношения индивидуума к физической культуре и спорту: положительное, безразличное, отрицательное, активное, созерцательное, пассивное и непостоянное [13]. Мотивы, побуждающие агентов к практикам в пространстве физической культуры и спорта, имеют разноплановую многообразную структуру. Например, мотивы, определяющие удовлетворение от процесса деятельности: элементы новизны, эмоциональности, динамичности, разнообразия, удачно выполняемые физические упражнения, способ коммуникации. Или мотивы, связанные с достижением определенного результата деятельности: выполнение норматива, приобретение новых навыков, умений, овладение сложными двигательными действиями, получение спортивного разряда, психологическая разгрузка; мотивы, связанные с целевыми установками: укрепить здоровье, приобрести внешнюю привлекательность, развить физические качества, стать чемпионом.

Ведущую роль среды как фактора формирования двигательной активности подчеркивают Е.Е. Фунина, Е.В. Фролов, и считают, что индивидуальный уровень физической подготовленности агентов можно повысить внедрением в поле массовой физической культуры универсальной «модели повышения индивидуального уровня физической подготовленности» на основе информационных регламентов, рекомендаций, инструкций, систематических консультаций [14]. Брайан Смедли (Brian D. Smedley) предлагает создавать внутри пространства физической культуры экологические стратегии для формирования практических действий агентов и использовать систему поощрений, необходимых для этого социальных и культурных изменений в практиках агентов. В зависимости от главной направленности стратегии содержат взаимосвязанные экологические уровни: внутриличностные факторы, межличностные процессы, институциональные факторы, факторы местного уровня, государственная политика [15]. С.А. Архипова доказывает, что на динамику занимающихся физической культурой и спортом значительное влияние оказывают факторы и социальные процессы, непосредственно принадлежащие локальным полям пространства физической культуры и спорта: численность штатных физкультурных кадров, сформированность сети спортивных сооружений, величина ассигнований, выделяемых на физическую культуру и спорт. Социальный заказ со стороны общества и кадровая политика в области физической культуры и спорта в решающей степени определяют эффективность усилий при принятии государственных решений. Установлено, что при увеличении штата про-

фильных специалистов на одну штатную единицу численность вовлеченных в занятия физической культурой и спортом увеличивается сразу на 46 человек. Показатель низкой кадровой ротации при увеличении финансирования и пропускной способности объектов спорта увеличивает показатель численности населения, практикующего занятия физической культурой и спортом, более чем в 2 раза [16].

Анализ результатов научных исследований, касающихся структуры и содержания физкультурно-спортивного интереса индивидов, позволяет выделить несколько ведущих компонентов, способных повлиять на генезис габитуса. Эмоциональный компонент физкультурно-спортивного интереса состоит в положительных и ярких эмоциональных впечатлениях, которые человек получает от физических движений, победы в соревнованиях, сопереживаний в качестве зрителя, «болельщика» при массовых зрелищных мероприятиях. Физическая активность и спорт являются специфической формой времяпрепровождения, где имеются двигательные и интеллектуальные представления, составляющие основу индивидуального субъективного вовлечения и эмоциональности. Чем больше положительных эмоций, тем сильнее желание индивидуума испытать их вновь, и поэтому генезис эмоций является самым простым и популярным способом воздействия на людей с целью формирования у них определенных практик.

Волевой компонент основывается на способности высшей нервной деятельности агента выполнять определенные действия в условиях «выхода из зоны комфорта». Воля – сознательное преодоление трудностей на пути к поставленной цели. В зависимости от специфики локальных полей пространства физической культуры и спорта транслируемый диапазон целей для формирования практик агентов может варьироваться от «стать внешне привлекательным», «стать сильным, чтобы обеспечить безопасность себе и своим близким» и до «стать чемпионом Олимпиады». Волевой компонент будет зависеть от степени развития интеллекта индивидуума, его физиологических особенностей к восприятию сенсорных раздражителей, так как процесс овладения новыми физическими умениями требует регулярных тренировок, всегда сопровождается монотонностью и чувством некоторого дискомфорта со стороны физического тела, например опорно-двигательного аппарата.

Когнитивный компонент базируется на физиологических основах физической культуры и спорта. Сознательное овладение новыми формами движений, обучение двигательным навыкам способствуют совершенствованию аналитиче-

ских и синтетических процессов высшей нервной деятельности человека.

Коммуникативный компонент тесно связан с потребностью агента в общении, вербальном и невербальном взаимодействии, расширении репертуара социальных контактов. Данный компонент базируется на социальной сущности человека, его желании коммуницировать с другими людьми, иметь общественную оценку и признание.

Поведенческий компонент базируется на потребности агента в определенных действиях, физических упражнениях, зрелищах, достижении спортивного результата. Для выполнения любой деятельности нужны интерес и необходимость в ней. Переживание человеком недостатка в чём-либо означает нарушение гармонии с окружающей социальной и биологической средой. Это состояние инициирует психологическое напряжение, внутренний дискомфорт и стимулирует ориентировочно-поисковую активность индивида. Таким образом у агентов формируются новые поведенческие установки, которые могут перейти в стереотипные, повседневные или регулярные практики. В пространстве физической культуры и спорта такими практиками могут быть утренняя гимнастика, пробежки на свежем воздухе, тренировки в избранном виде спорта, в спортивном зале, бассейне, посещение соревнований в качестве болельщика, чтение специализированной литературы, организация физкультурно-оздоровительных семейных мероприятий. По сути, удовлетворяя свои потребности, люди выбирают определенную программу действий и мотивированного поведения.

Заключение

Пространство физической культуры и спорта – это социальное пространство со своими ценностными ориентациями. Габитус, сформированный в пространстве физической культуры и спорта, обладает определенной специфичностью практик: потребность в регулярной двигательной активности, планомерность в достижении поставленной цели, осознанный активный интерес к тренировочным занятиям, преобладание положительного эмоционального фона в ежедневной рутинной деятельности, высокий уровень адаптации к меняющимся внешним условиям жизни, опыт преодоления и состязательности, богатый репертуар вариантов коммуникативного взаимодействия, умение сочетать инициативу и самостоятельность с коллективной работой. Габитус реализуется, порождая не только различные активные и пассивные практики, но и статусы (тренер, спортсмен,

физкультурник, судья, менеджер спортивного учреждения, зритель, болельщик). При этом все агенты признают физическую культуру и спорт как определенную ценность. Вовлечение агента в пространство физической культуры оказывает влияние на программируемое формирование личности субъекта, обеспечивает ему социальную интеграцию в различных сферах общественной жизни: социально-практической, информационно-познавательной, коммуникативной, эстетической, рекреационной. При этом несомненным положительным фактором является добровольный характер физической и иной активности агента в пространстве физической культуры и спорта.

Физическая культура и спорт – это пространство познания новых социальных статусов и ролей, взаимодействий агентов через специфические практики, детерминируемые ценностью физических достижений. Данному пространству присуща вертикальная, горизонтальная, восходящая и нисходящая социальная мобильность. Габитус, формируемый пространством физкультуры и спорта, обеспечивает расширение сложившейся системы описания состояний индивида, меняет представления о стереотипных рефлекторных ответах на внешние стимулы, тем самым обеспечивая многоспектральное проявление реакций адаптации, формирует навыки необходимых действий, позволяет достигать целей в других социальных пространствах. Следовательно, при возрастании количества и качества структур пространства физической культуры и спорта формируются мотивационные условия расширения сценариев двигательной активности агента (или группы), позволяющие управлять практиками и направленно менять образ жизни, паттерны поведения и повышать уровень социального самочувствия местных сообществ.

Список литературы

1. Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // Сайт «Консультант.ру». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=330796&fld=134&dst=1000000001,0&md=0.5056744441196042#0366652805402667> (дата обращения: 20.04.2020).

2. Бурдьё П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 2. С. 44–59.

3. Иванова Н.А. Габитус как совокупность диспозиций: иерархическая структура или целостная система? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2013. № 1 (21). С. 135–145.

4. Воронцов А.В., Громов И.А. Теоретико-методологические основания социологии П. Бурдьё // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2010. № 4. С. 82–102.

5. Гредновская Е.В. Проблема телесной свободы и детерминированности в концепции габитуса П. Бурдьё // Вестник ЮУрГУ. 2009. № 9 (142). С. 120–124.

6. Гредновская Е.В. Габитус как «социальное тело» принуждения // Вестник ЮУрГУ. 2010. № 8 (184). С. 116–120.

7. Иванова Н.А. Понятия «габитус» и «хабитуализация» в контексте социологических теорий // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 1 (13). С. 115–129.

8. Смолина Н.С. Социально-топологический анализ ментальности // Гуманітарні студії. 2008. № 4. С. 111–115.

9. Макогон Т.И. Габитус, идентичность, обусловленность и когерентность в топологии местных сообществ // Известия Томского политехнического университета. 2013. Т. 323. № 6. С. 88–96.

10. Козлова Н.Н. Социально-историческая антропология. М.: Ключ-С, 1993. 187 с.

11. Анохин П.К. Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем. М.: Директ-Медиа, 2008. 131 с.

12. Социоанализ Пьера Бурдьё // Альманах российского-французского центра социологии и философии Института социологии Российской академии наук. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алтея, 2001. 288 с.

13. Пономарев Н.И. Социальные функции физической культуры и спорта. М.: Физкультура и спорт, 1974. 310 с.

14. Фунина Е.Е., Фролов Е.В. Создание физкультурно-спортивной среды как фактора приобщения к спортивному стилю жизни // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. 2016. Т. 11. № 2. С. 164–168.

15. Smedley B.D., Syme S.L., eds. Promoting Health: Intervention Strategies from Social and Behavioural Research. Washington, DC: National Academy Press, 2000. 493 p.

16. Архипова С.А., Грязев М.В. Исследование влияния факторов на динамику численности занимающихся физической культурой и спортом // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2014. № 4 (2). С. 11–16.

PHYSICAL CULTURE AND SPORTS AS A SOCIAL SPACE OF SPECIFIC HABITUS FORMATION

M.V. Kurnikova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article discusses the theoretical aspects of the phenomenon of physical culture and sport as a social space in the context of the Pierre Bourdieu's sociological theory main provisions. A theoretical substantiation of this space

structure, inter-field connections and social phenomena within the framework of the classical concepts of «habitus», «agents practice» based on the human society's biopsychosocial construct is made. The characteristic of specific physical, emotional and mental characteristics of the agents habits regularly engaged in physical culture is given. The ability of the social space of physical culture and sports to structure a specific habitus through interaction in the «habitus-agent practice» system through adaptation reactions is assumed. Objective and subjective groups of the physical culture and sport structural components phenomenon, initiating specific practices of agents, are designated. The classification of individuals' physical-sports interest is given with the designation of the leading motivational attitudes: emotions, will, consciousness, communication and behavior. Based on the theoretical conclusions about the ability of the space of physical culture and sports to programmable formation of the subject's personality, the harmonization of its social integration into socio-practical, informational, cognitive, communicative, aesthetic, recreational formats of public life, the possibility of using this space to correct the social well-being of various socio-demographic groups of society is considered.

Keywords: social space, habitus, agent practices, Pierre Bourdieu, biopsychosocial system, physical education and sport.

УДК 316.354:351/354
DOI 10.52452/18115942_2021_1_110

СОЦИАЛЬНЫЙ ВОЗРАСТ ПЕРСОНАЛА СТАРШЕГО ХРОНОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗРАСТА

© 2021 г.

И.С. Леонова

Леонова Ирина Сергеева, к.соц.н.; доцент кафедры отраслевой и прикладной социологии
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
irina.leonova@unn.ru

Статья поступила в редакцию 26.11.2020

Статья принята к публикации 15.01.2021

Представлены результаты теоретико-эмпирического исследования поведенческих характеристик персонала старших возрастов компаний с разной вовлеченностью в инновационные процессы. Использовано понятие социального возраста как комплекса психологических и поведенческих характеристик в отношении социально-экономических вызовов развивающегося общества. Используются авторские методы диагностики социального возраста и психологического самочувствия в трудовом коллективе, а также метод личностных самоидентификаций М. Куна и Т. Мак-Партленда, позволяющий выявить личностную вовлеченность сотрудников в трудовую деятельность. Выявлена неоднородность социального возраста персонала старших хронологических возрастов в разных организационных условиях, и обозначены возможности его диагностики. Показано, что персонал старшего возраста инновационной компании имеет, в целом, более молодой социальный возраст, чем персонал ординарных компаний. Сотрудники не только чувствуют себя более молодыми, но более вовлечены в трудовую деятельность, занимают активную позицию в самообразовании и участии в наставничестве и корпоративном обучении на позициях супервайзеров, разработчиков, тренеров. Обозначена целесообразность разработки критериев социального возраста применительно к особенностям организационных изменений, проводимых в организации.

Ключевые слова: «Индустрия 4.0», персонал, хронологический возраст, социально-психологический возраст, социальный возраст, ценности, поведенческие особенности.

Экономическое развитие в XXI веке идет как никогда быстро. Очередное изменение технологического уклада несет с собой фундаментальные трансформации, затрагивающие экономические, социальные и политические системы, принципиально новое содержание труда и новые формы управления. Современный рынок труда принципиально меняется в последние годы. Новый технологический уклад «Индустрии 4.0» несет новые требования к персоналу, среди которых основными являются не только компетентность в сфере цифровых технологий, но и психологическая жизнеспособность персонала, характеризующаяся готовностью к постоянным организационным изменениям, принятию инноваций, личной ответственности за обучение и самообучение, работе в команде, клиент-ориентированности и пр. [1; 2]. Эти качества традиционно связываются в сознании работодателей с мужской гендерной принадлежностью и молодыми хронологическими возрастными [3; 4].

Сегодня в России существуют вызовы жизнеспособности организаций общие с общемировыми и специфические, которые необходимо учитывать при решении задач повышения инновационного развития компаний. К основным специфическим вызовам жизнеспособности компаний относятся следующие:

1. Затянувшаяся смена парадигмы социально-экономического развития. Основной вектор развития экономики последних десятилетий состоит в уходе от административно-командной модели к рыночной и рыночно-инновационной. Затянувшийся переход порождает инновационное отставание России, которая переместилась в 2020 г. на 47-ю строчку по инновационности в мировом рейтинге против 46-й в 2019 г. [5].

2. Наступление нового технологического уклада. Основные технологии «Индустрии 4.0» формируют новые требования к человеческому капиталу [6–8]. От запроса на чисто профессиональные навыки сотрудников и потенциальных кандидатов менеджмент все больше уходит в сторону широкого перечня способностей и умений, которые обеспечивали бы оперативность реагирования работника на внедряемые инновации, а также гарантировали приспособляемость сотрудника.

3. Возрастные и гендерные стереотипы. В обществе сохраняются устойчивые возрастные и гендерные стереотипы, характеристики которых несовместимы с требованиями быстро цифровизирующейся экономики. В целом, исследования показывают, что работники старшего возраста, благодаря действию стереотипов, воспринимаются как менее мотивированные и

менее способные работать, учиться и развиваться и более подверженные стрессу и болезням [9]. В обществе живы гендерные стереотипы, которые, как и стереотипы возрастной предвзятости, усиливают проблемы трудоустройства женщин и делают более проблемным их пребывание в организационном пространстве [10], за исключением организационных культур, базирующихся на ценностях, близких женщинам [1].

4. Проводимая пенсионная реформа. Внедренное повышение пенсионного возраста, с одной стороны, создает уверенный базис для улучшения качества человеческого капитала (уровень жизни, грамотности, образованности и долголетия), что впоследствии повлияет на экономику через рост производительности труда. Вместе с тем большая часть населения не поддержала повышение пенсионного возраста, что является косвенным подтверждением справедливости возрастных стереотипов. Дальнейшее изменение рейтингов будет зависеть от умения правительства убедить россиян, что пенсионная реформа целесообразна и выгодна психологически и (или) материально большей части заинтересованных лиц. Однако до настоящего времени существенных изменений отношения россиян к пенсионной реформе не произошло. Ожидания преобладающей части лиц предпенсионного возраста носят отрицательный характер, связанный с появлением у людей неуверенности в будущем, незащищенности в старшем возрасте. Ранее основой для уверенности выступала пенсия.

Рост продолжительности жизни вследствие развития медицины, действия целого комплекса социальных и культурных факторов обуславливает формирование нового взгляда на жизнь в так называемом периоде поздней зрелости, в котором Ирэн Бэрнсайд и коллеги выделили четыре десятилетних периода со своими особенностями морфофункциональных характеристик, состояния здоровья, когнитивных процессов и личностных задач сдерживания процессов старения и достижения новых уровней адаптации [11]. Это предстарческий период от 60 до 69 лет, старческий от 70 до 79 лет, позднестарческий от 80 до 89 лет и дряхлость от 90 лет. Наиболее интересными, с психологической точки зрения, представляются годы, относящиеся к предстарческому возрасту, и до середины позднестарческого возраста (от 60 до 85). Это тот возрастной период, когда сам человек имеет значительные возможности влиять на свою адаптацию к идущим возрастным изменениям и вызовам. Вместе с ростом интереса к поздним возрастам становятся все более отчетливыми новые аспекты проблемы возраста как фундаментальной научной проблемы.

Условность хронологического возраста и пластичность возраста как такового позволяют использовать в научных целях применительно к трудовой деятельности понятие социально-психологического и социального возрастов. Если психологический возраст характеризуется самоощущением человека, то социально-психологический вбирает в себя также восприятие человека представителями социума, а именно членами семьи, коллегами и представителями работодателя [12, с. 110].

Однако восприятие сотрудника как подходящего или бесперспективного в любом случае будет зависеть от наличия или отсутствия стереотипов возраста у представителя работодателя, от хронологического возраста последнего, от приверженности работодателя конкретному типу организационной культуры [13, 14]. Так, известно, что руководители старших возрастов более позитивно относятся к сотрудникам той же возрастной группы, женщины-руководители склонны иметь в своем штате женщин, религиозные руководители при прочих равных сделают выбор в пользу религиозных людей и т.д., что в целом свидетельствует о том, что собственные качества работодателя и его представителей влияют на принятие решений, хотя многие предпочитают говорить о своей беспристрастности [13, 15].

Поэтому представляется перспективным оперировать понятием социального возраста [16–18]. В понятии социального возраста отражено соответствие социальной компетентности человека требованиям, актуальным для современного этапа социально-экономического развития общества, независимо от субъективного мнения работодателя.

Достаточно простая схема позволяет понять основную идею использования характеристик социального возраста при принятии управленческих решений в отношении реальных или потенциальных работников независимо от их хронологического возраста. Эта схема представлена на рисунке; ниже приведем ее краткое описание.

Первый квадрант: люди не обладают трудовой мотивацией и не имеют необходимых компетенций. Это социальный возраст старости.

Второй квадрант: люди еще сохраняют компетенции, но в отсутствие мотивации и в условиях необходимости постоянного развития они в скором времени утратят компетентность и сравняются с людьми, попадающими в первый квадрант. Это социальный возраст старения.

Третий квадрант: люди с высокой мотивацией развития, но пока не обладают достаточными компетенциями. Это социальный возраст роста.

КОМПЕТЕНТНОСТЬ	высокая	2	4
	низкая	1	3
		низкая	высокая
		МОТИВАЦИЯ	

Рис. Категории работников в зависимости от социального возраста

Четвертый квадрант: мотивированные компетентные люди, работающие над поддержанием и развитием необходимых компетенций. Это социальный возраст зрелости.

Безусловно, отдельной задачей становится выявление ключевых компетенций социального возраста. Но очевидно и то, что разработка комплекса основных компетенций существенно снизит субъективные риски и зависимость оценок от уровня развития того или иного предприятия, теряющего жизнеспособность от недостаточной развитости человеческого капитала. В современной России сосуществуют предприятия, успешно входящие в новый технологический уклад, и организации, имеющие многолетние трансформационные трудности (далее – ординарные предприятия). Это позволяет сравнить психологические и поведенческие характеристики персонала старшего возраста в разных организационных условиях.

Проведено пилотное исследование в производственных компаниях в отношении социального возраста персонала старшей возрастной группы.

Цель исследования – выявить специфику социального возраста персонала старшего возраста на предприятиях с разной вовлеченностью в инновационные процессы и возможность его диагностики на основе поведенческих показателей.

В исследовании в качестве респондентов приняли участие сотрудники инженерного корпуса двух крупных производственных предприятий с еще советской историей и примерно одинаковым сроком существования (женщины 55 лет и старше, мужчины 60 лет и старше), всего 250 человек в примерно равных количественных пропорциях. Одно – инновационное, другое – ординарное.

Методы исследования: авторские анкеты «Работа с информацией в профессиональной деятельности» (диагностика социального возраста) и «Психологическое самочувствие в трудовом коллективе», в одном из пунктов которой респондентам предлагалось оценить свое воз-

растное самочувствие по отношению к своему хронологическому возрасту, а также метод личностных самоидентификаций М. Куна и Т. Мак-Партленда, позволяющих выявить личностную вовлеченность сотрудников в трудовую деятельность.

В анкете «Работа с информацией в профессиональной деятельности» в качестве ключевых компетенций взяты:

- самообразование;
- субъектная позиция в корпоративном повышении квалификации;
- использование английского языка в целях профессионального развития;
- знание передовых технологий ближайшего будущего в своей профессиональной сфере.

Анкета состояла из двух опросных листов. Сначала респондент отвечал на вопросы листа А так, как считал нужным. Затем предъявлялся лист Б с сопряженными вопросами, требующими содержательного ответа о поведении респондентов. Если содержательный ответ не был получен, баллы списывались из ответа первой части опросного листа.

Социальный возраст определялся сочетанием показателей трудовой вовлеченности и показателей анкеты в соответствии со схемой рисунка.

Пример вопросов анкеты «Работа с информацией в профессиональной деятельности»:

1. Как часто Вы обращаетесь к публикациям на профессиональных российских сайтах
 - 1.1. Каждый день__ (возраст социального роста)
 - 1.2. Каждую неделю__ (возраст социального роста)
 - 1.3. Каждый месяц__ (возраст социальной зрелости)
 - 1.4. Несколько раз в год __ (возраст социального старения)
 - 1.5. Никогда__ (возраст социальной старости)
2. Какие российские профессиональные сайты Вы считаете самыми полезными в вашей профессиональной сфере?

Пример вопроса анкеты «Психологическое самочувствие в трудовом коллективе»:

1. На сколько лет Вы чувствуете себя на работе: старше или моложе своего хронологического возраста? Запишите число на шкале, исходя из того, что X – ваш хронологический возраст _____ X _____

Моложе Старше

Результаты таблицы 1 показывают, что персонал старшего возраста в инновационной компании существенно более вовлечен в трудовой процесс, чем персонал ординарной компании, независимо от гендерной принадлежности, как на момент исследования, так и на пятилетнюю перспективу. Между мужчинами различия бо-

Таблица 1

**Характеристики социального возраста персонала компаний
с разной вовлеченностью в инновационные процессы**

Пол /Пред- приятие	Актуальные проф. само- идентифика- ции	Перспектив- ные проф. самоидентифи- кации (5 лет)	W	Самообра- зование (макс. 16 баллов)	Корпора- тивное образова- ние (макс. 8 баллов)	Знание пе- редовых технологий (макс. 4 балла)	Субъект- ная пози- ция (макс. 12 баллов)	Самооценка возраста
Ж-О	1.0	0.4	*	4.5	5.2	1.4	4.5	-5.9
Ж-И	1.5	1.3	-	9.6	6.2	3.5	7.2	-6.2
U	*	*		**	-	**	*	-
М-О	1.25	0.8	T	5.0	4.9	2.1	3.5	8.8
М-И	1.7	1.5	-	12.4	5.4	3.5	8.4	-7.4
U	**	*		-	-	*	**	**
Ж-О-МО	-	*		*	-	*	-	**
Ж-И-М-И	-	-		*	-	-	*	-

В таблице: Ж – женщины, М – Мужчины; О – ординарное, И – инновационное предприятие; U – статистическая значимость различий по критерию Манна-Уитни, W – по критерию Вилкоксона: * – $p \leq 0.05$; ** – $p \leq 0.01$, – – статистически значимые различия отсутствуют.

Таблица 2

**Представленность разных типов социального возраста у персонала предприятий
с разной вовлеченностью в инновационные процессы**

Предприятие	Типы социального возраста (в %)			
	«Старый»	«Старения»	«Роста»	«Зрелости»
Инновационное	24	25	20	31
Ординарное	44	35	5	16

лее выражены, но между гендерными подгруппами инновационной и ординарной компании различия не достигают уровня статистической значимости. Мужской персонал инновационного и ординарного предприятий существенно различается и по возрастной самооценке: если инженеры ординарного предприятия чувствуют себя почти на 9 лет старше своего хронологического возраста, то инженеры инновационного предприятия – более чем на 7 лет моложе.

У женщин ситуация не такая однозначная. Женщины-инженеры в обеих организациях позиционируют себя как более молодые, чем их хронологический возраст, женщины-инженеры инновационного предприятия несколько более психологически молоды, чем их сверстницы из ординарного, но различия не достигают уровня статистической значимости.

Но женщины-инженеры ординарного предприятия существенно менее лично вовлечены в трудовую деятельность, поэтому, скорее всего, в показателях возрастной самооценки женщины-инженеры ординарного предприятия позиционируют себя более как женщины, а не как инженеры.

Это предположение вполне подтверждается показателями социального возраста. Можно видеть, что женщины-инженеры ординарного предприятия статистически значимо отстают от

своих сверстниц по активности в самообразовании, знании передовых технологий и в субъектности позиции (наставник, тренер, разработчик). Существенных различий практически нет по показателям участия в плановом корпоративном образовании. У женщин-инженеров этот показатель несколько выше (6.2 балла против 5.2 балла), но в инновационных компаниях, как правило, корпоративное обучение ведется более активно и женщины-инженеры посещают большее количество мероприятий. Все же показатель самообразования представляется более показательным: ни мужчины, ни женщины ординарного предприятия не различаются по этим показателям, а в инновационной компании эти различия статистически значимы и в пользу самообразования.

Обобщенные данные о количественном соотношении разных типов социального возраста персонала старшего возраста в разных организационных условиях представлены в таблице 2.

Выводы

1. Организационные условия имеют существенное значение в детерминации социального возраста персонала старшего хронологического возраста. Персонал старшего возраста инновационной компании имеет, в целом, более молодой

социальный возраст, чем персонал обычных компаний. Сотрудники не только чувствуют себя более молодыми, но более вовлечены в трудовую деятельность, занимают активную позицию в самообразовании и участии в наставничестве и корпоративном обучении на позициях супервайзеров, разработчиков, тренеров.

2. Оценка социального возраста требует разработки его критериев применительно к особенностям организационных изменений, проводимых в компании. Вместе с тем общие компетенции сотрудника, которые связаны с наступлением нового технологического уклада «Индустрии 4.0», могут служить основой оценки социального возраста сотрудников.

3. К перспективам исследования относятся расширение сфер бизнеса и экспертная оценка работодателями инновационных компаний полученных данных по персоналиям респондентов.

Список литературы

1. Cameron K.S. Organizing resilience // Positive Organizational Scholarship: Foundation of a New Discipline / K.S. Cameron, J.E. Dutton, R.E. Quinn eds. San Francisco: Berrett-Koehler Publishers, 2003. P. 94–110.
2. Duchek S. Organizational resilience: A capability-based conceptualization // Business Research. 2020. № 13. P. 215–246.
3. Janssen S., Backes-Gellner U. Occupational stereotypes and gender specific job satisfaction: industrial relations // Journal of Economy and Society. 2016. V. 55. № 1. P. 71–91.
4. Zaniboni S., Kmicinska M., Truxillo D.M. et al. Will you still hire me when I am over 50? The effects of implicit and explicit age stereotyping on resume evaluations // European Journal of Work and Organizational Psychology. 2019. V. 28. № 4. P. 453–467.
5. Global Innovation Index 2019. 12th Edition / Eds S. Dutta, B. Lanvin, S. Wunsch-Vincent. Cornell SC Johnson College of Business. 2019. URL: <https://www.globalinnovationindex.org/gii-2019-report> (дата обращения: 10.10.2020).
6. Швабб К. Четвертая промышленная революция. М.: ЭКСМО, 2016.
7. Тарасов И.В. Технологии Индустрии 4.0: Влияние на повышение производительности промышленных компаний // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2018. № 2. С. 62–69.
8. Кергроуч С. Индустрия 4.0: новые вызовы и возможности для рынка труда // Форсайт. 2017. Т. 11. № 4. С. 6–8.
9. Posthuma R.A. Age stereotypes in the workplace: common stereotypes, moderators, and future research directions // Journal of Management. 2009. V. 35. № 1. P. 158–188.
10. Dubois-Shaik F., Fusulier B. Understanding gender inequality and the role of the work/family interface in contemporary academia: An introduction // European Educational Research Journal. 2017. Vol. 16. № 2–3. P. 99–105.
11. Burnside I.M. The later decades of life: research and reflections // Psychological Caring through the Life Span / Burnside I.M., Ebersole P., Monea (Eds.). New York: McGraw-Hill, 1979. P. 103–126.
12. Захарова Л.Н., Леонова И.С., Мартынова Т.В. Гендерные проявления социально-психологического возраста персонала предприятий с организационной культурой разного типа // Проблемы теории и практики управления. 2018. № 7. С. 107–117.
13. Nelson T.D. Ageism. Stereotyping and prejudice against older persons. Cambridge, MA: MIT Press, 2004. 365 p.
14. Zakharova L., Korobeynikova E. Personal characteristics of managers effective in organizational and psychological conditions of different types // Psychology in Russia: State of the Art. 2015. V. 8. № 3. P. 69–83.
15. Kornadt A.E. Do age stereotypes as social role expectations for older adults influence personality development? // Journal of Research in Personality. 2016. Vol. 60. P. 51–55.
16. Rose C.L. The measurement of social age // International Journal of Aging and Human Development. 1972. Vol. 3. № 2. P. 153–168.
17. Stodd J. The Social Leadership Handbook. 2nd ed. London, UK: The Printing House, 2016.
18. Леонова И.С., Захарова Л.Н. Многоликость возраста: актуальные проблемы исследования // Общество и государство в зеркале социологических измерений. Труды Восьмой научно-практической национальной конференции с международным участием «Рязанские социологические чтения», Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина, г. Рязань, 21–22 ноября 2018 г. / Отв. ред.: Р.Е. Маркин, А.В. Проноза. М.: Изд-во Ипполитова, 2018. С. 180–186.

SOCIAL AGE OF THE SENIOR CHRONOLOGICAL AGE PERSONNEL

I.S. Leonova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

This article presents the results of a theoretical and empirical study of the behavioral characteristics of senior personnel in companies with different involvement in innovation processes. The concept of the social age is introduced as a complex of psychological and behavioral characteristics in a social relation-economic indicators of a developing society. The author's methods of diagnosing social age and psychological well-being among staff were applied, as well as the method of personal self-identification developed by M. Kuhn and T. Mc Putrland, which makes it possible to identify the personal involvement of employees in work. The heterogeneity of the social age of the personnel of senior chronological ages in different organizational conditions is revealed and the possibilities of its diagnosis are indicated. It is

shown that the senior staff of an innovative company has, in general, a younger social age than the staff of ordinary companies. Employees not only feel younger, but are more involved in work activities, take an active position in self-education and participate in mentoring and corporate training as supervisors, developers, trainers. The expediency of developing criteria for social age in relation to the features of organizational changes carried out in the organization is indicated.

Keywords: Industry 4.0, personnel, chronological age, socio-psychological age, social age, values, behavioral characteristics.

УДК 316

DOI 10.52452/18115942_2021_1_116

УСЛОВИЯ ЖИЗНИ ДОМОХОЗЯЙСТВ ИНВАЛИДОВ (ПО ДАННЫМ ВЫБОРОЧНОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ РОССТАТА)

© 2021 г.

Л.Н. Нацун

Нацун Лейла Натиговна, научный сотрудник
Вологодского научного центра Российской академии наук
leyla.natsun@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 19.08.2020**Статья принята к публикации 16.01.2021*

Домохозяйства, имеющие в своём составе инвалидов, зачастую имеют худшие жилищные условия, испытывают трудности и проблемы, связанные с недоступностью инфраструктуры для инвалидов. Инвалидность перестаёт быть индивидуальной проблемой, её негативный эффект распространяется на всех членов домохозяйства, снижая качество их жизни. Жилищное неравенство в данном случае оказывается привязанным к статусу здоровья населения и отражает более общую проблему социальной дискриминации инвалидов. В отечественной литературе исследования условий жизни домохозяйств с инвалидами представлены слабо. Это и определило выбор цели настоящей работы: проанализировать современные условия жизни домохозяйств инвалидов в России. Информационную базу исследования составили микроданные выборочного обследования условий жизни населения, проведённого Росстатом в 2018 г. Подробно рассматриваются жилищные условия домохозяйств, имеющих в составе инвалидов, а также вопросы доступности объектов инфраструктуры для инвалидов. Показано, что значительная часть домохозяйств инвалидов испытывает потребность в том или ином улучшении жилищных условий, но большинство из них не имеют для этого финансовых возможностей, даже при условии использования ипотечного кредитования. Выделена территориальная специфика причин неудовлетворённости домохозяйств условиями проживания, характеристик жилищных условий, а также приспособленности объектов жилого фонда к потребностям инвалидов. Актуализирована проблематика формирования доступной среды, особенно в сельских населённых пунктах. Результаты исследования могут представлять интерес для специалистов, занимающихся изучением проблематики инвалидности, создания доступной среды, а также вопросами качества жизни социально уязвимых категорий населения.

Ключевые слова: инвалидность, условия жизни домохозяйств инвалидов, доступная среда, качество жизни.

Введение

Условия жизни выступают одним из важнейших компонентов качества жизни населения, однако тематика условий жизни российских инвалидов разработана в недостаточной степени. Исследования отечественных авторов в основном концентрируются вокруг вопросов формирования доступной среды, которые приобрели особую актуальность в свете реализации тематической госпрограммы [1; 2]. Этот аспект, безусловно, важен, поскольку отражает степень адаптации инфраструктуры для людей с инвалидностью в соответствии с принципами обеспечения равной доступности и в целом иллюстрирует отношение общества и государства к проблеме инвалидности [3]. Объективные характеристики жилищных условий, уровня материальной обеспеченности инвалидов, а также их субъективная удовлетворённость этими обстоятельствами реже оказываются предметом научных исследований. При этом информационную базу имеющих научных исследований, посвящённых данной проблематике, как правило, составляют данные региональных социоло-

гических опросов. Достоинствами данного подхода являются возможность формирования специальной выборки, включающей только лиц с инвалидностью, а также углублённое изучение отдельных аспектов жизнедеятельности респондентов. Так, результаты исследования Э.Я. Немсцверидзе указывают на существование в среде пожилых инвалидов заниженных требований относительно комфорта условий своего проживания, причём это наблюдение справедливо как для инвалидов, проживающих в учреждениях интернатного типа, так и для проживающих самостоятельно [4]. В работе А.Н. Больницкой на примере Якутии показано, что инвалиды зачастую имеют неудовлетворительные условия проживания – ветхое или неблагоустроенное жильё, особенно в сельской местности [5]. Безусловно, приведённые факты отражают региональную специфику условий жизни инвалидов, но не репрезентируют общероссийскую картину. В этой связи расширение информационной базы и включение исследований условий жизни инвалидов в более общее направление, посвящённое тематике качества жизни, является актуальной научной проблемой.

Концепция независимой жизни инвалидов и задача обеспечения их равного участия в жизни общества диктуют необходимость обеспечения благоприятных условий жизни группы [6]. Под *условиями жизни инвалидов* нами понимается совокупность характеристик занимаемых ими жилых помещений и прилегающих к ним территорий (двор, подъезд), в том числе степень их соответствия критериям доступности для людей с инвалидностью. В настоящей работе внимание сконцентрировано на рассмотрении жилищных условий домохозяйств российских инвалидов. В частности, проанализированы характеристики жилых помещений: наличие центрального отопления, канализации, горячего и холодного водоснабжения, общая жилая площадь, год постройки жилища, а также оценка наличия вредных факторов (сырость, холод, шум, загрязнение воздуха). Помимо этого затронуты вопросы сформированности доступной среды для инвалидов. Новизну выполненного исследования составляет рассмотрение качества жилищных условий домохозяйств инвалидов во взаимосвязи с уровнем их дохода, а также с учётом территориальной специфики.

Материалы и методы исследования

Объект исследования – домохозяйства, имеющие в составе инвалидов. Предмет исследования – условия жизни этих домохозяйств. Цель исследования: проанализировать условия жизни домохозяйств инвалидов в России. В соответствии с целью были поставлены следующие задачи:

1) проанализировать характеристики жилых помещений, занимаемых домохозяйствами инвалидов;

2) оценить, насколько приспособлены для инвалидов объекты жилого фонда;

3) оценить доступность объектов инфраструктуры для инвалидов, имеющих ограничения по зрению, слуху, испытывающих трудности в передвижении.

Информационную базу работы составили данные Комплексного наблюдения условий жизни населения за 2018 г. (КОУЖ 2018). В обследовании приняли участие 59994 домохозяйства, среди которых 8399 (14%) имели в своём составе инвалидов, а 3153 (5.3%) целиком состояли из инвалидов.

Мы будем придерживаться определения домохозяйства, используемого Федеральной службой государственной статистики: «Домохозяйство представляет собой совокупность лиц, проживающих в одном жилом помещении (или его части), как связанных, так и не связанных отношениями родства, совместно обеспечива-

ющих себя пищей и всем необходимым для жизни, то есть полностью или частично объединяющих и расходующих свои средства (в т.ч. лица, чей фактический (или предполагаемый) период пребывания в домохозяйстве длится более одного года)» [7].

Результаты и их обсуждение

Жилищные условия домохозяйств инвалидов

По данным КОУЖ 2018, наиболее распространённым типом жилища городских домохозяйств инвалидов является отдельная квартира. В сельской местности преобладает проживание в отдельном деревянном доме. Аналогичная ситуация характерна, впрочем, для всех домохозяйств в целом. Заметное отличие касается только доли проживающих в индивидуальных домах и отдельных квартирах. Среди домохозяйств с инвалидами в городской местности ниже доля тех, кто проживает в отдельной квартире, но выше доля проживающих в индивидуальном доме по сравнению со всеми домохозяйствами в среднем. В сельской местности ситуация обратная: среди всех домохозяйств выше доля проживающих в отдельных квартирах и ниже доля проживающих в индивидуальных домах, чем среди домохозяйств с инвалидами (табл. 1).

Большинство домохозяйств инвалидов (51.9%) занимают жилища, построенные в период 1971–1995 гг. Это наблюдение справедливо и для городских (53.8%), и для сельских населённых пунктов (48.3%). В домах, построенных после 2012 г., проживают лишь 0.3% городских и 1.1% сельских домохозяйств инвалидов. В сельской местности более высокий показатель объясняется, вероятно, относительно низкой стоимостью жилья. Большую часть новостроек представляют кирпичные и каменные строения: 61.3% в сельских и 36.8% в городских населённых пунктах. На общий износ жилого фонда указывалось в исследованиях российских авторов и ранее как на одну из значимых социальных проблем [8]. В числе её причин отмечались: нехватка денежных средств на приобретение или строительство нового жилья у населения, а также несоответствие объёма и структуры вновь вводимого в эксплуатацию жилого фонда потребностям домохозяйств [9].

Среди городских домохозяйств инвалидов распространено использование субсидий и льгот на оплату жилья и коммунальных услуг. В большей степени пользуются субсидиями и льготами домохозяйства, целиком состоящие из инвалидов. В рамках обследования домохозяйства также спрашивали о получении ими,

Таблица 1

Условия проживания домохозяйств, имеющих в составе инвалидов, %

Тип населённого пункта							Всего домохозяйств, ед.
	Отдельная квартира	Коммунальная квартира	Индивидуальный дом	Часть индивидуального дома	Общжитие	Другое	
Домохозяйства, имеющие в составе инвалидов							
Городской*	78.4	1.0	16.6	3.6	0.4	0.0	5535
Сельский	26.6	0.2	59.0	13.9	0.1	0.1	2864
Оба типа (среднее)	60.7	0.7	31.1	7.2	0.3	0.0	8399
Все домохозяйства							
Городской	82.9	0.9	12.9	2.8	0.4	0.0	41661
Сельский	32.2	0.2	55.3	12.1	0.1	0.0	18333
Оба типа (среднее)	67.4	0.7	25.9	5.7	0.3	0.0	59994

* 100% по строке. Здесь и далее: данные Комплексного наблюдения условий жизни населения 2018.
URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ18/index.html.

Таблица 2

Доля домохозяйств инвалидов, использующих субсидии и иные льготы для оплаты жилья и коммунальных услуг, % от числа домохозяйств соответствующих типов

Типы домохозяйств	Меры поддержки		Не получали никакой помощи
	Субсидии	Льготы	
Городские населённые пункты			
Домохозяйства, имеющие в составе инвалидов	11.2	55.3	17.6
Домохозяйства, целиком состоящие из инвалидов	14.2	61.4	13.1
Сельские населённые пункты			
Домохозяйства, имеющие в составе инвалидов	3.1	16.4	8.0
Домохозяйства, целиком состоящие из инвалидов	4.9	21.5	8.5

помимо государственных субсидий и льгот, других форм поддержки на оплату жилья (например, со стороны родственников, работодателей). С учетом всех этих каналов поддержки в городах оказалась выше доля домохозяйств с инвалидами и целиком состоящих из инвалидов, которые не получали никакой помощи в оплате жилья и коммунальных услуг (табл. 2).

Более высокая доля получателей субсидий и льгот среди городских домохозяйств, имеющих в составе инвалидов, может объясняться тем, что именно там выше стоимость коммунальных услуг. Этот фактор мог бы объяснить то, что в городских населённых пунктах выше, чем в сельских, величина среднедушевого месячного дохода домохозяйств, получающих субсидии или иные льготы на оплату жилья. При этом в городских и сельских домохозяйствах с инвалидами, не получавших никакой помощи, денежный доход был ниже, чем в тех, которые пользовались субсидиями и льготами. По всей видимости, льготы и субсидии вносят заметный вклад в благосостояние домохозяйств с инвалидами. Аналогичное наблюдение касается и среднемесячных душевых доходов сельских домохо-

зяйств, целиком состоящих из инвалидов. Несколько отличается рассматриваемое соотношение доходов в городских домохозяйствах, целиком состоящих из инвалидов. У тех из них, кто не получал никакой помощи, был зафиксирован более высокий среднемесячный душевой доход, чем у получателей субсидий и льгот. Очевидно, в этой категории сосредоточены наиболее обеспеченные домохозяйства, способные самостоятельно оплачивать услуги ЖКХ и поддерживать приемлемый уровень жизни (табл. 3).

Представленные данные подтверждают результаты других отечественных исследований. Так, согласно данным Э.В. Бушковой-Шиклиной, каждое десятое домохозяйство обращалось за получением субсидии по крайней мере однажды. Размер жилищных субсидий выше в городской местности и тесно связан с типом жилья: так, субсидия на оплату квартиры выше, чем на оплату проживания в индивидуальном доме. Возможно, и этот фактор делает субсидии более привлекательной мерой поддержки для городских домохозяйств [8].

Средняя величина жилой площади помещений, занимаемых домохозяйствами, имеющими

Таблица 3

**Среднемесячный душевой денежный доход в домохозяйствах с инвалидами
и целиком состоящих из инвалидов в зависимости от получения мер поддержки
на оплату жилья и коммунальных услуг, руб.**

Типы домохозяйств	Меры поддержки		Не получали никакой помощи
	Субсидии	Льготы	
Городские населённые пункты			
Домохозяйства, имеющие в составе инвалидов	18764	18038	17741
Домохозяйства, целиком состоящие из инвалидов	18742	18217	19007
Сельские населённые пункты			
Домохозяйства, имеющие в составе инвалидов	15225	15868	14211
Домохозяйства, целиком состоящие из инвалидов	16755	17446	15488

в составе инвалидов, – 39.8 м². В сельской местности это значение несколько выше, чем в городской: 45.35 м² против 36.92 м², соответственно. По мере увеличения совокупного среднемесячного дохода растёт жилая площадь и число жилых комнат, занимаемых домохозяйством. В сельской местности такой рост происходит быстрее. В целом, при одинаковом уровне дохода сельские домохозяйства могут проживать в более просторном жилище, чем могли бы позволить себе в городе. Такая ситуация, вероятно, обусловлена более низкой стоимостью жилья и коммунальных услуг в сельской местности. Однако если рассмотреть показатели индивидуальной обеспеченности жилой площадью, то картина сразу меняется. Даже в высокодоходных домохозяйствах параметры обеспеченности жилой площадью остаются скромными. Более того, наблюдается снижение показателя обеспеченности жилплощадью вплоть до достижения уровня среднего месячного дохода в 137500 рублей на домохозяйство, лишь после этого порога показатель несколько увеличивается. В городах разница в обеспеченности жилплощадью между самыми «бедными» и самыми «богатыми» домохозяйствами составляет 3.4 раза, причём в пользу первых. В сельской местности наблюдается схожая ситуация. Здесь разница в обеспеченности жилплощадью между «крайними» доходными группами домохозяйств несколько меньше и составляет 1.75 раза, тоже в пользу наименее обеспеченных домохозяйств (табл. 4). Обозначенное расхождение, по всей видимости, обусловлено тем, что доход домохозяйств с инвалидами растёт с увеличением размера домохозяйства, а не за счёт увеличения размера индивидуальных доходов его членов. Получается, чем больше человек в составе домохозяйства инвалидов, тем выше для него актуальность жилищной проблемы.

Проблема расширения жилплощади является актуальной для 40% домохозяйств с инвалидами и для 19.3% домохозяйств, полностью со-

стоящих из инвалидов. В целом, улучшить жилищные условия хотели бы 25.5% домохозяйств первой категории и 15.8% – второй. Имеют место территориальные различия относительно такой потребности. В сельской местности она сформирована у 30.4% домохозяйств с инвалидами, в городской – у 22.9%. Улучшить свои жилищные условия в перспективе ближайших 2–3 лет планировали только 11.9% домохозяйств с инвалидами. Из них приобретение нового жилья или его строительство как способ улучшения жилищных условий рассматривали только 15% домохозяйств с инвалидами, 39% из них предполагали использовать на эту цель средства ипотечного кредита.

Среди домохозяйств, целиком состоящих из инвалидов и испытывавших потребность в улучшении жилищных условий, доля тех, кто был намерен сделать это в перспективе 2–3 лет, составила 2.9% в городских и 2.7% в сельских населённых пунктах. Готовы были привлечь средства ипотечного кредита только 7% домохозяйств, планировавших приобретение или строительство жилья. Эти факты свидетельствуют о низкой доступности приобретения жилья для домохозяйств инвалидов, а также об ограниченности их участия в ипотечных программах. Для сравнения, среди семей с детьми, покупавших или строивших новое жильё в 2016 г., 37% привлекали средства ипотечного кредита [10]. По данным КОУЖ 2018, среди домохозяйств, состоящих из супругов с детьми, планировавших приобретение или строительство жилья, 55% намерены были воспользоваться ипотечным кредитованием.

В число основных причин неудовлетворённости городских домохозяйств инвалидов условиями проживания входят: стеснённость проживания (17%), шум и загрязнение воздуха (15%), плохая освещённость подъезда и придомовой территории (15%). В сельских населённых пунктах домохозяйства чаще, чем в городских, жалуются на неудобство расположения

Таблица 4

**Соотношение доходов домохозяйств, имеющих в составе инвалидов,
и обеспеченности их жилой площадью**

Величина среднемесячного дохода, рублей	Город			Село		
	Жилая площадь, м ²		Число жилых комнат	Жилая площадь, м ²		Число жилых комнат
	На домохозяйство	На человека		На домохозяйство	На человека	
2500	35	35.0	3	49	35,50	2.5
7500	31.62	28.89	2.03	37.74	31.25	2.44
12500	30.52	29.17	1.92	38.01	33.62	2.33
17500	32.72	28.60	2.04	39.98	28.34	2.41
22500	33.97	23.39	2.17	43.77	23.57	2.69
27500	38.12	19.90	2.38	45.98	21.91	2.74
35000	39.77	18.23	2.52	48.45	19.28	2.87
45000	42.46	16.67	2.61	53.55	18.30	3.06
55000	41.35	14.75	2.63	59.1	17.76	3.38
67500	40.44	14.51	2.61	57.92	16.82	3.56
87500	42.14	13.20	2.57	64.0	14.94	3.7
112500	37.28	11.37	2.39	47	13.60	3.25
137500	40.97	10.33	2.63	78.75	20.29	3.75
162500	45.19	11.62	3	–	–	–
187500	41	12.24	2.7	–	–	–
225000	47.5	12.53	2.83	–	–	–
275000	43.25	10.21	3	–	–	–

Таблица 5

**Распространённость неблагоприятных условий проживания среди домохозяйств,
имеющих в составе инвалидов,
% от численности домохозяйств данного типа**

Неблагоприятные условия проживания*	Городские населённые пункты	Сельские населённые пункты
Стеснённость проживания	17	12
Шум, загрязнение воздуха, пыль, сажа с улицы	15	7
Плохая освещённость подъезда и придомовой территории	15	17
Недостаток тепла	13	12
Сырость (промерзание) стен, полов	11	12
Шум от соседей	11	4
Расположение туалета за пределами дома/квартиры	9	42
Недостаток солнечного света	8	2
Нарушение общественного порядка в подъезде или в доме	6	2
Наличие насекомых (грызунов)	6	8

*Ранжировано по убыванию по столбцу «городские населённые пункты».

туалета за пределами дома (42%), плохую освещённость придомовой территории (17%), сырость (промерзание) стен и полов жилища (12%), наличие в доме насекомых и грызунов (8%) (табл. 5).

Жители сельской местности находятся в менее благоприятном положении, с точки зрения степени благоустройства объектов жилого фонда. Сложившаяся ситуация характерна не только для домохозяйств, включающих инвалидов, а скорее отражает сложившееся неравенство условий жизни в городской и сельской местности [11].

Если рассмотреть долю домохозяйств с инвалидами, обеспеченных основными удобствами, она будет заметно выше в городских населённых пунктах по сравнению с сельскими. Наибольший контраст составляют показатели обеспеченности домохозяйств централизован-

ным отоплением (75.6% в городских и только 17.7% в сельских населённых пунктах), горячим водоснабжением (57.7% и 7.1%) и канализацией (80.4% и 20.4%, соответственно). Доля домохозяйств, указавших на наличие в их доме сетевого газопровода, в городских и сельских населённых пунктах различается незначительно: 69% и 62%, соответственно. Сбор бытовых отходов лучше организован в городских населённых пунктах. В сельской местности для 16.8% домохозяйств актуальной остаётся проблема отсутствия в жилище водопровода (табл. 6).

Преимущества проживания в городской местности становятся менее очевидными, если учесть частоту перебоев с горячим водоснабжением, электроснабжением и другие нарушения в работе систем жизнеобеспечения многоквартирных домов. Так, среди опрошенных городских

Таблица 6

**Наличие коммунальных удобств в жилищах домохозяйств инвалидов
(доля домохозяйств, пользующихся соответствующим удобством, %)**

Тип удобства	Городские населённые пункты	Сельские населённые пункты
Водопровод		
Централизованный	93.6	65.4
Индивидуальный из скважины	3.0	9.7
Из колодца	0.9	8.0
Нет водопровода	2.5	16.8
Горячее водоснабжение		
Центральное	57.7	7.1
От водонагревателя	32.4	53.9
Нет горячего водоснабжения	9.9	38.9
Тип системы отопления		
Центральное	75.6	17.7
Индивидуальные установки, котлы	19.5	55.7
Печное	4.8	26.1
Другое	0.1	0.4
Тип канализации		
Централизованная	80.4	20.4
Индивидуальная (в том числе септик)	2.5	9.1
Выгребная яма	13.2	47.3
Нет канализации	3.9	23.1
Пользование бытовым газом		
Сетевой газ	69.0	62.1
Привозной сжиженный	2.5	1.1
Сжиженный в баллонах	5.0	20.3
Нет возможности пользоваться газом	4.4	6.1
Нет потребности в использовании газа	19.2	10.4
Наличие контейнера для сбора мусора (около дома)		
Есть	65.0	15.6
Нет	14.8	11.3

домохозяйств инвалидов с перебоями в подаче электроэнергии сталкивались 9.2%, в подаче горячей воды – 16.1%, холодной воды – 18.5%.

Оценка приспособленности объектов жилого фонда к потребностям инвалидов

В России приспособление объектов жилого фонда к потребностям инвалидов, как правило, осуществляется только в том случае, когда в них уже проживают люди с инвалидностью. С этим, в определённой мере, связано общее неудовлетворительное состояние объектов жилого фонда в части их доступности для инвалидов. Изменения к лучшему должны были произойти вследствие принятия в 2016 г. новых Правил обеспечения доступности для инвалидов жилых помещений и общего имущества в многоквартирном доме [12]. Рассмотрим, какая часть домохозяйств инвалидов, проживающих в городских и сельских населённых пунктах, имеет в своих домах необходимые приспособления, обеспечивающие комфорт для инвалидов (табл. 7).

Приведённые данные свидетельствуют о том, что даже в городской местности объекты жилого фонда практически не учитывают осо-

бые потребности инвалидов. В сельской местности соответствующая адаптация жилищ встречается крайне редко. Если в городах 19.3% домохозяйств отметили, что их дом оборудован широкими дверными проёмами, то в сельской местности доля таковых составила лишь 5.1% (см. табл. 7). Это указывает на необходимость систематической работы по приведению объектов жилого фонда в соответствие с потребностями инвалидов.

Доступность инфраструктуры населённых пунктов для инвалидов с различными ограничениями жизнедеятельности

В ходе выборочного обследования домохозяйствам предлагалось оценить и то, насколько адаптированы к потребностям инвалидов некоторые объекты и услуги в населённом пункте. На вопросы о доступности среды отвечали те домохозяйства, которые указали, что имеют в составе инвалидов по зрению, слуху или с нарушениями опорно-двигательного аппарата (ОДА). Таких среди домохозяйств инвалидов оказалось менее трети (28.4%, 2385 домохозяйств).

Таблица 7

Доля домохозяйств, имеющих в составе инвалидов, указавших на оборудование их дома приспособлениями для инвалидов и других маломобильных групп населения, %

Приспособления в доме для инвалидов и маломобильных групп населения	Городские населённые пункты	Сельские населённые пункты
Широкие дверные проёмы	19.3	5.1
Наклонные въезды/съезды	15.3	2.1
Перила	27.7	6.5
Автоматические двери	7.3	1.3
Лифт для инвалидных колясок	5.0	0.2

Таблица 8

Доля домохозяйств, положительно оценивших доступность объектов инфраструктуры для инвалидов, % от числа ответивших

Объекты инфраструктуры*	Городские населённые пункты	Сельские населённые пункты
Автобусы	41.5	32
Автобусы междугородного сообщения	10.3	12.9
Остановки наземного общественного транспорта	44.3	33.8
Магазины у дома	58.7	56.3
Супермаркеты и торговые центры	40.1	21.9
Кафе, рестораны	11	7.4

* Представлены те объекты, которыми чаще всего пользуются инвалиды и в городской, и в сельской местности.

Прежде чем обратиться к анализу полученных оценок доступности объектов инфраструктуры для инвалидов, рассмотрим, какой была доля инвалидов, пользующихся этими объектами в городской и сельской местности. Данный аспект косвенно указывает, насколько активно инвалиды вовлечены в повседневную жизнь общества. Согласно полученным ответам домохозяйств, и в городской, и в сельской местности наиболее активно инвалиды пользовались магазинами в шаговой доступности (58.7% и 56.3%, соответственно) и остановками наземного общественного транспорта (44.3% и 33.8%, соответственно). В городских населённых пунктах инвалиды, в целом, были более вовлечены в жизнь общества: среди них была выше доля тех, кто посещал кафе и рестораны, супермаркеты и торговые центры, пользовался автобусами городского и пригородного сообщения. В то же время в сельских населённых пунктах инвалиды с ограничениями по зрению, слуху или имеющие нарушения ОДА чаще совершали поездки на междугородных автобусах (табл. 8). Следует отметить, что городские и сельские населённые пункты по-разному обеспечены объектами инфраструктуры. В сельском населённом пункте может и не быть кафе, ресторана или супермаркета. Этим обстоятельством может быть обусловлен более низкий уровень использования таких объектов инвалидами.

Как следует из приведённых ниже данных (табл. 9), значительная часть домохозяйств давали положительные оценки степени доступности для инвалидов объектов инфраструктуры своего населённого пункта. В городских насе-

лённых пунктах наибольшие затруднения возникали у инвалидов с нарушениями опорно-двигательного аппарата при использовании автобусов, остановочных комплексов, кафе и ресторанов. В сельской местности наиболее затруднено использование инвалидами пригородных и междугородных автобусов. Остановки общественного транспорта более доступны для инвалидов всех категорий в сельских населённых пунктах, по сравнению с городскими. В городских населённых пунктах выше доступность магазинов и супермаркетов для инвалидов по слуху, тогда как в сельских – для инвалидов по зрению и инвалидов с нарушениями опорно-двигательного аппарата. Городские кафе и рестораны более доступны для инвалидов по зрению и слуху, чем сельские, тогда как последние более доступны для инвалидов с нарушениями опорно-двигательного аппарата (табл. 9). Приведённые данные указывают, что и в городской, и в сельской местности необходимы дополнительные усилия по повышению доступности автобусного парка и остановочных комплексов для инвалидов с нарушениями опорно-двигательного аппарата. В городских населённых пунктах также необходимо повысить доступность автобусов для инвалидов по зрению, а в сельских населённых пунктах – для инвалидов по слуху.

Выводы

Проведённое исследование позволяет заключить, что для российских домохозяйств, имеющих в составе инвалидов, остаются ак-

Таблица 9

Доля положительных оценок доступности различных объектов инфраструктуры, высказанных домохозяйствами, имеющими в составе инвалидов по зрению, слуху, с нарушениями опорно-двигательного аппарата, % от числа ответивших домохозяйств каждого типа, где инвалиды пользовались данными объектами

Объекты инфраструктуры*	Городские населённые пункты			Сельские населённые пункты		
	Инвалиды по зрению	Инвалиды по слуху	Инвалиды с нарушениями ОДА	Инвалиды по зрению	Инвалиды по слуху	Инвалиды с нарушениями ОДА
Автобусы (городские и пригородные)	57.7	70.5	40.1	68	58.1	47.5
Автобусы междугородного сообщения	69.4	66.7	51.0	59.4	63.6	43.8
Остановки наземного общественного транспорта	64.2	70.0	55.6	75.0	70.6	61.7
Магазины у дома	65.4	72.7	59.2	68.6	71.2	60.6
Супермаркеты и торговые центры	67.7	76.4	66.3	79.2	66.7	74.8
Кафе, рестораны	81.5	74.2	57.4	78.6	70.0	66.7

* Представлены те объекты, которыми чаще всего пользуются инвалиды и в городской, и в сельской местности.

туальными проблемы как улучшения жилищных условий, так и адаптации среды населённых пунктов к потребностям инвалидов. Для домохозяйств инвалидов условия жизни определяются, прежде всего, видом занимаемого жилища и местностью проживания. Установлено, что для городских домохозяйств наиболее актуальными жилищными проблемами выступают: теснота жилища, шум и загрязнение воздуха, недостаточное освещение придомовой территории. В сельской местности домохозяйства чаще имеют неблагоустроенное жильё без таких удобств, как водопровод, канализация и горячее водоснабжение. В этом аспекте домохозяйства инвалидов не отличаются от других типов домохозяйств. Показано, что душевая обеспеченность домохозяйств инвалидов жилой площадью не увеличивается по мере роста их среднего дохода, тогда как общая площадь занимаемого жилища становится больше. Причём в сельских населённых пунктах соотношение совокупной жилплощади и среднего дохода растёт быстрее, чем в городских, что указывает на большую ценовую доступность сельского жилья для инвалидов. На фоне высокой заинтересованности в улучшении жилищных условий ипотечное кредитование остаётся недоступным для большинства домохозяйств инвалидов. Вне зависимости от типа населённого пункта общей проблемой выступает непригодность объектов жилого фонда к потребностям инвалидов и других маломобильных групп населения. Несмотря на то что оценки доступности по некоторым объектам инфраструктуры выше в сельской местности, чаще пользуются ими городские инвалиды с ограничениями по зрению, слуху или нарушениями опорно-двигательного

аппарата. Исключение составляют междугородные автобусы, которыми в несколько большей степени пользуются инвалиды в сельских населённых пунктах. Причиной в данном случае может быть не их большая доступность, а насущная потребность сельских жителей совершать поездки в ближайшие города из-за недостаточного развития сельской инфраструктуры (нехватки аптек, магазинов, медицинских организаций и т.п.).

В целом, жилищные проблемы инвалидов сходны с проблемами остальных российских домохозяйств и имеют такую же территориальную специфику. Домохозяйства инвалидов нуждаются в целенаправленных мерах поддержки для улучшения своих жилищных условий, поскольку ипотечное кредитование остаётся для них практически недоступным. Сохраняет актуальность и проблема непригодности среды населённых пунктов и объектов жилого фонда к потребностям инвалидов, выступающая барьером их социального участия.

Материалы и выводы исследования могут представлять интерес для исследователей и специалистов, занимающихся вопросами качества жизни инвалидов и социальной политики в отношении данной категории населения. В перспективе планируется рассмотреть вопросы условий жизни домохозяйств инвалидов в контексте разработки методики оценки их качества жизни.

Список литературы

1. Наберушкина Э.К. Социальное пространство инвалидности: формирование доступной среды: Монография. Саратов: Наука, 2009. 158 с.

2. Мигранова Л.А., Ненахова Ю.С. Программа «Доступная среда» и оценка ее реализации инвалидами // *Народонаселение*. 2015. № 1 (67). С. 107–122.
3. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Политика инвалидности. Проблемы доступной среды и возможности занятости // *Социологические исследования*. 2005. № 2 (250). С. 43–55.
4. Немсцверидзе Э.Я. Социально-гигиенические аспекты образа жизни пожилых инвалидов // *Современные проблемы науки и образования*. 2012. № 1. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=5432> (дата обращения: 28.09.2020).
5. Больницкая А.Н. Инвалиды и общество // *Мониторинг общественного мнения*. 2014. № 4 (122). С. 119–127.
6. Кулагина Е.В. Социальная политика в отношении инвалидов в государствах благосостояния и России: переход к независимой жизни и инклюзии // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2017. Т. 13. № 10. С. 1944–1971.
7. Комплексное наблюдение условий жизни населения / Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ18/index.html (дата обращения: 21.08.2020).
8. Бушкова-Шиклина Э.В. Жилищные и социальные классы в России: грани соприкосновения // *Управление устойчивым развитием*. 2018. № 3 (16). С. 40–44.
9. Шнейдерман И.М., Гришанов В.И., Гузанова А.К. и др. Жилищная и имущественная обеспеченность домохозяйств // *Народонаселение*. 2016. № 1. С. 42–53.
10. Гузанова А.К., Шнейдерман И.М. Жилищная проблема с точки зрения семейных ценностей и предпочтений // *Уровень жизни населения регионов России*. 2018. № 1 (207). С. 66–76.
11. Кибатаева А.Н. Сравнительный статистический анализ жилищных условий городского и сельского населения России // *Интернет-журнал «Науковедение»*. 2015. Т. 7. № 5 (30). С. 58.
12. Владимирова О.Н., Пузин С.Н., Кожушко Л.А. и др. Методические основы экспертной оценки потребности инвалидов в приспособлении (адаптации) жилья // *Вестник Всероссийского общества специалистов по медико-социальной экспертизе, реабилитации и реабилитационной индустрии*. 2019. № 2. С. 58–75.

**LIVING CONDITIONS OF DISABLED HOUSEHOLDS
(ACCORDING TO A SAMPLE SURVEY CONDUCTED
BY THE FEDERAL STATE STATISTICS SERVICE)**

L.N. Natsun

Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences

Households with disabilities often have poorer housing conditions and experience difficulties and problems related to the unavailability of infrastructure for people with disabilities. The negative effect of disability extends to all members of the household, reducing their quality of life. Housing inequality, in this case, is linked to the health status of the population and reflects the more general problem of social discrimination against people with disabilities. In the Russian literature, studies of the living conditions of households with disabilities are poorly represented. This determined the choice of the purpose of this work: to analyze the current living conditions of disabled households in Russia. The information base of the study was made up of microdata from a sample survey of the population's living conditions conducted by the Federal State Statistics Service in 2018. Housing conditions of households with disabilities are considered in detail, as well as issues of accessibility of infrastructure facilities for the disabled. It is shown that a significant part of disabled households feel the need to improve their housing conditions in one way or another, but most of them do not have the financial abilities to do so, even if they use a mortgage. The article highlights the territorial specifics of the reasons for dissatisfaction with the living conditions of households, the characteristics of housing conditions, as well as the adaptability of housing facilities to the needs of disabled people. The problem of creating an accessible environment, especially in rural localities, has been updated. The results of the study may be of interest to specialists engaged in the study of disability issues, creating an accessible environment, as well as the quality of life of socially vulnerable categories of the population.

Keywords: disability, living conditions of disabled households, accessible environment, quality of life.

УДК 316

DOI 10.52452/18115942_2021_1_125

РИСК КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛЮДЕЙ В ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУКАХ

© 2021 г.

Д.Ю. Рогачев

Рогачев Дмитрий Юрьевич, ассистент кафедры мировой экономики и таможенного дела
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
rogistyle@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 13.11.2020**Статья принята к публикации 29.01.2021*

Рассматривается эволюция теории риска на примере фундаментальных трудов ученых XIX–XXI вв. в области экономики, социологии и психологии. Выделяются сходства и различия в подходах к изучению понятия «риск» в общественных науках. Дается ответ на вопрос о существовании взаимосвязи между склонностью к риску и различными характеристиками личности путем анализа результатов проведенного авторского социологического опроса 1210 студентов различных курсов бакалавриата и магистратуры гуманитарной и технической направленности Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. В результате опроса обнаружена значительная гендерная дифференциация в восприятии риска. Проведенный корреляционный анализ между склонностью к риску и финансовой грамотностью позволяет выявить взаимосвязь между исследуемыми характеристиками. Полученные коэффициенты отражают различия в поведении студентов 18 лет и младше по сравнению с более старшими.

Ключевые слова: риск, финансовая грамотность, свойства личности, гендер, поведение, студенты, молодежь.

Введение

Вопрос о влиянии социально-экономических характеристик индивидов на экономическое поведение представляется актуальным и практически значимым. Это обусловлено международным признанием современных исследований, поднимающих вопрос о факторах, оказывающих влияние на принятие финансовых и экономических решений. Учеными задается вектор поиска малоизученных аспектов экономического поведения, среди которых влияние особенностей личности кажется нам наиболее интересным.

Благодаря анализу обширного числа исследований было установлено, что одними из многочисленных факторов, оказывающих влияние на экономическое поведение, формирование суждений и принятие выбора, являются финансовая грамотность и склонность к риску.

Финансовая грамотность подразумевает обретение финансовой независимости, а также достижение определенного уровня финансовой культуры и финансовой дисциплины.

Быть финансово грамотным – больше, чем просто обладать знаниями в финансовой сфере. Финансовая грамотность включает конкретные навыки и умения, касающиеся планирования и учета доходов и расходов, составления балансов, ориентирования в потоке финансовой информации, овладения современными финансовыми инструментами, умения рассчитывать по-

следствия принимаемых финансовых решений с учетом оцениваемых рисков, овладения способами предупреждения вовлечения в противоправную деятельность, предугадывания финансовых последствий различных негативных событий на уровне отдельного домохозяйства, фирмы, отрасли, страны.

В век научно-технического, цифрового прогресса люди ежедневно сталкиваются с осуществлением безналичных платежей, бесконтактных транзакций, электронной коммерцией и дистанционным банкингом. Для квалифицированной работы с системами цифровых технологий пользователи должны обладать высоким уровнем финансовой грамотности.

Повышение уровня финансовой грамотности – предпосылка к преодолению стереотипного поведения. Понимание принципа работы финансовых инструментов поможет индивидам побороть иррациональные опасения либо сформировать защитный механизм, позволяющий предотвратить возможность попадания в мошеннические схемы или денежные аферы на финансовом рынке.

Одним из основных признаков, препятствующих формированию стереотипного поведения, является склонность к риску. Поскольку тема риска многогранна и носит междисциплинарный характер, невозможно дать четкое определение понятия «риск» и выделить единообразный подход к его изучению. Для того чтобы корректно подойти к его исследованию, необ-

ходимо обратиться к истории возникновения риска и эволюции данного понятия в общественных науках.

Вопрос о восприятии риска поднимался еще античными философами и не потерял своей актуальности. Нами рассматривается эволюция теории риска на примере фундаментальных трудов ученых XIX–XXI вв. в области экономики, социологии и психологии.

На заре зарождения теории вероятностей был предложен такой способ оценки риска, как расчет математического ожидания возможного случайного события. Однако использование такого подхода для расчета возможных потерь приводило к парадоксам и противоречиям.

Решение одного из таких парадоксов, так называемого «Санкт-Петербургского парадокса» [1], привело к введению понятия функции полезности [2], которая в дальнейшем легла в основу многочисленных дискуссий и открытий в области неопределенности и риска, обсуждений теории принятия решений.

У истоков психологических принципов теории индивидуального человеческого поведения стоит экономист и философ Адам Смит. Представленные в его книге «Теория нравственных чувств» идеи о психологии человека совпадают с современными представлениями поведенческой экономики. «...Неприятное ощущение, испытываемое нами при переходе из хорошего в худшее положение, пересиливает приятное ощущение, испытываемое нами при переходе к лучшему положению» [3, с. 211].

Философ, социолог Иеремия Бентам еще в XVIII в. обратил внимание на значимость психологических основ теории полезности [4]. Однако его рассуждения о детерминантах полезности получили достойную оценку только в последней трети XIX века [5, 6].

Социологический подход

XX век ознаменовал выход категории риска за пределы теории вероятностей и экономической науки. Происходит ее ускоренное проникновение в гуманитарную сферу, что связано с исследованием рисков социального развития, изучением их природы и способов минимизации. Здесь невозможно не выделить фундаментальные работы, рассматривающие риски превращения традиционного общества в современное общество [7]; риски аномических проявлений (ценностной дезориентации) [8]; риски социальных действий, связанных с различной степенью рациональности поведения индивидов [9]; риски общей системы человеческого действия [10]; а также риски, изучаемые в рамках теории коммуникативного действия [11].

С конца XX – начала XXI в. ученые-социологи начинают рассматривать риски поведения с точки зрения интегральной концепции, которая объединяет социальные нормы, нормативные убеждения, коллективистские и культурные переменные. «...Риски являются сопутствующим продуктом модернизации...» [12, с. 30]. Глобализация приводит к усложнению социальных систем и отношений. Э. Гидденс отмечает важность соответствия тем возможностям, которые открываются в современной социальной системе для построения будущей манеры поведения индивида и его самоидентичности [13].

Н. Луманом дается объяснение нерациональности человеческого поведения. Люди драматизируют вероятность наступления неблагоприятных событий и стараются избегать их, что зачастую приводит к потере выгодных возможностей. Человек не может выработать «иммунитет против неудач и научиться избегать ошибок», так как это зависит не только от его решений, но и от окружающей действительности. Им вводится различие между понятиями «риск» и «опасность»: если возможный ущерб возникает вследствие решений, мы говорим о риске; если причиной ущерба является окружающий мир, то речь идет об опасности. «Помечая риск, можно забыть об опасностях, помечая опасности – о тех выгодах, которых можно было бы достичь путем рискованного решения» [14, с. 152].

Среди отечественных социологов, рассматривающих риск, следует выделить В.И. Зубкова и его работу «Проблемное поле социологической теории риска», в которой автором предлагается классификация типов риска в различных сферах жизнедеятельности людей: в сфере труда, в быту, в политике, в сфере культуры – и их определяющие свойства. Автор утверждает, что рисковое поведение обусловлено не просто совокупностью внешних условий и субъективных характеристик, а их взаимодействием, взаимокompенсированностью или взаимоусилением [15].

В работе [16] выдвигается гипотеза о специфической предметной области социологической теории риска, возникающей на стыке обществоведческих и гуманитарных дисциплин. Она изучает социально-психологические, социально-экономические, социально-политические основы и проявления жизнедеятельности социальных общностей.

В работе [17] выделяется как самостоятельное социологическое направление социальная рискология, изучающая проблемные ситуации, в которые вовлечены субъекты, а также типы взаимодействия социальных групп в условиях реальных или потенциальных рисков.

В некоторых эмпирических исследованиях доказывалось, что склонность к риску передается от родителей детям. Данный признак не яв-

ляется генетическим, а приобретает в процессе социализации и возникает в процессе копирования детьми паттерна поведения родителей. Это касается как финансовых вопросов, так и здоровья, карьеры, вождения автомобиля и досуга [18, 19]. В других работах обнаружено, что склонность к риску индивида коррелирует с выбором профессии [20].

Экономический подход

Экономический подход в теории риска необходимо рассматривать с разных сторон. С одной стороны, риск исследуется как объективный фактор деятельности людей в различных сферах. С этой позиции изучаются оценки возможных потерь при наступлении неблагоприятных событий. Риски систематизируются и подвергаются количественной оценке.

Необходимо отметить работу «Риск, неопределённость и прибыль» Ф. Найта, где впервые (1921 г.) проводится различие между понятиями «риск» и «неопределённость»: «... «риск» означает некое количество, доступное измерению, тогда как в других случаях это нечто совсем иного рода» [21, с. 30].

С другой стороны, критика теории ожидаемой полезности включала противопоставление рациональному поведению концепции субъективных предпочтений [22, с. 488], а также выявленных аномалий и парадоксов теории полезности, таких как «парадокс Алле» [23], и «эффекта неоднозначности» [24]. Эта критика нарушала основные принципы теории полезности, ставила под сомнение ее согласованность с реальностью [25] и в конечном счете привела к рассмотрению риска как субъективного фактора.

В XXI веке исследования в области экономики направлены на понимание риска как объективно существующей вероятности наступления неблагоприятных обстоятельств. Предметом их анализа являются риски финансовых систем, безопасность социально-экономических систем, экономические риски организаций, банковские, кредитные риски [26], риски налоговой системы [27].

Современные экономисты считают, что риск имеет прогностическое свойство. Его анализ способствует выработке мер по снижению негативных последствий деятельности экономического субъекта [28].

Психологический подход

В первой половине XX века поведение человека стало изучаться с позиции концепции бихевиоризма, которая исследовала рефлексию

субъекта на окружающие его явления. Первые представители данного учения относятся к методологическому бихевиоризму. Они отрицали влияние мыслей, чувств и прочих субъективных факторов на поведение человека [29]. Однако дальнейшее развитие концепции бихевиоризма привело к принятию во внимание личных мыслей и чувств и пониманию того, что эти процессы можно контролировать изменением окружающей среды [30].

К середине XX века в психологии происходят события, определившие перспективные направления развития новой теории. Представление о мозге как об устройстве обработки информации позволило провести новые исследования памяти, способов решения задач и принятия решений. Это привело впоследствии к разделению бихевиористского и когнитивного подходов к изучению поведения субъектов. Ученые – приверженцы когнитивного подхода утверждают, что концепция бихевиоризма является устаревшей моделью, которая не учитывает интеллектуальное развитие и достижения нейropsychологии (изучение памяти, внимания, логического мышления и прочих высших корковых функций, благодаря которым происходит принятие решений) [31, 32].

Несмотря на критику, бихевиоризм продолжил свое развитие. Его сторонники сосредотачиваются на практическом контроле поведения человека, считая, что интрапсихические механизмы невозможно выявить в результате объективного эксперимента.

Дальнейший прогресс наук в области изучения факторов, влияющих на поведение человека, поставил вопрос о значимости влияния психологических особенностей личности на принятие решений. В частности, было введено понятие ограниченной рациональности [33].

Накопленный психологией материал стал использоваться современными исследователями в области поведенческой экономики. Акцент на психологическом реализме и применении более широкого круга подходов при проведении экспериментов продемонстрировал значительную полезность подобных эмпирических исследований в реальной жизни.

В область принятия решений поведенческая экономика внесла больший вклад, чем в любую другую область психологии. Исследования поведенческих решений в ней условно делятся на две категории: исследования суждений и исследование выбора [34]. Исследования суждений касаются процессов, которые люди используют для оценки вероятностей. Исследования в области выбора затрагивают процессы, которые люди используют для выбора между действиями, принимая во внимание любые соответствующие суждения, которые они могли сделать.

В ходе проводимых исследований учеными-психологами были обнаружены десятки факторов, противоречащих теории ожидаемой полезности, объяснение которых привело к созданию теории перспектив [35]. Согласно поведенческой экономике, на восприятие риска, формирование суждений и решение сложных проблем оказывают влияние эвристики, когнитивные искажения, ограниченная рациональность, фреймы, межвременной выбор.

Анализ сходств и различий в подходах к изучению риска

Важно обратить внимание на сходства и различия в психологическом, экономическом, социологическом подходах к восприятию риска. Истоки особенностей изучения риска в рамках различных наук лежат в контексте их исторического становления, и, безусловно, их различия изначально были обусловлены предметом и объектом исследований: экономика изучает экономические отношения, социология – социальные. Кроме того, различия общественных наук в подходах к риску заключаются в предлагаемых противопоставлениях. Так, экономисты риску противопоставляют устойчивость, или, с позиции возможности оценки – ситуацию неопределенности. Психологи, рассматривая проявление риска в поведении и принятии решений, противопоставляют проявление сдержанности и настороженности в выносимых суждениях и в процессе принятия решений. Отмечаются также различия в выделяемых объективных и субъективных факторах, оказывающих влияние на восприятие риска. Например, социологи противопоставляют риску (как субъективному действию) опасность (как проявление воздействия объективных факторов окружающей среды).

Что касается сходства подходов трех наук к изучению риска, стоит отметить, что первые проявления междисциплинарности возникли в результате развития психологии. Уже в начале XX века появились первые публикации, поднимающие вопрос о социальном взаимодействии с позиции психологического реализма, а с середины XX века реальный психологический фундамент подводился под экономический анализ для повышения качества прогнозируемости событий в разных сферах и выработки более эффективных стратегий поведения.

Междисциплинарный подход открывает новые возможности в изучении риска. События, сопряженные с риском, взаимодействуют с психологическими, социальными, экономическими и культурными факторами, которые способны

либо увеличивать, либо уменьшать восприятие риска отдельными индивидами.

Отдельно обратим внимание на поднимаемый учеными вопрос, существуют ли гендерные различия в оценках финансовой грамотности и восприятию риска или же существование «гендерного» поведения является стереотипным предубеждением. Однозначного ответа на данный вопрос не получено. С позиции социологии, гендерные различия в способах реагирования на риск могут являться результатом социализации или целенаправленного поведения для достижения соответствующих приоритетов, касающихся, например, семьи или дохода.

Для рассмотрения гипотезы о гендерных различиях в способах реагирования на риск и его взаимосвязи с финансовой грамотностью нами с 2017 по 2020 г. был проведен анкетный опрос на тему «Влияние личностных характеристик на финансовое поведение студенческой молодежи». Опросом было охвачено 1210 студентов различных курсов бакалавриата и магистратуры гуманитарной и технической направленности Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Результаты исследования

В таблице представлен блок вопросов, направленных на выявление склонности к риску, и распределение полученных результатов по гендерному признаку. Анализ ответов показал, что лишь малая доля респондентов предрасположена к риску. Результаты опроса убедительно демонстрируют гендерную дифференциацию в предрасположенности к риску. Склонность к риску у юношей оказалась значительно выше, чем у девушек.

При анализе ответов на вопрос «Я готов предложить начальнику новую идею, не просчитав его реакции» обнаружен существенный гендерный дисбаланс. Большую склонность к риску продемонстрировали юноши.

Юноши оказались и более склонны предпочесть временную подработку с высоким доходом постоянной работе с невысокой, но гарантированной заработной платой.

Стоит отметить избегание риска в вопросе о готовности вложить деньги в рискованные финансовые активы с меняющейся доходностью как у юношей, так и у девушек, что может быть связано как с неодобрением, недоверием к институту фондового рынка и отсутствием чувства надежности финансовой системы, так и недостатком знаний или навыков, отсутствием необходимых денежных средств.

Таблица

Гендерные различия в склонности к риску (n=1210)		
Варианты ответов	Юноши	Девушки
Я готов предложить начальнику новую идею, не просчитав его реакции		
Категорически не согласен	8.44 %	9.75 %
Скорее не согласен	27.70 %	34.42 %
Согласен наполовину	31.40 %	37.06 %
Скорее согласен	22.16 %	15.88 %
Полностью согласен	10.29 %	2.89 %
Я предпочту временную подработку с высоким доходом, чем постоянную работу с невысокой, но гарантированной зарплатой		
Категорически не согласен	8.44 %	8.42 %
Скорее не согласен	19.00 %	24.07 %
Согласен наполовину	32.98 %	38.27 %
Скорее согласен	25.59 %	22.62 %
Полностью согласен	13.98 %	6.62 %
Я готов вложить деньги в рискованные финансовые активы с меняющейся доходностью		
Категорически не согласен	17.97 %	25.28 %
Скорее не согласен	36.72 %	41.01 %
Согласен наполовину	25.78 %	21.54 %
Скорее согласен	15.63 %	9.93 %
Полностью согласен	3.91 %	2.25 %
Я готов рискнуть суммой в 10 000 рублей, если есть возможность получить 200 000 рублей		
Категорически не согласен	7.92 %	8.78 %
Скорее не согласен	18.47 %	20.82 %
Согласен наполовину	26.91 %	30.93 %
Скорее согласен	28.23 %	28.04 %
Полностью согласен	18.47 %	11.43 %

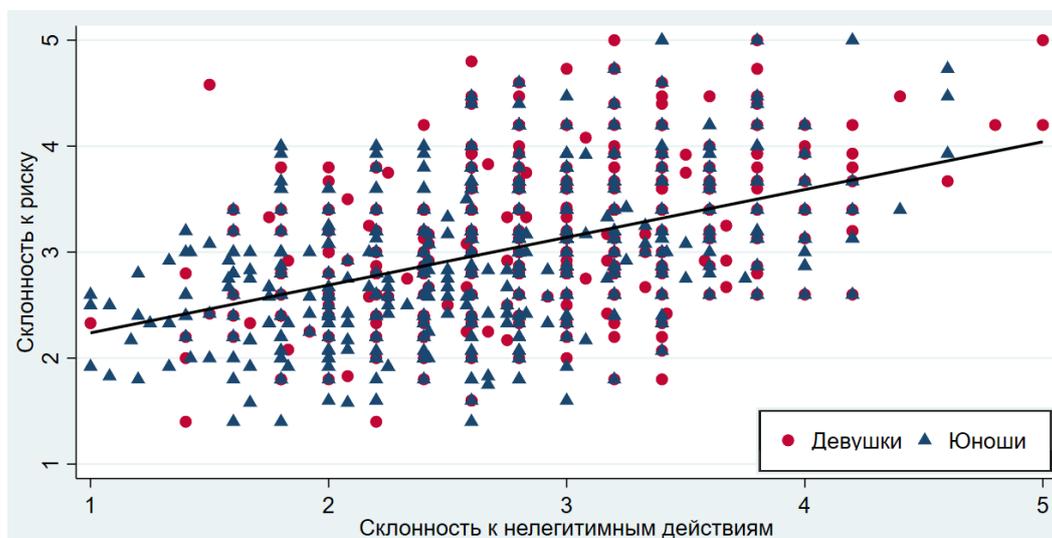

Рис. Диаграмма рассеяния (n=1210)

В вопросе о готовности потерять денежные средства с перспективой возможного получения гораздо большей суммы больший азарт продемонстрировали юноши.

Далее представлен анализ взаимосвязи между склонностью к риску и склонностью к нелегитимным действиям.

В блоке вопросов, направленных на исследование склонности к неэтичному поведению, выявлялось отношение респондентов к обману или сокрытию правды, к неформальным денежным практикам и пр. Следует отметить, что по-

лученные нами оценки дают лишь примерное представление о склонности индивида к нелегитимным действиям. При этом рамочный контекст задаваемых вопросов различался существенным образом: «Иногда можно нарушить закон, если это принесет пользу хорошим людям», «Если товарищ не напоминает о денежном долге, его можно не возвращать», «Чтобы начальник решил вопрос в мою пользу, лучше идти к нему не с пустыми руками».

На рисунке представлена связь между склонностью к риску и склонностью к нелегитимным

действиям. Коэффициент корреляции Пирсона между исследуемыми характеристиками составляет 0.46. В ходе анализа матрицы корреляций с учетом деления респондентов по гендерному признаку не было выявлено значимых различий в данной взаимосвязи, коэффициенты составляют (0.426) для юношей и (0.466) для девушек. Однако были обнаружены различия, связанные с влиянием возраста на склонность к риску. Связь между возрастом и склонностью к риску у молодых людей составляет (-0.122), а у девушек данная связь отсутствует (-0.009).

В блоке анкеты, посвященном выявлению финансовой грамотности, использовались как стандартные вопросы из различных финансовых дисциплин, так и вопросы, направленные на оценивание уровня знаний и умений студентов в области применения цифровых технологий в финансовой сфере.

В результате расчета коэффициента корреляции Пирсона между склонностью к риску и финансовой грамотностью обнаружена связь на уровне 0.25. Учитывая специфику объекта наблюдения (люди с их разнородными характеристиками) и большой объем выборки, полученную связь можно считать умеренной. Анализ связи между исследуемыми характеристиками не позволяет однозначно говорить о гендерной дифференциации, однако присутствующая связь более выражена у девушек (0.25) по сравнению с юношами (0.21). Анализ возрастного контекста выявил взаимосвязь между склонностью к риску и финансовой грамотностью у более молодого поколения (18 и менее лет) — коэффициент корреляции (0.336). У респондентов с возрастом 19 лет и старше коэффициент корреляции значительно ниже (0.199).

Заключение

В ходе теоретического анализа рассмотрена эволюция понятия «риск», выделены сходства и различия в подходах общественных наук к изучению риска. Эмпирический анализ позволил рассмотреть различные комбинации личностных характеристик с целью выявления их взаимосвязи и воздействия на склонность к риску. Проведенный анализ позволяет с уверенностью заключить, что юные респонденты более предрасположены к использованию рискованных практик. По нашему мнению, на это влияет тот факт, что их взросление пришлось на период глобальной цифровизации и социальной трансформации, который, в свою очередь, способствовал большей осведомленности и заинтересованности у юных респондентов в принципах действия рискованных финансовых инструментов.

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам: склонность к риску проявляется уже в юном возрасте, формируется в процессе социализации, имеет ярко выраженные гендерные различия и трансформируется в зависимости от окружающей экономической и социальной среды.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00716.

Список литературы

1. Бернулли Д. Опыт новой теории измерения жребия // Вехи экономической мысли. Т. 1. Теория потребительского поведения и спроса / Под ред. В.М. Гальперина. СПб.: Экономическая школа, 1993. С. 11–27.
2. Нейман Дж. Фон, Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение / Пер. с англ. под ред. и с доб. Н.Н. Воробьева. М.: Наука, 1970. 707 с.
3. Смит А. Теория нравственных чувств / Вступ. ст. Б.В. Мееровского; Подгот. текста, коммент. А.Ф. Грязнова. М.: Республика, 1997. 351 с.
4. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства М.: РОССПЭН, 1998. 415 с.
5. Джевонс У.С. Политическая экономия. СПб.: Типография товарищества «Народная польза», 1905. 120 с.
6. Маршалл А. Принципы экономической науки. В 3 т. Т. 1. М.: Прогресс, 1993. 594 с.
7. Тённис Ф. Общность и общество: основные понятия чистой социологии / Пер. с нем. Д.В. Складнева. СПб.: Владимир Даль, 2002. 451 с.
8. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Пер. с фр. А.Б. Гофмана, примечания В.В. Сапова. М.: Канон, 1996. 432 с.
9. Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем., сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайдено. М.: Прогресс, 1990. С. 495–546.
10. Парсонс Т. О структуре социального действия / Под общ. ред. В.Ф. Чесноковой, С.А. Белановского. М.: Акад. проект, 2000. 880 с.
11. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия (фрагменты) / Пер. А.Б. Рахманова // Вопросы социальной теории. 2007. Т. I. Вып. 1. С. 229–245.
12. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седелника, Н. Федоровой; Послесл. А. Филиппова. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
13. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность / Пер. С.П. Баньковская // THESIS. 1994. Т. 5. С. 107–134.
14. Луман Н. Понятие риска / Пер. А.Ф. Филиппова // THESIS. 1994. Т. 5. С. 135–160.
15. Зубков В.И. Проблемное поле социологической теории риска // Социологические исследования. 2001. № 6. С. 123–127.
16. Никитин С.М., Феофанов К.А. Социологическая теория риска в поисках предмета // Социологические исследования. 1992. № 10. С. 120–127.

17. Феофанов К.А. Российская социология риска: состояние и перспективы // Социологические исследования. 2007. № 4. С. 3–12.
18. Фёдорова Е.А., Нехаенко В.В., Довженко С.Е. Влияние финансовой грамотности населения РФ на поведение на финансовом рынке (эмпирическая оценка) // Проблемы прогнозирования. 2015. № 4. С. 105–117.
19. Dohmen T. et al. The intergenerational transmission of risk and trust attitudes // *The Review of Economic Studies*. 2012. V. 79. № 2. P. 645–677.
20. Bonin H. et al. Cross-sectional earnings risk and occupational sorting: The role of risk attitudes // *Labour Economics*. 2007. V. 14. № 6. P. 926–937.
21. Найт Ф.Х. Риск, неопределенность и прибыль / Пер. с англ. М.Я. Каждана. М.: Дело, 2003. 360 с.
22. Теория процента Фишера // В кн.: Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело, 1994. С. 488–499.
23. Алле М. Поведение рационального человека в условиях риска: критика постулатов и аксиом американской школы // *THESIS*. 1994. Т. 5. С. 217–241.
24. Ellsberg D. Risk, ambiguity, and the Savage axioms // *The Quarterly Journal of Economics*. 1961. V. 75. № 4. P. 643–669.
25. Stigler G.J. *Essays in the history of economics*. University of Chicago Press, 1965. 391 p.
26. Шнейдерман И.М., Ярашева А.В. Кредитное поведение населения: тенденции и риски // *Вопросы статистики*. 2019. Т. 26. № 3. С. 15–22.
27. Малкина М.Ю., Балакин Р.В. Оценка риска и эффективности налоговых систем российских регионов на разных уровнях бюджетной системы // *Финансы и кредит*. 2016. № 36 (708). С. 2–18.
28. Covelto V.T., Merkhoher M.W. *Risk assessment methods: approaches for assessing health and environmental risks*. Springer Science & Business Media, 1993. 219 p.
29. Уотсон Дж. Б. Психология как наука о поведении. М.: ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1998. 704 с.
30. Скиннер Б.Ф. *Поведение организмов* / Пер. с англ. А.А. Федоров. М.: Оперант, 2016. 368 с.
31. Выготский Л.С. *Мышление и речь* // Выготский Л.С. *Психология развития человека*. М.: Изд-во «Смысл»; «Эксмо», 2005. С. 11–192.
32. Лурия А.Р. *Основы нейропсихологии*. М.: Изд-во Московского университета, 1973. 374 с.
33. Саймон Г., Марш Д. *Административное поведение*: Пер. с англ. М.: Мир, 1974. 374 с.
34. Camerer C.F., Loewenstein G., Rabin M. *Advances in behavioral economics*. Princeton University Press, 2004. 51 p.
35. Канеман Д. *Думай медленно... решай быстро* / Пер. с англ. А. Андреева, Ю. Деглиной, Н. Парфеновой. М.: АСТ, 2019. С. 363–377.

RISK AS A FACTOR OF THE ECONOMIC BEHAVIOR OF PEOPLE IN THE SOCIAL SCIENCES

D.Yu. Rogachev

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The paper studies the evolution of risk theory based on fundamental works of scientists of the XIX–XXI centuries in economics, sociology and psychology. It highlights similarities and differences in approaches to study the concept of «risk» in social sciences. It considers relationship between inclination to risk and personal characteristics by analyzing the results of the author's sociological survey among 1210 students of various undergraduate and graduate courses in the humanities and technical field of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. The survey revealed a significant gender differentiation in risk perception. The performed correlation analysis between inclination to risk and financial literacy allows us to conclude that there is a relationship between the studied characteristics. The obtained coefficients reflect the differences in the behavior of 18.y.o. and younger students and their older counterparts.

Keywords: risk, financial literacy, financial behavior, gender, students, young people.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 378.1

DOI 10.52452/18115942_2021_1_132

ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ ОБУЧАЮЩИХСЯ В УСЛОВИЯХ ОСНОВНОГО ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

© 2021 г.

В.А. Малинин, А.В. Пугачев

Малинин Валерий Анатольевич, к.пед.н.; доцент кафедры университетского менеджмента и инноваций в образовании Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; директор МАОУ «Школа № 187», Н. Новгород
arkon52@yandex.ru

Пугачев Алексей Вадимович, магистрант Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина; преподаватель-организатор ОБЖ МАОУ «Школа № 187», Н. Новгород
a.pugachev@roof.market

Статья поступила в редакцию 24.11.2020

Статья принята к публикации 29.01.2021

Представлены результаты исследования по разработке и внедрению в образовательную практику модели деятельности предпринимательского центра по формированию предпринимательских способностей обучающихся в условиях основного общего образования и созданию учебно-методического комплекса, способствующего успешной реализации модели. Теоретико-методологический анализ показал, что в современной общеобразовательной школе необходимо развивать предпринимательские способности и предпринимательский потенциал обучающихся. Доказано положительное влияние разработанного учебно-методического комплекса по формированию предпринимательских способностей у обучающихся 8–9 классов, включающего в себя различные учебные курсы социально-экономической и предпринимательской направленности. Представлены результаты экспериментального исследования по формированию предпринимательского потенциала у обучающихся 8–9 классов.

Ключевые слова: предпринимательские способности, предпринимательская культура, предпринимательский потенциал обучающихся, модель деятельности предпринимательского центра по формированию предпринимательских способностей обучающихся.

Введение

Современный этап развития социально-экономических отношений показал, что обществу нужны конкурентоспособные, творческие, креативные, умеющие работать с информацией, предпринимательно активные специалисты, с развитыми предпринимательскими способностями.

Поэтому задача современной школы заключается в том, чтобы не только передать определенную сумму знаний по различным предметам, но и сформировать такие качества, которые помогут обучающимся в будущем организовать свою индивидуальную образовательную траекторию, найти свою «нишу» в жизни, уметь работать в команде, стать творчески и предпринимательно активными личностями. Практика показала, что формирование предпринимательских способностей в условиях основного общего образования будет наиболее эффективным, если:

- спроектировано единое образовательное пространство школы по формированию предпринимательских способностей обучающихся на уровне основного общего образования;
- функционирует центр предпринимательства, который является аккумулярующим звеном в данной работе;
- разработан и внедрен учебно-методический комплекс по формированию предпринимательских способностей обучающихся на уровне основного общего образования.

Цель данной статьи – разработка и внедрение в образовательную практику модели деятельности предпринимательского центра по формированию предпринимательских способностей обучающихся в условиях основного общего образования и создание учебно-методического комплекса, способствующего успешной реализации данной модели.

В соответствии с целью и гипотезой были сформулированы задачи: изучить состояние данной проблемы в современной науке и практике; разработать модель деятельности предпринимательского центра по формированию предпринимательских способностей обучающихся в условиях основного общего образования; определить педагогические условия, способствующие эффективному внедрению модели; провести экспериментальное исследование и выявить уровень сформированности предпринимательских способностей у учащихся 8–9 классов.

Теоретико-методологические основы

Понятия «предпринимательство», «предпринимательские способности», «предпринимательская культура», «предпринимательский потенциал», «предпринимательская активность», «социальное предпринимательство», «конкурентоспособность личности» и др. рассматривались в работах В.Н. Банькиной, В.С. Безрукова, Е.А. Климова, В.А. Малинина, Л.И. Митиной, Г.В. Мухаметзяновой, Т.Г. Мухиной, Ф.В. Повшедной, С.Н. Сорокоумовой и др. В данных работах подчеркивается, что проблема развития предпринимательских способностей и предпринимательского потенциала личности в педагогике еще недостаточно исследована. Так, в работах В.А. Малинина сформулировано понятие «предпринимательские способности обучающихся в условиях интеграции школы и вуза», которое рассматривается как личностный ресурс процесса непрерывного развития готовности обучающихся к профессиональной деятельности, направленный на созидание и рефлексии продуктов собственного труда, позволяющий реализовывать социально значимые и экономически выгодные проекты [1].

Для эффективного формирования предпринимательских способностей обучающихся на уровне основного общего образования разработан комплекс организационно-педагогических условий, которые способствуют созданию нового образовательно-воспитательного пространства инновационного характера:

- создание единого образовательного пространства школы по формированию предпринимательских способностей обучающихся на уровне основного общего образования;
- создание единой творческой среды, обеспечивающей каждому обучающемуся возможность самореализации;
- разработка учебно-методического комплекса, включающего в себя программы курсов

социально-экономической и предпринимательской направленности.

В рамках реализации данных организационно-педагогических условий в школе, на уровне основного общего образования функционируют классы с углубленным изучением экономики (8–9 кл.), в учебный план которых включены такие элективные курсы по развитию предпринимательского потенциала обучающихся, как:

- «История экономического развития России»;
- «Основы законодательства в области предпринимательства»;
- «Основы законодательства в области страхования»;
- «Решение олимпиадных задач по экономике»;
- «Деловой английский».

В рамках создания единой творческой среды данные курсы прошли апробацию, опубликованы в собрании авторских программ «Формирование предпринимательских способностей обучающейся молодежи в условиях интеграции школы и вуза» и успешно применяются в учебной деятельности [2]. Открыт Предпринимательский центр совместно с Молодежным бизнес-инкубатором на базе ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Организационными компонентами предпринимательского центра являются следующие структуры: «Школа юного предпринимателя», «Школа лидеров», «Школа социального партнёрства», «Школа юных ораторов», лаборатория проектной деятельности, лаборатория социально-психологической службы.

В исследовании представлена модель деятельности Предпринимательского центра по формированию предпринимательских способностей обучающихся в условиях основного общего образования (рис. 1).

Результаты и обсуждение результатов исследования

Экспериментальная работа по формированию предпринимательских способностей обучающихся на уровне основного общего образования осуществлялась на базе МАОУ «Школа №187». В эксперименте приняли участие ученики 8–9 классов в количестве 60 человек (экспериментальная группа (ЭГ) – 30 учащихся, контрольная группа (КГ) – 30 учащихся). ЭГ составили обучающиеся класса с углубленным изучением экономики, а КГ составили обучающиеся общеобразовательного класса. Эксперимент проводился в три этапа: констатирующий, формирующий, контрольный.

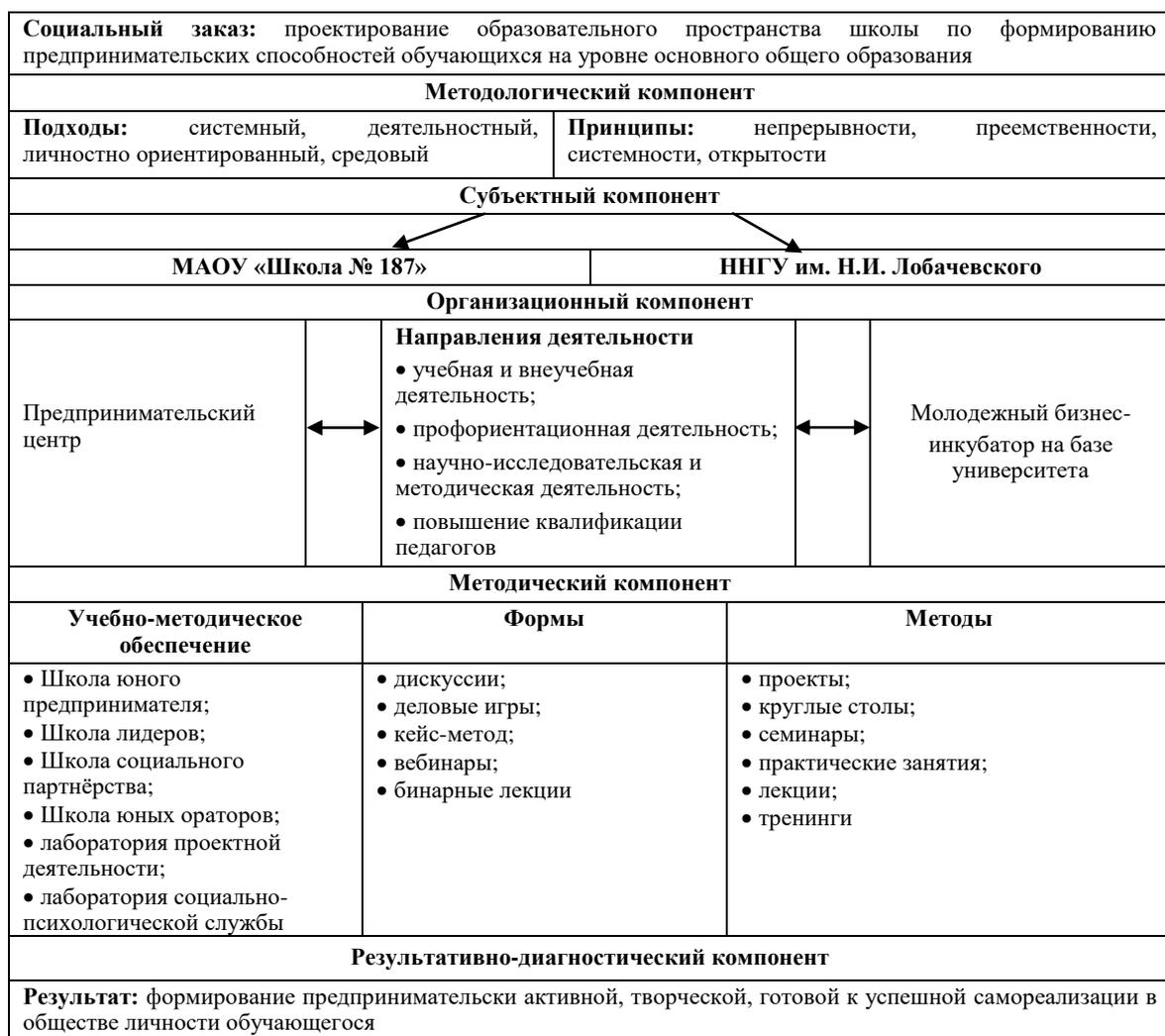

Рис. 1. Модель деятельности Предпринимательского центра по формированию предпринимательских способностей обучающихся в условиях основного общего образования

В процессе организации исследования по формированию предпринимательских способностей у обучающихся был разработан диагностический инструментальный, который позволил выделить виды следующих компетенций:

– предпринимательские способности учащихся (тест «Предпринимательские способности» Т. Матвеевой);

– коммуникативные и организационные склонности (тест «Коммуникативные и организаторские склонности» В.В. Синявского, В.А. Федорошина);

– лидерские качества (тест «Диагностика лидерских способностей» Е. Жарикова, Е. Крушельницкого).

Результаты исследования представлены на рисунках 2–4.

На рисунке 2 представлены результаты оценки уровня предпринимательских способностей в ЭГ и КГ по итогам формирующего этапа эксперимента. Положительная динамика развития предпринимательских способностей в ЭГ

очевидна. Значительной динамики в развитии предпринимательских способностей в КГ не выявлено. Данные результаты свидетельствуют об эффективности деятельности предпринимательского центра по реализации программы «Школа юного предпринимателя».

На рисунке 3 представлены результаты развития коммуникативных склонностей. В ЭГ значительно возрос уровень развития коммуникативных склонностей обучающихся и увеличился уровень организаторских умений. Значительных различий между показателями в КГ до и после проведения формирующей программы не выявлено. Результаты положительной динамики в ЭГ мы связываем со спецификой организации образовательного процесса в классах с углубленным изучением экономики.

На рисунке 4 представлены результаты оценки выраженности лидерских способностей обучающихся ЭГ и КГ по итогам формирующей программы. В ходе формирующего эксперимента произошел статистически достоверный

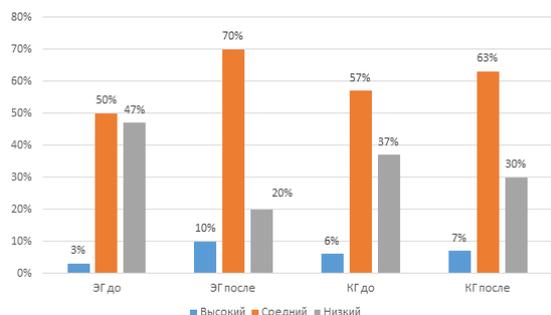

Рис. 2. Динамика результатов оценки уровня предпринимательских способностей в ЭГ и КГ по итогам формирующей программы ($n=60$)

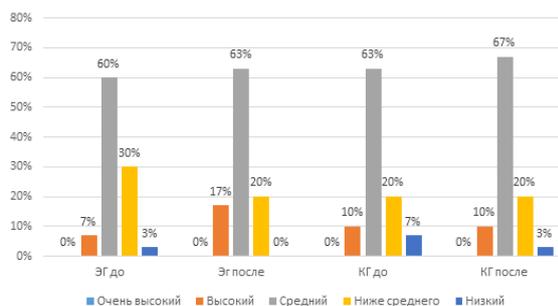

Рис. 3. Динамика развития коммуникативных склонностей обучающихся ЭГ и КГ по итогам формирующей программы ($n=60$)

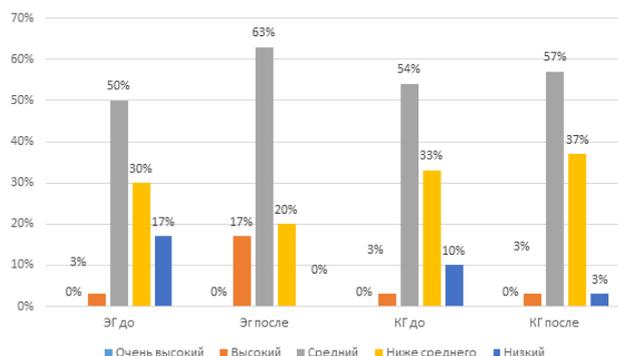

Рис. 4. Динамика развития организаторских склонностей обучающихся ЭГ и КГ по итогам формирующей программы ($n=60$)

сдвиг в уровне выраженности лидерских способностей обучающихся ЭГ. Среди респондентов КГ ярко выраженной динамики не наблюдается. Положительную динамику в ЭГ по формированию лидерских способностей мы связываем в первую очередь с организацией деятельности предпринимательского центра по реализации программы «Школа лидеров».

Достоверность результатов исследования, представленных на рисунках 2–4, проверена методами математической статистики (критерий Пирсона, χ -квадрат).

Выводы

Исследование показало, что создание единого образовательного пространства школы по формированию предпринимательских способностей обучающихся на уровне основного общего образования, деятельность центра предпринимательства, разработка и внедрение учебно-методического комплекса программ курсов социально-экономической и предпринимательской направленности обеспечивают эффективное формирование предпринимательских способностей у учащихся на уровне основного общего образования.

Результаты оценки эффективности внедрения модели деятельности предпринимательского центра позволили сделать вывод о том, что по всем показателям процесса формирования

предпринимательских способностей обучающихся наблюдается положительная динамика.

Список литературы

1. Малинин В.А. Формирование предпринимательских способностей у обучающихся в системе «школа–вуз» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. № 1 (53). С. 125–131.
2. Малинин В.А. Формирование предпринимательских способностей обучающейся молодежи в условиях интеграции школы и вуза: Учебно-методический комплекс. Н. Новгород: Изд-во НГПУ им. К. Минина, 2020. 147 с.
3. Банькина В.Н. Формирование предпринимательской культуры студентов учреждений среднего профессионального образования: Дис. ... канд. пед. наук. Волгоград, 2010. 261 с.
4. Безруков В.С. Словарь нового педагогического мышления. Екатеринбург: СиПИ, 1992. 93 с.
5. Выготский Л.С. Психология развития человека. М.: Смысл; Эксмо, 2005. 136 с.
6. Галкина О.В. Роль и место понятия «организационно-педагогические условия» в терминологическом аппарате педагогической науки: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Самара, 2009. 23 с.
7. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002. С. 316–320.
8. Малинин В.А., Тулупова О.В. Организационно-педагогические условия реализации модели интегративного комплекса «школа–вуз» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 6. Ч. 1. С. 16–21.

9. Орлов В.Б. Предпринимательская культура: ского государственного университета. 2009. Вып. сущность и содержание понятия // Вестник Югор- № 4 (15). С. 13–18.

**FORMATION OF ENTREPRENEURIAL ABILITIES OF YOUNG STUDENTS
IN THE CONTEXT OF INTEGRATION OF SCHOOL AND UNIVERSITY**

V.A. Malinin,^{1,2} A.V. Pugachev,^{2,3}

¹Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

²School № 187 of Nizhny Novgorod

³Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

The main purpose of this article is the results of research on the development and implementation in educational practice of the business center model for the formation of entrepreneurial abilities of students in the conditions of basic General education and the creation of an educational and methodological complex that contributes to the successful implementation of the model. The presented theoretical and methodological analysis of the research problem showed that it is necessary to develop students' entrepreneurial abilities and entrepreneurial potential in modern General education schools. The article presents a model of the activity of the business center for the formation of entrepreneurial abilities of students in the conditions of basic General education, which includes the activities of various laboratories. The positive influence of the developed educational and methodological complex on the formation of entrepreneurial abilities in students studying in 8–9 grades, which includes various training courses of socio-economic and entrepreneurial orientation, is proved. In conclusion, the results of an experimental study on the formation of entrepreneurial potential in students studying in 8–9 grades are presented.

Keywords: entrepreneurial abilities, entrepreneurial culture, entrepreneurial potential of students, model of activity of the business center for the formation of entrepreneurial abilities of students.

УДК 37.01(092)+37.034
DOI 10.52452/18115942_2021_1_137

«... Я ДУМАЛА О ЛУЧШЕЙ ПОСТАНОВКЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ...»: ПИСЬМА В. ВОЛКОВИЧ С. ПЛАТОНОВУ (1903–1909 гг.)

© 2021 г.

В.В. Митрофанов

Митрофанов Виктор Владимирович, д.и.н.; доц.; профессор кафедры теории и истории государства и права Университета при Межпарламентской ассамблее при ЕврАзЭС, Санкт-Петербург
viktor-n1962@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 03.11.2020
Статья принята к публикации 21.01.2021*

Практическое внедрение в учебный процесс таких учебных дисциплин, как педагогика и психология, в начале XX в. в российских высших учебных заведениях происходило очень медленно. Специальных факультетов, где готовили бы специалистов в этих отраслях научных знаний, не было. На примере деятельности В.А. Волкович и её подруги З.К. Столицы (попутно) в Женском педагогическом институте, директором которого был выдающийся организатор системы образования в России С.Ф. Платонов, появилась возможность проследить организацию преподавания педагогики и психологии, ведение практических занятий, создание прообразов будущих педагогических лабораторий (детский сад, гимназия, психолого-педагогический кабинет). Письма В.А. Волкович, адресованные С.Ф. Платонову, позволяют увидеть и основные этапы становления её как ученого и определить роль директора в этом процессе. Понимая необходимость широкого внедрения достижений педагогики и психологии в педагогическом вузе, С.Ф. Платонов оказывал всемерную поддержку начинаниям, инициативам, проектам, предложениям В.А. Волкович и З.К. Столицы, хотя и не всё удалось реализовать.

Ключевые слова: В.А. Волкович, С.Ф. Платонов, педагогика, психология, психолого-педагогический кабинет, Женский педагогический институт, международные конгрессы.

Введение

Организованные и открытые 20 сентября (2 октября) в 1878 г. Высшие (Бестужевские) женские курсы (В(Б)ЖК), учредителем и первым директором которых был выдающийся отечественный историк К.Н. Бестужев-Рюмин, сыграли неоценимую роль в развитии женского образования в России, явились культурно-историческим явлением в системе образования России [1; 2]. Это не только первое высшее женское учебное заведение империи (с учётом Владимирских курсов, просуществовавших несколько лет, и Московских, функционировавших с перерывом в 12 лет), – это, можно сказать, была кузница кадров для потребностей развивавшегося образования.

Уровень преподавания на курсах был университетским. Об этом свидетельствуют учебные планы и преподавательский состав – среди которого были лучшие ученые и педагоги того времени (А.М. Бутлеров, Д.И. Менделеев, Л.А. Орбели, И.М. Сеченов), с 1883 г. там работал и С.Ф. Платонов [3, с. 14–19]. Из стен курсов вышли не только будущие известные участницы революционного движения (имена которых начертаны на памятной доске, установленной на здании Курсов), но и крупные организаторы библиотечного строительства

Е.В. Балобанова и Е.В. Гогель, первая в России начальница учительского института М.А. Постникова-Александрова, видный организатор высшего образования в провинции В.Д. Андреевская-Прозоровская, известный исследователь и жена С.Ф. Платонова Надежда Николаевна – лауреат Ахматовской премии АН (ее дневник объемом более 40 п.л., публикация которого завершается, является заметным событием в мемуарной литературе [4, с. 43–87]). В этом ряду достойное место занимают Вера Акинфиевна Волкович (1873–1962) и Зинаида Константиновна Столица (1873–1956) – видные педагоги и психологи. Заметим, что эти имена часто упоминаются рядом, потому что много лет они не только дружили, но и совместно работали, создавали научные труды. Эти отношения могут представлять определенный эталон сотрудничества и научного творчества.

Список курсисток представлен в известном издании [5]. Имена В.А. Волкович и её близкой подруги З.К. Столицы (окончивших историко-филологическое отделение в 1900 г. – это был XVI выпуск) значатся соответственно под № 1670 и № 1742 [6, с. 73, 75]. О них имеются статьи и в интересном издании, где перечислены известные женщины России [7, с. 170–191].

Изученность проблемы

В очерках, посвященных Женскому педагогическому институту (ЖПИ), Е.Н. Груздева немало строк посвятила и работе В.А. Волкович и З.К. Столицы по становлению там педагогики и психологии как наук, назвала их «дамами». При том в монографии они характеризуются «достойными ученицами и помощниками П.Ф. Каптерева», инициаторами «создания при институте психолого-педагогического кабинета» [8, с. 66–67, 90]. Достоинство исследования заключается в привлечении большого архивного материала, ранее не известного.

В.П. Соломин вслед за Е.Н. Груздевой (правда, он не сослался на её работы, а заимствования очевидны¹), давая оценку работы В.А. Волкович и З.К. Столицы в педагогическом кабинете им. П.Е. Кепшена при ЖПИ, отметил, что она была «большой» [9, с. 6]. Со временем кабинет «превратился в своего рода лабораторию» [9, с. 6]. Под руководством наставниц слушательницы института обсуждали «педагогические статьи», перед ними выступали «профессора из Петербургского университета», была организована переписка «с профессорами Сорбоннского университета» [9, с. 6].

Взгляды В.А. Волкович на философию педагогики вызывают интерес у исследователей, хотя работ немного.

Н.П. Юдина в недавней статье [10, с. 21], давая оценку развитию педагогической методологии, относящейся к началу XX в., нашла единственной работой такого плана только книгу В.А. Волкович [11].

М.И. Макаров обратил внимание на то, что В.А. Волкович уделяла «большое внимание богособразному идеалу» [12, с. 28]. Для неё, по мнению исследователя, «промыслительное начало выступает скрытым, бесконечным стремлением личности к абсолютным ценностям, является источником постоянного творчества, активности личности и стимулирует осуществление задач нравственного самовоспитания» [13, с. 48].

Ю.А. Воронцова, коснувшись педагогического наследия «видного деятеля отечественной педагогики» [14, с. 10], высказала сожаление, что «до настоящего времени сохранились немногие» [14, с. 10] её работы [14, с. 10–12].

Порой в работах встречаются досадные неточности. Например, они допущены авторитетным ученым М.В. Богуславским. В одной из его работ написано: «По мнению В.А. Волковича», «хорошо написал об этом В.А. Волкович» [15, с. 10–11]; в другой: «по выражению В.А. Волковича...», «все это позднее и заложило фун-

дамент философии образования Пирогова, которую В.А. Волкович называл “гуманистическим идеализмом”» [16, с. 22, 23]. Последняя фраза полностью была повторена в другой статье [17, с.103–114]².

Следовательно, психолого-педагогические труды В.А. Волкович, её практическая работа в ЖПИ, директором которого в 1903–1916 гг. был С.Ф. Платонов, продолжает привлекать заинтересованного исследователя. При этом о её профессиональном становлении работ почти нет.

Думается, что последователи представителей синтетически-антропологического течения В.А. Волкович и З.К. Столица заслуживают большего внимания исследователей, как и вовлечение в научный оборот их эпистолярных материалов, которые остаются невыявленными.

Цели настоящей статьи – с привлечением эпистолярных материалов В.А. Волкович, адресованных выдающемуся отечественному историку и организатору системы образования С.Ф. Платонову, проследить процесс становления В.А. Волкович как учёного; определить роль руководителя института, который выступал в роли наставника, активно содействовавшего реализации программ и планов по внедрению предметов «Педагогика» и «Психология» в учебный процесс института.

Напомним, что на страницах данного журнала недавно были опубликованы две работы о видных деятелях образования, которые находились в переписке с С.Ф. Платоновым. Исследования позволили конкретизировать, уточнить сведения, а порой и исправить некоторые неточности и добавили новые штрихи к описанию плодотворной деятельности М.И. Демкова [18, с. 169–174] и В.О. Эйнгорна [19, с. 201–208].

Результаты исследования

Хронологические рамки исследования ограничиваются 1903 г. (первое письмо) – 9 апреля 1909 г. (последнее письмо, в архивной папке). По всей видимости, архивные работники поделили письма примерно пополам, без учёта какой-то системы.

Известно, что после окончания Курсов В.А. Волкович была оставлена при кафедре, стала сотрудничать с журналом «Вопросы философии и психологии», где вела совместно с З.К. Столицей отдел критики и библиографии; активно начала заниматься интеллектуальным трудом и сразу заявила о себе как неординарной личности.

Письма В.А. Волкович, адресованные С.Ф. Платонову, хранятся в его личном фонде (Отдел рукописей Российской Национальной

библиотеки – ОР РНБ). Корреспонденций насчитывается 37 писем и 3 телеграммы, которые датируются 1903–1929 гг. Довольно большой массив писем разделён на 2 дела [20; 21]. В первом – всего 19 корреспонденций, по годам: 1903 г. – 2, 1904 г. – 1, 1905 г. – 2, 1906 г. – 2, 1907 г. – 6, 1908 г. – 5, 1909 г. – 1. Их география – Санкт-Петербург, Берлин, Черниговская и Оренбургские губернии. Во втором – 21, они распределяются по годам: 1909 – 3; 1910 – 1; 1912 – 1; 1914 – 1; 1915 – 1; 1916 – 2; 1917 – 2; 1918 – 1; 1920 – 1; 1926 – 1; 1927 – 3; 1928 – 2; 1929 – 2. Их география – Женева, Гунгербург, Петроград, Кисловодск, Москва.

В приложении к данной статье мы публикуем первую часть писем.

Первое письмо В.А. Волкович датируется 18 января 1903 г. и позволяет заключить, что она уже давно знакома с С.Ф. Платоновым и его женой Надеждой Николаевной. Произошло это на Курсах, кстати, в год выпуска В.А. Волкович С.Ф. Платонов оставил должность руководителя учебной частью по историко-филологическому отделению Курсов [22, с. 20].

С.Ф. Платонов оказывал своим ученицам услуги (возможно, речь идёт об открытии Философских курсов), за что его и благодарили. Заметим, что некоторые письма подписаны их именами, либо в тексте упоминается и З.К. Столица.

В историографии встречаются две точки зрения на время начала работы В.А. Волкович в ЖПИ. Е.Н. Груздева указывает, что «после 1906 года их (и З.К. Столица) научная и преподавательская деятельность много лет была тесно связана с Женским педагогическим институтом» [8, с. 66]. Согласно второй точке зрения, в 1907 г. она по рекомендации А.И. Введенского была принята помощницей преподавателя Женского Педагогического института [23].

Из письма В.А. Волкович от 28 мая 1905 г. из Берлина становится понятным, что у нее до отъезда состоялся серьезный, хотя и «поспешный» разговор с С.Ф. Платоновым. В этот день ей было сделано предложение о месте в институте, причем директор говорил о том, чтобы её «скорее ввести» в институт в качестве преподавательницы педагогики или помощницы начальницы. Обдумав предложение, она излагает своё видение дела и пишет, что «не на всякое место могла-бы я теперь идти, имея в виду лучшую постановку будущего в качестве начальницы Педагогического Института. Место помощницы начальницы при прежней начальнице с её старыми традициями и старой закваской, я не могла бы занять» [20, л. 9]. Примечательно, что В.А. Волкович ставит свои условия: если она будет начальницей института (долж-

ность занимала О.А. Папкина, помощницей её была Е.С. Султан-Шах), то помощницей станет З.К. Столица («т.к. мы с ней вдвоём, работая вполне солидарно, составляем уже значительную силу и инородное, старое влияние в лице одного человека, не составит больших затруднений для проведения в дело идеальных начал Педагогического Института») [20, л. 8 об.–10 об.]. Следовательно, исправляется неточность Е. Богдановой о том, кто пригласил В.А. Волкович в ЖПИ.

А письмо от 27 октября 1906 г. позволяет исправить неточность о начале работы её в ЖПИ – это сентябрь, 1906–1907 учебный год. Да и сама В.А. Волкович указывала много лет спустя: «С 1906 г. приглашена в Педа[огический] Ин[ститу]т» [21 л. 28 об.].

Она начала вести практические занятия. «Думаю, что полезнее для моего здоровья было бы вполне отказаться от участия в работах Педагогического Института» [20, л. 39–40], – писала она директору института. Как свидетельствует следующее письмо от 1 декабря, уход не состоялся, а появились новые планы о поездке в Ясно-Полянскую школу с «научной целью». На практических занятиях «школа изучена по соч[инениям] гр. Л. Толстого, постановка и принципы этой школы подвергнуты педагогической критике и оценке; думается хорошо было бы теперь слушательницам убедиться, путём опытного изучения, в слабостях и положительных сторонах этой школы» [20, л. 13 об. – 14], – так аргументируется необходимость поездки. Е.Н. Груздева обратила внимание на этот факт, дополнив его следующим замечанием: «к сожалению, сведений о том, состоялась такая поездка или нет, нам найти не удалось» [8, с. 90]. Вероятно, поездка не состоялась, так как её В.А. Волкович хотела организовать перед Рождеством, или «непосредственно после Рождества», а в январе она сильно заболела, пробыв в постельном режиме около месяца.

Находясь дома, В.А. Волкович много думает о «лучшей постановке педагогического образования в Педа[огическом]Ин[ститу]те» [20, л. 17], её волнует важная научная проблема «изучения практически природы ч[елове]ка в дошкольный и школьный возраст» [20, л. 17]. И вроде бы и помощь нашлась сама собой. Она встречается с В.Т. Зиминым [24, с. 599], богатым человеком, который жертвовал большие деньги (52 тыс. руб.) на развитие образования, увлекаясь педологическими теориями. Однако ЖПИ как возможную площадку для «интерната изучения человека, как предмета воспитания» [20, л. 17] в Ведомстве учреждений императрицы Марии (ВУИМ, Ведомство), которому подчи-

нялся ЖПИ, предложение отвергли. Следует заметить, что названный интернат был создан и развился в целое учреждение – Психологический институт – и вошел в состав известного Петербургского психо-неврологического института [24, с. 109–115].

В письме С.Ф. Платонову от 2 февраля 1907 г., после встречи с меценатом, она предложила свое видение совершенствования «научно-практических работ по педагогике» [20, л. 17 об.] в ЖПИ. Для этого, по её мнению, необходимо было «иметь: 1) хорошо обставленную специально педагогическую библиотеку (включительно с русск[ими] соврем[енными] педагогическими журналами); 2) педагогический музей; 3) педагогические кабинеты (по аналогии с физическими etc.³). Эти кабинеты – Детский интернат, Детский сад, Гимназия – сыграли бы роль лабораторий» [20, л. 18]. Объем письма позволил довольно подробно изложить проект, который дал бы возможность изучать детей непрерывно в разные возрастные периоды, и позволяет увидеть в авторе состоявшегося ученого. Для реализации цели предлагались как теоретические занятия, так и практические, которым отводилось гораздо больше времени. Планировалось следующее: «а) сбор наблюдений над физическим и духовным развитием малолетних в Детском интернате...; в) собранный материал путём собеседований и изучения существующей литературы по данному педагогическому вопросу в аудитории теоретизируется...; с) проверяются наблюдениями в Детском саду» [20, л. 21]. Собранный материал оформляться должен в «Отчеты», издаваться в своем, организованном силами слушательниц и под руководством наставников, журнале. Содержание письма позволяет говорить о том, что эти мысли возникли «под свежим впечатлением нахлынувших мыслей» [20, л. 24], в том числе и на анализе иностранного опыта. Следует заметить, что В.А. Волкович была не в восторге от его состояния. Для обоснования этой мысли сошлёмся на её мнение. В 1905 г. она писала: «часто убеждаются в большой отсталости немцев сравнительно с русскими во многих других отношениях» [20, л. 11], в 1907 г.: «за границей таких учреждений ещё нет» [19, л. 10 об.–11 об., 22].

Несколько раз В.А. Волкович и З.К. Столица были за границей с образовательными и научными целями, принимали участие в четырех Международных конгрессах. Об этом порой только упоминают в исследованиях, письма же позволяют внести важные дополнения.

В мае 1905 г. она писала из Берлина, что они приняты там в университете: «слушаем лекции

по своей специальности, участвуем в практических работах, читаем в Королевской библиотеке» [20, л. 11]. Рассчитывали подруги пробыть там не менее месяца и поехать в «Гейдельбергский Университет» [20, л. 11–11 об.].

В 1908 г. в августе месяце собирались с З.К. Столицей в «Гейдельберг на всемирный философский Конгресс и может быть в Лондон на всемирный педагогический Конгресс»⁴. Поэтому просили С.Ф. Платонова (письмо датируется 9 июля) выдать им свидетельства из ЖПИ, что они преподавательницы «философских предметов». Выражалось желание получить и «свидетельство о командировке с научной целью с указанием специальности, и бесплатный паспорт» [19, л. 32–34 об.]. А уже 19 числа благодарили С.Ф. Платонова за удостоверения, а вот в командировке было отказано. По всей видимости, этот вопрос так скоро не решался, необходимо было обращаться к Почетному попечителю великому князю Константину Константиновичу, получить от него разрешение. Поэтому процедура требовала времени.

В 1909 г. подруги побывали на Женевском международном конгрессе, по итогам которого был составлен отчет для представления в Ведомство императрицы Марии и на имя его Главноуправляющего. Командировка была обещана князем Голицыным, но возникли трудности по финансированию, поэтому В.А. Волкович и З.К. Столица обратились за помощью к С.Ф. Платонову, который был свидетелем того разговора [20, л. 41–44]. Он же направлял и докладную записку в Ведомство. Во время конгресса российские участницы (был еще профессор Г.И. Челпанов) пришли к выводу, что «постановка психолого-педагогического образования на Западе, вопреки уверениям Ал.Ив. Введенского (русский философ-идеалист и психолог, крупнейший представитель русского неокантианства. – В.М.), твердо и ясно установлена научными авторитетами» [21, л. 6].

Многолетняя переписка позволяет охарактеризовать отношения С.Ф. Платонова к подругам. В них он видел ученых, которые сумели при его поддержке, там, где это было в его компетенции (Ведомство не поддержало инициативу В.Т. Зимина), совершенствовать образовательный процесс в части психолого-педагогического направления. Но директор не только прислушивался к мнению В.А. Волкович по вопросам постановки психолого-педагогических занятий, но и оказывал всестороннюю помощь. Была поддержана инициатива по созданию упомянутого кабинета, психолого-педагогического кружка и поощрялась практическая разносторонняя работа в них.

Заботливость и внимание С.Ф. Платонова проходит через всю многолетнюю переписку. Во время болезни В.А. Волкович в январе 1907 г. её навещил С.Ф. Платонов, при этом больная в это время спала и её он не разрешил будить. Часто в письмах она «жмёт руку» Сергею Фёдоровичу – особый стиль их оканчивать.

О роли С.Ф. Платонова в становлении В.А. Волкович как крупного ученого не упоминалось. Но это бесспорный факт. Об этом свидетельствует и сама В.А. Волкович в публикуемых письмах.

Активная научная деятельность В.А. Волкович дополнялась временем отдыха. В летние месяцы они вместе с З.К. Столицей путешествовали по России, посещая своих родственников, например, в 1907 и 1908 гг. побывали в Чернигове (родном городе С.Ф. Платонова, куда он собирался на Всероссийский археологический съезд [26, с. 123–129]. Встреча их состоялась, о чем свидетельствует строчка из письма от 31 августа: «так много удовольствия доставила нам встреча с Вами и Вашими милыми барышнями» [20, л. 37–37 об.]), в 1907 г. в Оренбургской губернии в известном имении Шотт. Садово-парковый комплекс, сохранившийся до нашего времени, был предметом диссертационного исследования по ботанике [27]. В. Волкович представляет описание путешествия по Волге, 150 вёрст на лошадях, поэтому было время рассмотреть ландшафты и фауну, посевы хлебов, заливные луга и иные природные явления, например, миражи и другие достопримечательности.

Заключение

Думается, что размышления к публикации писем видного деятеля образования России, каким бесспорно является В.А. Волкович, позволят существенно дополнить её малоизвестную научную биографию. Это первая в России женщина, достижения и опыт которой в области педагогики и психологии были признаны на европейском уровне. Крупный отечественный педагог, стоявший у истоков внедрения педагогики и психологии в систему подготовки педагогических кадров, сформулировавший положения о философии школы как «педагогическом мировоззрении», создавший свою теорию воспитания, прививший не одному десятку слушательниц любовь к своей профессии, она многого сумела добиться в союзе с З.К. Столицей, благодаря всемерной поддержке С.Ф. Платонова. Дальнейший этап профессионального совершенствования, окончания работы в ЖПИ и жизнь во время революционных потрясений и после будут представлены во второй части нашего исследования с публикацией писем за 1909–1929 гг.

Примечания

1. Например, два больших абзаца о трёх направлениях кружка [7, с. 92] и абзац о выставках [8, с. 93]. Если Е.Н. Груздева ссылалась на архивные материалы, то её последователь без какой-либо отсылки [9, с. 6–7].
2. При этом во всех случаях автор ссылается на работу В.А. Волкович [28, с. 69].
3. И так далее (англ.).
4. Речь идёт о Первом интернациональном конгрессе по моральной педагогике.

Список литературы

1. Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы (1878–1918 гг.). Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1965. 288 с.
2. Федосова Э.П. Бестужевские курсы – первый женский университет в России (1878–1918 гг.) / Под ред. Э.Д. Днепров. М.: Педагогика, 1980. 150 с.
3. Митрофанов В.В. С.Ф. Платонов на Высших женских (Бестужевских) курсах // История Петербурга. 2008. № 6 (46). С. 14–19.
4. Ростовцев Е.А. Обзор дневника Н.Н. Платоновой (Шамониной) // Памяти академика С.Ф. Платонова: исследования и материалы / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко, С.О. Шмидт. СПб.: Любавич, 2011. С. 43–87.
5. Список окончивших курс на С-Петербургских высших женских курсах. 1910–1911 и 1911–1912 учеб. гг. СПб.: Издание Общества вспоможения окончивших курс наук на СПб Высших Женских Курсах, 1913. 47 с.
6. Список окончивших курс на С.-Петербургских высших женских курсах 1882–1889 гг. 1893–1911 гг. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1911–1913. 196 с.
7. Ванчугов В. Женщины в философии. Из истории философии в России конца XIX – нач. XX вв. М.: РИЦ ПИЛИГРИМ, 1996. 304 с.
8. Груздева Е.Н. Академическое интермеццо: Очерки истории Санкт-Петербургского Женского педагогического института. СПб.: КЭРИ, 2009. 192 с.
9. Соломин В.П. Интеграция психологии и педагогики как традиция психолого-педагогической школы университета (к 215-летию РГПУ им. А.И. Герцена) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2011. Вып. 142. С. 5–14.
10. Юдина Н.П. История педагогики и её методология: шаги становления // Психолого-педагогический поиск. 2010. № 16. С. 19–29.
11. Волкович В.А. Педагогика – наука перед судом ее противников. М.: Изд. Т-ва М.О. Вольф, 1909. 47 с.
12. Макаров М.И. Провиденциальная идея воспитания личности в отеч. педагогике втор. пол. XIX в. – перв. пол. XX в. // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2012. Вып. 2. С. 27–31.
13. Волкович В.А. Религиозное начало в нравственном воспитании. Петроград, 1915. 157 с.
14. Воронцова Ю.А. Ключевые педагогические понятия в наследии В.А. Волкович // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 28. С. 10–12. URL: <http://e-koncept.ru/2016/56455.htm> (дата обращения: 25.12.2020).

15. Богуславский М.В. Время Н.И. Пирогова: к 200-летию со дня рождения // Психолого-педагогический поиск. 2010. № 4 (16). С. 6–18.

16. Богуславский М.В. Н.И. Пирогов: педагогические идеалы и жизненные реалии // Проблемы современного образования. 2010. № 6. С. 21–33.

17. Богуславский М.В. Педагогические идеалы Н.И. Пирогова // Педагогика. 2010. № 9. С. 103–114.

18. Митрофанов В.В. Малоизвестные страницы административной деятельности и коммуникативных связей М.И. Демкова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2019. № 3 (55). С. 169–174.

19. Митрофанов В.В. Учительская, краеведческая и архивная деятельность историка В.О. Эйнгорна // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2019. № 4 (56). С. 201–208.

20. ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2551.

21. ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2552.

22. С–Петербургские высшие женские курсы в 1899–1900 учебном году // Журнал Министерства Народного просвещения. 1901. № 2. С. 20.

23. Богданова Е. Волкович Вера Акинфиевна [Электронный ресурс] // Литераторы Санкт-Петербурга, XX век: энциклопедический словарь / Гл. ред. и сост. О.В. Богданова. 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://lavkarisateley.spb.ru/enciklopediya/v/volkovich-> (дата обращения: 02.10.2020).

24. Гаврилова Н.И. Зимины // Историческая энциклопедия Сибири в 3-х т. / Институт истории СО РАН. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009. Т. 1. С. 599.

25. Харитонов Е.М., Толопило А.Г. К истории создания первого в Сибири бактериологического института (к 100-летию со дня основания Бактериологического института им. Ивана и Зинаиды Чуриных) // Бюллетень сибирской медицины. 2003. № 2. С. 109–115.

26. Митрофанов В.В. С.Ф. Платонов на Археологических съездах // Российская археология. 2008. № 1. С. 123–129.

27. Янсиярова Г.Ф. Современная флора и растительность усадебных садово-парковых комплексов Оренбургской губернии: на примере старинных усадеб Звенигородского, Тимашевых, Шотт: Автореф. дис. ... к.б.н. Оренбург, 2013. 22 с.

28. Волкович В.А. Друг человечества. Н.И. Пирогов. СПб.: Изд-во О. Богдановой, 1910. 160 с.

Приложение

№ 1

Глубокоуважаемый Сергей Фёдорович!

Сердечно благодарю Вас за Ваше извещение и тёплое отношение.

Нам остается терпеливо ждать окончательной санкции. От души желаем Вам всего хорошего. Прошу передать наш сердечный привет многоуважаемой Надежде Николаевне.

Преданная Вам В. Волкович. 18/1–1903 г.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2551. Л. 1–2.

№ 2

20 февраля 1903 г.

Глубокоуважаемый Сергей Фёдорович!

От души благодарим Вас обе за сообщенное радостное известие и за соучастие, к[ото]рое Вы всё время нам оказываете. Позвольте крепко пожать Вашу руку.

Искренне преданные Вам В. Волкович и З. Столица.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2551. Л. 3–4

№ 3

Глубокоуважаемый Сергей Фёдорович,

Податель сего письма Иван Георгиевич Бедюх, брат тех, к[ото]рые были Вашими ученицами¹ на Высших Курсах².

Он тщетно хлопочет уже 2 года /окончил реальное училище/ о поступлении в специальную учеб[ные] завед[ения] и не может никуда попасть. Подробности о себе он сам Вам расскажет. Я просила директора³ Лесного института за него, но последний сказал, что теперь может сверх комплекта принимать только Министр Ермолов⁴, а еще лучше, прибавил он, если бы Ермолова попросил кто-нибудь из великих князей, т[ог]да можно быть уверенным, что Министр примет.

Вот почему я и решила, пользуясь Вашим добрым отношением, попросить сделать это: не может ли Великий князь Конст[антин] Конст[антинович]⁵ по Вашей просьбе написать письмо Ермолову о Бедюх. Время проходит, а несчастный юноша в отчаянии и с разбитой жизнью. Семью эту я хорошо знаю и знаю какое у них переживается сейчас горе. Единственный сын он у них и не имеет возможности получить реальное образование, даже устроиться как следует.

Простите за беспокойство, но так хочется и так необходимо помочь.

Искренне преданная Вам Вера Волкович.

26 октября [1]904 г.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2551. Л. 5–6 об.

№ 4

25/ IV [1]905 г.

Глубокоуважаемый Сергей Фёдорович,

Ваше письмо я получила в день своего приезда 24-го апреля, поэтому, к сожалению, 23-го на заседании быть не могла.

Ещё раз примите сердечные пожелания к Светлому празднику. Мой привет Надежде Николаевне.

Искренно уважающая Вас и преданная Вам В. Волкович.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2551. Л. 7.

№ 5

28/ V [1]905 г.

Добрейший Сергей Фёдорович, последний раз в поспешном разговоре с Вами мне не удалось высказать всех своих соображений относительно будущих наших с Вами планов. Когда я Вам задала вопрос: на какое же собственно место Вы хотите меня назначить в Педагогический Институт? Вы ответили мне: на первое свободное: будет ли это преподавательница педагогики через год или помощница начальницы –

это всё равно, я хочу Вас скорее ввести в Педагогический Институт. Вот об этом я и хотела бы сейчас поговорить с Вами. В интересах самого дела и будущего его развития я также, как и Павел Егорович Кеппен⁶, нахожу, надо уметь жертвовать настоящим – вот почему не на всякое место могла бы я теперь идти, имея в виду лучшую постановку будущего в качестве начальницы Педагогического Института. Место помощницы начальницы⁷ при прежней начальнице⁸ с её старыми традициями и старой заправкой я не могла бы занять.

Быть помощницей начальницы, значит подчиняться её режиму и содействовать ему, что при несоответствии взглядов крайне тяжело – это раз, а для будущей новой, мною уже создаваемой работы, когда я стану на её место, будет плохим содействующим фактором – это два.

Так, что я считаю для себя, если Вы, глубокоуважаемый Сергей Фёдорович, хотите меня назначить начальницей Вашего Института немислимым, а становиться в помощницы начальницы при существующей по крайней мере начальницы. Вы согласитесь со мной. Что-то преподавательницы педагогики я с удовольствием приму это предложение во всякое данное время, т.к. на другом месте я имею дело только с Вами, Сергей Фёдорович, и для будущих моих обязанностей приобретаю лишь чистый плюс.

Затем второе мое желание такое: мне бы хотелось сразу, становясь начальницей Вашего Института, иметь помощницей своей З.К. Столица, т.к. мы с ней вдвоём, работая вполне солидарно, составляем уже значительную силу и инородное, старое влияние в лице одного человека, не составит больших затруднений для проведения в дело идеальных начал Педагогического Института.

Я пользуюсь Вашим разрешением, добрейший Сергей Фёдорович, высказать свои взгляды на ожидающую меня деятельность заблаговременно, как будто не сегодня, завтра мне предстоит принять участие в Вашей сложной, но плодотворной работе.

В Берлине я с З.К. Столица без всяких затруднений приняты в Университет, слушаем лекции по своей специальности, участвуем в практических работах, читаем в Королевской библиотеке. Библиотека в Берлине – богатый источник мудрости, главное порядку много в нахождении нужных книг. Наряду с этим приходящие часто убеждаются в большой отсталости немцев сравнительно с русскими во многих других отношениях. Неблагодарные русские бранят свое, не ценя многое хорошее в нашей русской жизни. Я думаю недовольным не достаёт материала для сравнений. Пробудем здесь не менее месяца, а затем поедем в Гельдейбергский Университет.

Сердечно жму Вашу руку за всю Вашу доброту. Наш привет Надежде Николаевне.

Будьте здоровы, от души желаю Вам всего самого светлого в жизни.

Искренне преданная Вам Вера Волкович.

От брата не получала ещё известий – удалось ли ему его плавание.

Мой адрес: Berlin. Marienstr. 24-A Hochparterre Bei Donert für Fr. Wera Wolkowitsch⁹.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2551. Л. 8–11 об.

№ 6

1/ XII [1]906 г. СПбург.

Глубокоуважаемый Сергей Фёдорович,

Обращаюсь к Вам со следующей просьбой: не найдёте ли Вы возможным устроить поездку с научной целью в Ясно-Полянскую школу гр. Л. Толстого для слушательниц IV-го курса для более близкого ознакомления их с постановкой педагогического дела в данной школе?

Мне думается, что эту школу следовало бы посетить в то время, когда занятия там в полном ходу, чтобы таким образом дать возможность слушательницам присутствовать на уроках. В виду этого поездка могла бы состояться или пред Рождеством, или непосредственно после Рождества, с расчётом попасть туда к началу очередных занятий.

На практических занятиях по педагогике Ясно-Полянская школа изучена по соч[инениям] гр. Л. Толстого, постановка и принципы этой школы подвергнуты педагогической критике и оценке; думается, хорошо было бы теперь слушательницам убедиться путём опытного изучения в слабостях и положительных сторонах этой школы.

Искренне уважающая Вас и глубоко преданная Вера Волкович.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2551. Л. 13–14.

№ 7

17/ I [1]907 г.

Глубокоуважаемый Сергей Фёдорович,

Жестоко простудилась, схватила воспаление легких, пишу Вам, лёжа в постели. При нормальном течении болезни недели на 2 должна прервать свои занятия. Занятия у меня так хорошо везде наладились; после Рождества я была полна здоровья и энергии и вдруг такая неприятная, заразная болезнь.

Я в ужасном горе.

Мой привет Надежде Николаевне.

Жму крепко Вашу руку. Глубоко преданная Вам Вера Волкович.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2551. Л. 15.

№ 8

17/ I [1]907 г.

Глубокоуважаемый Сергей Фёдорович,

Как жаль, что я спала в то время, когда Вы были. До сих пор с постели не встаю: рассасывание идёт медленно, но я всё-таки надеюсь дня через два встать. По временам температура подымается, но в общем идёт на улучшение. Вы не можете себе представить, как я сетую на свою болезнь! Полна была энергии и жажды работать, а болезнь подкралась совсем неожиданно. По выздоровл[ении] все силы напрягу, чтобы нагнать потерянное. Мой сердечный привет всем Вашим, а Вашу руку крепко жму. Искренно всей душой преданная Вера Волкович.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2551. Л. 16.

№ 9

2/ II [1]907 г. СПбург.

Глубокоуважаемый Сергей Фёдорович,

К[а]к грустно мне, что я больна и не могу лично обо всём с Вами переговорить: выслушать Вас и высказать свои соображения.

Валериана Тимофеевича Зимина¹⁰ я принимала и проект его выслушала.

Всё это время я думала о лучшей постановке педагогического образования в Педаг[огическом] Ин[ститу]те и вопрос об учреждении клиник (если можно так выразиться) для здоровья детей, с целью изучения практически природы ч[елове]ка в дошкольный и школьный возраст, не оставляет меня. Я понимала, что для правильно поставленных научно-практических работ по педагогике необходимо иметь: 1) хорошо обставленную специально педагогическую библиотеку (включительно с русск[ими] соврем[енными] педаг[огическими] журналами); 2) педагогический музей; 3) педагогические кабинеты (по аналогии с физическими етс.¹¹). Эти кабинеты – Детский интернат, Детский сад, Гимназия – сыграли бы роль лабораторий, в к[ото]рых будет вестись научная работа: собирания научного материала путём наблюдений над самими детьми. В этих же кабинетах (целых учреждениях) слушательницы старших курсов могут проверять опытом свои теоретические построения. Т[аким] обр[азом], дедукция, к[ото]рая берёт перевес в наших практических занятиях по педагогике до сих пор, будет дополнена индуктивным методом, т.е. всё преподавание педагогики может быть поставлено значительно лучше, чем теперь; уже хотя бы потому, что оно будет более жизненным. Только при этом условии школа и семья, наука и жизнь / а в педагогике это более необходимо, чем где-либо/ будут связаны органически.

У нас в Ин[ститу]те есть детский сад, есть Гимназия. Как хорошо было бы присоединить ко всему этому воспитательное учреждение для малолетних! Создавая его, мы образуем т[аким] обр[азом] 3 кабинета для наблюдений, начиная с малолетнего возраста и кончая пред-Университетским-Гимназией.

Правда, до сих пор слушательницы не занимались Детским садом и Гимназией с целью изучения научным образом природы ребёнка и ч[елове]ка, но я думала непременно с Вами об этом поговорить и, заручившись Вашим согласием, устроить правильные наблюдения слушат[ель]ницами ч[елове]ка в этих 2-х стадиях его развития. Не доставало ещё третьего учреждения для изучения малолетних.

Как этого всего недоставало для слушательниц – я чувствовала на каждом шагу в своей работе.

При таком способе разработки педаг[огических] тем, к[огда] сами слушательницы могут явиться творцами научных изысканий, они иначе совсем отнесутся к своей работе, видя продуктивность её на деле.

Если бы вопрос об открытии Детского интерната, хотя бы решенный пока принципиально, мог быть выяснен к чествованию Пирогова! Можно было бы создать проспект будущей работы для слушат[ель]ниц.

Полезно было бы им иметь предварительный ясно сознанный план работы в целом.

Мне рисуется такой этот план в таком роде:

I Теоретический курс в виде общей схемы, постановка педаг[огических]¹² вопросов для самостоят[ельных] исследований и указание способов их разработки в 3-х поименованных учреждениях (Детский интернат, Детский сад и Гимназия).

NB. И воскр[есная] школа может дать материал для наблюдений, но для¹ изучения некот[орых] лишь^{1 13} обще-педаг[огических] вопросов.

II Практические самостоятельные работы в Детском интернате, Детском саду и Гимназии.

Практ[ическая] клиническая работа совершается так:

а) собирают наблюдения над физ[ическим] и дух[овным] развитием малолетних в Детск[ом] интернате, при чём наблюдения совершаются несколькими слушательницами /кураторы/,

затем в) собранный материал путём собеседований и изучения существующей литературы по данному пед[агогическому] вопросу в аудитории теоретизируется.

Добытый материал может дать возможность сделать аргю-ные построения для детей Детского сада, эти построения сейчас же

с) проверяются наблюдениями в Детском саду¹⁴.

Кроме того, собирается самостоятельно материал из наблюдений над детьми Детского сада и затем опять собранный материал с наличной литературой по изучаемому педаг[огическому] вопросу обсуждается в аудитории и в результате вырабатываются (индуктивно-дедуктивным путём) педаг[огические] принципы.

И в Детском саду наблюдающими не м[ожет] б[ыть] одно лицо, не менее 2-х д[олжно] б[ыть] /кураторы/.

д) тот же принцип наблюдений и работ проводится и в Гимназии, при чём круг педагог[ических] вопросов разрастается и в ширь, и в глубь.

Всякая, конечно, прак[ическая] работа проверяется выработанными планами и круг[ом] вопросов для исследований, которые д[олжны] б[ыть] заранее намечены.

Весь разрабатываемый педаг[огический] материал может в виде отчётов, лучших самост[оятельных] работ, характерных случаев из практики, утопий и идеалов ест помещаться на страницах педаг[огического] органа – журнала, издаваемого учащимися при участии и содействии учащихся. Сюда же могли бы войти рецензии совр[еменных] педагог[ических] журналов, делаемых самими слуш[атель]ницами. Создавая такой орган, можно было бы организовать всех слуш[ательниц] на одной научной работе и лучше подготовить к практической работе. Соединяя наличный состав слуш[ательниц], педаг[огический] орган образовал бы органич[ескую] связь между¹⁵ учащимися и окончившими и вместе с тем создал бы научную традицию, научный дух в самом учреждении.

Рада, что случай позволил мне высказать дорожную для меня мысль. Расширяя практическое изучение ч[елове]ка, мы лучших педагогов выпустим из нашего и[нститута]та. Мне кажется таким путём мы: 1) накопим научно ценный материал из наблюдений, 2) создадим детскую педаг[огическую] литературу, к[ото]рой у нас почти нет; 3) создадим лабораторную сокровищницу для общества и хочется сказать и мира, п[отому] ч[то] за границей таких учреждений ещё нет. Я глубоко сочувствую идее такой постановки преподавания педагогики в Ж[енском] Пед[агогическом] Ин[ститу]те и с готовностью отдаю свои силы. В.Т. Зимин говорил о жертвованных им 52 тыс. для этого учреждения, а затем после

смерти и больше, а если здесь не примут, не создадут, то он хочет, он думает уехать за границу и там устроить.

Неужели и в этот раз русские деньги не останутся для русских на русской почве: меня это испугало.

Мне показалось, что I и II курсы могли бы знакомиться с психологией, общей педагогикой, педагогической литературой, а 3-й и IV курсы должны уже быть вовлечены в научно-клиническую практическую работу с самостоятельными докладами по педагогическим вопросам. Собственно, я и имела в виду это 2 последние курса, когда говорила о новой организации научных кабинетов при кафедре педагогики.

При свидании поговорю с Вами и о проведении педагогики в I классе Гимназии.

Хотелось бы выслушать обо всём Ваше мнение, глубокоуважаемый Сергей Фёдорович. Буду с нетерпением ждать ответа.

2-й день как встала с постели, недели через 1 ½ начну работать в Институте. Соскучилась. Пишу Вам под свежим впечатлением нахлынувших мыслей. Не знаю, ясно ли я выразила их?

Сердечно благодарю за присланные деньги из Института.

Крепко жму Вашу руку, простите, что утомила Вас данным письмом.

Глубоко преданная Вам Вера Волкович.

Мой сердечный привет Надежде Николаевне.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2551. Л. 17–24.

№ 10

5/ II-[1]907 г. СПбург.

Глубокоуважаемый Сергей Фёдорович,

По предписанию врача должна выехать на неделю из Петербурга, вот почему занятия свои начну со среды будущей недели. Надеюсь, Вы не посетуете на меня. Все силы употреблю на то, чтобы возместить пропущенное продуктивной работой.

Надеюсь на санаторию, что она меня окончательно сделает здоровой.

Мой адрес такой: Ст. Райвола. Финляндской железной дороги. Пансион Керстене. Мне.

Крепко жму Вашу руку. Глубоко преданная Вам Вера Волкович.

Здесь. Его Превосходительству Сергею Фёдоровичу Платонову.

Директору Женского Педагогического Института. Малая Посадская. Петербургская сторона

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2551. Л. 25–25 об.

№ 11

12/ IV-[1]908.

Христос Воскресе, Глубокоуважаемый и дорогой учитель!

Дай Бог много здоровья для продолжения блестящей и светлой деятельности!

Горячо признательные учителю и человеку душой преданные ученицы Вера Волкович и Зинаида Столица.

Сердечный привет и поздравление всей семье!

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2551. Л. 26.

№ 12

18/ IV [1]907 г.

Г. Чернигов За Красным Мостом дом Тризна Глубокоуважаемый Сергей Фёдорович,

Простите, что беспокою Вас. Не зная адреса Лидии Ивановны Щукиной, очень прошу Вас передать эту программу по педагогике I-му классу Константинской Гимназии для их пользования к экзамену. Шлём обе с Зинаидой Константиновной из Малороссии всем Вам привет и лучшие пожелания к празднику. Душой Вам преданная Вера Волкович.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2551. Л. 27.

№ 13

Мой адрес: Ермолаевка. Оренбургская губ. Имение Шотт. Мне.

Ермолаевка. 4/ VII [1]907 г.

Глубокоуважаемый Сергей Фёдорович,

Шлю сердечный привет Вам и всей Вашей семье из прекрасного далёка, чудного богатого оазиса среди оренбургских степей. К моему привету присоединяется и Зинаида Константиновна, с которой мы здесь у моих родственников¹⁶. От Рыбинска заезжали к Соболевым, осматривали все, Вам так хорошо известные окрестности, купались в Волге, катались по ней, видели даже обновлённую священником Вашу лодку «Миша». Там очень красиво.

Постоянно вспоминали с Соболевыми Вас и Вашу семью. От Соболевых поехали до Самары по Волге. Осматривали все города.

Мне очень понравился Ярославль. Вот интересно было бы прокатиться по Волге с Институтом!

В Самаре невозможная грязь и пыль, особенно в палящий зной, который все время нас преследовал в нашем путешествии. От Оренбурга, выехав в 2 ч дня, мы с З.К. вдвоём доехали в имение, совершив по степям 150 в. Ехали до 12 ч. ночи. Пережили миражи, теряли чувство движения вперёд, т.к. над Вами тёмно-синий, усеянный звёздами купол, а Вы внутри ядра равномерно отделены от линии горизонта и однообразное движение экипажа начинаешь при этих условиях переживать как круговое вращение. Никогда не думала я, чтобы, проехав 150 в. по голой киргизской степи, можно было бы доехать. Наконец, до такой богатой лесом, горами, разного рода хлебами и заливными лугами, насыщенными ароматом цветов, местности, как Куюрза или Ермолаевка, где я и нахожусь. Пью кумыс, наслаждаюсь дивной ездой на русских тройках, запряженных киргизскими лошадьми. Много приходится видеть инородцев. Мне очень нравятся татары, замечательно добродушный народ. Пора кончать, я уже очень заболталась. Где Вы теперь и как съездили за границу? Где были?

Искренно душой Вам преданная Вера Волкович.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2551. Л. 28–29 об.

№ 14

17/X – [1]906 г.

Петербург

Глубокоуважаемый Сергей Фёдорович,

Сердечно и искренне благодарю Вас за Ваше письмо и глубоко человеческое отношение.

Думаю, что полезнее для моего здоровья было бы вполне отказаться от участия в работах Педагогического Института, но мне было бы очень грустно, если бы слушательницы, проникнутые желанием работать, по моей вине лишены были бы этой возможности.

Мне кажется, я могла бы руководить ими в том случае, если бы они сами проявили энергию в организации этих занятий, т.е. если бы они представили мне список участвующих с указанием взятых тем и те сроки, в которые каждая из них могла бы приготовить свою работу.

При начатом ведении практических занятий я убедилась в полной их несоорганизованности, а чтоб самой добиться организации и заставить их работать, надо много положить энергии и чисто физических сил, которыми сейчас, к сожалению, я не владею. Если бы физически я чувствовала себя иначе, я, конечно, не сложила бы оружия в самом начале работы.

Шлю сердечный привет Вам.

Искренно преданная Вам Вера Волкович.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2551. Л. 39–40.

№ 15

Телеграмма

22/ III (или VI) 1908 г.

Педагогический институт М. Посадская, Сергею Фёдоровичу Платонову

Сердечно поздравляем [с] принятием святых тайн.

Искренно желаем всего наилучшего. Надежде Николаевне Привет.

Волкович. Столица.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2551. Л. 31.

№ 16

Гор[од] Чернигов, за Красный мост, дом Тризна.

9/ VII [1]908 г.

Дер[евня] Маслаковка.

Глубокоуважаемый Сергей Фёдорович,

Знаю, что Вы собираетесь в Чернигов на археологический съезд¹⁷. В Чернигове живёт мой зять – неперменный член Губернского присутствия – Владимир Петрович Тризна, не может ли он чем-нибудь быть Вам полезен? Он с удовольствием исполнит всё, что Вам окажется необходимым. Сообщите только о своих желаниях, нисколько не стесняясь. Вы очень обрадуете меня, если дадите возможность что-либо устроить для Вас.

Зинаида Константиновна¹⁸ и я проводим лето в деревне Черниговской губернии, а в начале августа, если мое здоровье будет в таком же хорошем состоянии, собираемся сначала в Чернигов, а оттуда числа 7-го в Гейдельберг на всемирный философский Конгресс и может быть в Лондон на всемирный педагогический Конгресс.

Надеемся, что не обеспокоим Вас, если обратимся с просьбой выдать нам из Педагогического Ин[ститу]та для участия в Конгрессах свидетельство о том, что мы преподавательницы философских предметов. Ещё приятнее было бы свидетельство о командировке с научной целью с указанием специальности и бесплатный паспорт, но об этом не смеем

просить, т.к. думаем, что это связано с затруднениями. Весной я была так слаба, что нельзя было и думать о загранице и поэтому мы тогда ничего не предприняли. Я прошу своего знакомого, к[ото]рый должен быть теперь в Петербурге, Михаила Семёновича Стрелоченя побывать у Вас. Если Вас не затруднит, будьте так добры дать ответ на нашу просьбу. Простите, пожалуйста, за невольное беспокойство.

Весной Вы обнадёжили Роткову-Ротнову /соседи Соболевых/, что м.б. она будет принята в Педагогический Ин[ститу]т. Не можете ли сообщить, как окончательно решился вопрос о её приёме? Мария Николаевна Хмыленская /Соболева/ очень озабочена судьбой её прошения.

Шлём искренний привет Надежде Николаевне.

Позвольте пожелать всего самого лучшего, надеюсь с Вами в Чернигове увидиться. Искренне Вам преданная Вера Волкович.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2551. Л. 32–34 об.

№ 17

19/ VII – [1]908 г.
дер. Маслаковка.

Глубокоуважаемый Сергей Фёдорович,

От Макошина¹⁹ до Чернигова ходят всё лето пароходы и при этом вполне удовлетворительные, с каютами и буфетом. Пароходы эти почти такие же, как и те, что ходят от Чернигова до Киева.

Из Макошина пароход выходит в 6 ч. утра, а в Чернигов приходит // л. 35 об. в 2 ч. дня /в тот же день/. Таким образом, в дороге приходится быть 8 часов. В Макошине от вокзала до пристани не более ¼ версты, при желании можно пройти пешком, а вещи поручить носильщику перенести до пристани.

Если Вы выедете с Царицынского вокзала скорым поездом в 10 ч. веч[ера], то можете доехать до Макошина без пересадки в вагоне прямого сообщения /на Киев или Николаев/. Этот поезд приходит в Макошино в 3 ч. 22 м утра. Ехать таким путем выгоднее, потому что можно воспользоваться скорым поездом. На Круты²⁰ же пришлось бы, вследствие несогласования поездов, ехать почтовым и при том с неудобными пересадками. Кроме того, от Крут до Чернигова, как Вам, наверное, известно, пренеприятная узкоколейная железная дорога, к[ото]рая не везёт, а ползёт.

Таким образом, в Чернигов на Макошино самый удобный путь, в дороге будете 40 часов.

За высылаемое нам удостоверение горячо обе Вас благодарим, а также за извещение о приеме Рат. Рожковой.

Шлём обе сердечный привет Вам и всей семье. Пока до скорого свидания! Искренне преданная Вам Вера Волкович

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2551. Л. 35–36 об.

№ 18

31/ VIII – [1]908
С-Петербург.

Глубокоуважаемый Сергей Фёдорович,

Сердечно благодарю Вас за Ваше письмо. Мы, обе с Зинаидой Константиновной, с глубоким удо-

вольствием вспоминаем дни, проведенные с Вами в Чернигове, так много удовольствия доставила нам встреча с Вами и Вашими милыми барышнями. Шлём обе Вам, Надежде Николаевне и барышням наш сердечный привет.

Что касается 5-й группы, с удовольствием берем на себя все пять часов групповых занятий, как это было и в прошлом году.

Чувствую себя совсем хорошо. Благодарю за внимание.

Полна желаний работать, а это, конечно, хороший признак.

До скорого свидания.

Искренно Вам преданная Вера Волкович.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2551. Л. 37–38.

№ 19

9. IV. [19]09 г.

Глубокоуважаемый Сергей Фёдорович,

Посылаем Вам два экземпляра отчёта: один для представления в Ведомство Императрицы Марии²¹ на имя Главноуправляющего²², другой – Павлу Егоровичу Кеппену и напоминаем обстоятельства нашего дела. 1. Поездка наша на Конгресс была вызвана сознанием необходимости ознакомиться с постановкой психо-педагогических и педагогических работ на Тенёвском междунар[одном] Конгрессе в виду предлагаемой организации психо-педагогического кабинета в Институте и обусловлена обещанием кн[язя] Голицына (в Вашем присутствии в Пед[агогическом] Ин[ститу]те) поддержать наше ходатайство о командировке, а равным образом советом с его стороны не возвращаться из Афин, а ехать прямо в Женеву с расчётом на командировку из Ведомства (благодаря чему мы только и рисковали продолжить своё путешествие).

2. От Вас мы узнали летом, что (согласно бумаге, полученной Вами из Ведомства в июне), не встречено препятствий к командированию..., но лишь на их собственный счёт; что же касается денежного пособия из сумм Ведомства помянутым лицам, то такое могло бы быть назначено в сумме не свыше 300–400 р. обеим.

Итак, Ведомство обещало и командировку, и денежное пособие в офиц[иальной] бумаге /командировка нам важна для дарового паспорта и возможности снять то обложение, к[ото]рое теперь требуется из Вертболова. Я говорила Вам об этом/.

От Вас летом мы узнали, что В.К. Коленцеву²³ сказали в Ведомстве о возможности исходатайствовать нам субсидию по нашему возвращению и представлению отчета.

3. Неполучение нами ни командировки / несмотря на указанный адрес/, ни денег застало нас совершенно врасплох и теперь очень надеемся на Ваше ходатайство, Глубокоуважаемый Сергей Фёдорович, чтобы получить обещанное Ведомством пособие в возможно большем размере, а также бумагу о состоявшейся командировке /хотя бы *roscho faktum*²⁴/.

4. Если нужно, мы Вам предоставим официальное прошение.

Простите, что беспокоим Вас. Сердечно Вас ещё раз благодарим за Вашу готовность помочь нам в нашем деле.

Позвольте Вам пожелать всего лучшего.

Искренно и душевно к Вам расположенные и преданные Вам В. Волкович и З. Столица.

В.О. 1 л. д. 14. кв. 4. Тел 292-93.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2551. Л. 41–44.

Примечания к приложению

1. Речь идёт о слушательницах XIX выпуска 1903 г. историко-филологического отделения Надежде Георгиевне Бедюх и Софье Георгиевне Бедюх (Раевой) (№ 2043 и 2044 (Список окончивших курс на С.-Петербургских высших женских курсах 1882–1889 гг. 1893–1911 гг. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1911–1913. С. 88).

2. Речь идет о Высших Женских Бестужевских Курсах.

3. Керн Эдуард Эдуардович (1855–1938) – русский ботаник и лесовод-дендролог, педагог. Специалист по прикладной ботанике и сельскохозяйственной мелиорации. Профессор, доктор сельскохозяйственных наук, директор Санкт-Петербургского лесного института с 1899 по 1905 гг.

4. Ермолов Алексей Сергеевич (1847–1917) – российский агроном, экономист, государственный деятель, статс-секретарь (с 1903 г.), член Государственного совета (с 1905 г.), министр земледелия и государственных имуществ (1894–1905), почётный член Петербургской Академии наук (1899), член-корреспондент Парижской Академии наук (1902).

5. Константин Константинович (1858–1915) – великий князь, поэт (поэтический псевдоним К.Р.), президент императорской Санкт-Петербургской академии наук, Почетный попечитель Женского педагогического института.

6. Кеппен Павел Егорович (1846–1911) – адъютант великого князя Константина Николаевича, генерал от артиллерии, управляющий делами великого князя Константина Константиновича. Один из учредителей Женского педагогического института.

7. Султан-Шах Екатерина Семеновна (1861–1939) – помощница начальницы Императорского женского педагогического института.

8. Папкина Ольга Александровна (1850–1920) – начальница института.

9. Берлин. Marienstr. 24-м этаже мезонина в Дорнерт для миссис Вера Волкович.

10. Зимин Валериан Тимофеевич (1947–1911) – директор Томского отделения Сибирского торгового банка, общественный деятель по содействию народному образованию, благотворитель. В 1906 г. Валериан Тимофеевич основал в Петербурге «интернат для изучения человека как предмета воспитания», который развился в целое учреждение – Психопедологический институт и вошел в состав известного Петербургского психо-неврологического института (Харитоновна Е.М., Толопило А.Г. К истории создания первого в Сибири бактериологического института (к 100-летию со дня основания Бактериологического института им. Ивана и Зинаиды Чуриных) // Бюллетень сибирской медицины. 2003. № 2. С. 109–115) [25].

11. И так далее – с англ.

12. Слово вставлено над строкой
 13. ¹⁻¹ Текст вставлен сверху строки.
 14. «При чём вносится поправка или вновь пере-
 страивают созданную теорию» – примеч. В. Волкович.
 15. Слово вставлено сверху строки.
 16. Во владениях Ипполита Шотта были деревени
 Покровка, Знаменка, Новая Отрада, Кунакбаево, Ни-
 колаевка, Ивановка. Эти владения перешли сыну
 Льву Ипполитовичу, который был женат на Ивано-
 вой Вере Иосифовне.
 17. XIV Археологический съезд проходил в Чер-
 нигове в 1908 г.
 18. Речь идёт о Столице.
 19. Макошино относится к древнеславянским по-
 селениям, его название происходит от имени древне-
 славянской богини Макоши – покровительницы пло-
 дородия и женской плодovitости, которая симболи-
 зировала собой берегиню рода. В честь этой богини
 и был назван посёлок Макошино. На месте совре-
 менного поселка существовал город Хоробор, кото-
 рый впервые упоминается в летописи под 1153 г. В
 конце XIV столетия по соседству с Хоробором на
 берегу Десны образовалось село Макошино. В XVI
 веке два поселения слились в одно.
20. Село Круты (130 км к северо-востоку от Кие-
 ва, 18 км восточнее Нежина), где была железнодо-
 рожная станция.
 21. Ведомство учреждений императрицы Марии
 (также четвёртое отделение Собственной Его Импе-
 раторского Величества канцелярии, Мариинское
 ведомство, ВуИМ) — ведомство по управлению бла-
 готворительностью в Российской империи. Ведет
 свою историю от канцелярии императрицы Марии
 Фёдоровны, супруги Павла I, которая с 2 мая 1797 г.
 приняла в своё ведение московский и петербургский
 воспитательные дома со всеми их заведениями. В
 этом ведомстве находился и ЖПИ.
 22. Голицын Дмитрий Петрович (псевдоним –
 Муравлин; 1860–1928) – князь, русский государ-
 ственный деятель, писатель, общественный деятель.
 С 1906 г. товарищ главноуправляющего, а с 1 января
 1910 г. главноуправляющий СЕИВК.
 23. Коленцев Василий Карпович – правитель хо-
 зяйственной части ЖПИ, староста институтской
 церкви (14 февраля 1912 г. – 26 февраля 1915 г.).
 24. После сделанного (*лат.*).

**«... I THOUGHT ABOUT THE BEST PEDAGOGICAL EDUCATION REGULATION ...»:
 V. VOLKOVICH'S LETTERS TO S.F. PLATONOV (1903–1909)**

V.V. Mitrofanov

University at the Interparliamentary Assembly of the EurAsEC

Practical introduction of such academic disciplines as pedagogy and psychology into the educational process at the beginning of the 20th century. in Russian higher educational institutions was very slow. There were no special faculties to train specialists in these branches of scientific knowledge. Using the example of V.A. Volkovich and her friend Z.K. Stolitsa (indirectly) at the Women's Pedagogical Institute, whose director was the outstanding organizer of the education system in Russia S.F. Platonov, it became possible to trace the process of organizing the teaching of pedagogy and psychology, conducting practical classes, creating prototypes of future pedagogical laboratories (kindergarten, gymnasium, psychological and pedagogical office). Letters from V.A. Volkovich, addressed to S.F. Platonov, allow us to see the main stages of her formation as a scientist and determine the role of the director in this process. Understanding the need for widespread introduction of the achievements of pedagogy and psychology in a pedagogical university, S.F. Platonov provided all-round support to the undertakings, initiatives, projects, proposals from V.A. Volkovich and Z.K. Stolitsa, although not everything was realized.

Keywords: V.A. Volkovich, S.F. Platonov, pedagogy, psychology, psychological and pedagogical office, Women's Pedagogical Institute, international congresses.

**ВЕСТНИК
НИЖЕГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО**

Серия СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

№ 1 (61)

2021

Главный редактор
д.соц.н., проф. А.О. Грудзинский

Формат 60×84 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Таймс»
Уч.-изд. л. 19,8. Усл. печ. л. 17,1. Тираж 100 экз. Заказ № 93.
Дата выхода в свет: 31.03.2021
Свободная цена

Учредитель журнала: ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

Издательство Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.
603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

Отпечатано в типографии
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
603000, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство ПИ № ФС77-66314 от 01.07.2016 г.

Информационная продукция для детей старше 16 лет